

Научно-методический журнал

РУССКИЙ ЯЗЫК

в школе

Основан в августе 1914 года

Выходит 12 раз в год

Москва

Издатель – ООО «Наш язык»

10

октябрь

2017

16 +

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДИКА И ОПЫТ

- Шаталова О.В.* О формировании у школьников гармонического восприятия действительности (На примере произведений классической и региональной литературы) 3
- Шутан М.И.* Систематизация пунктуационного материала в X–XI классах 8

Уроки словесности

- Ясакова Е.А.* «Испепеляющие годы! Безумье ль в вас, надежды ль весть?» (Урок словесности по поэме А. Блока «Двенадцать») 13

Дидактический материал

- Пахнова Т.М.* «Язык открывает свои чертоги и кладовые только людям с раскрытой душой, тем, у кого сердце не зачерствело...» (Тексты В.И. Белова и о Белове на уроках русского языка) 19

МЕТОДИЧЕСКАЯ ПОЧТА

- Бондаренко М.А.* Слова, рожденные Октябрем (Материалы к уроку русского языка) ... 23
- Такие разные уроки...**

- Левушкина О.Н., Шеляпина И.И.* «...Пойдем же вдоль стен и колонн, с лексической яркой окраской от собственных этих имен» (Урок развития речи) 29

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

- Федоров А.В.* «Гуманность, коммуна, прогресс...»: концептосфера русского нигилизма в ироничном освещении А.К. Толстого 33
- Мундер М.К.* Роль устаревшей лексики в конструировании имплицитных смыслов (На материале произведений М.Ю. Лермонтова) 38
- Павлов Д.И.* Функции метатекста в романе А. Белого «Петербург» 41

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

- Федосеев В.А.* Об отношениях между компонентами простых предложений 45

В МИРЕ СЛОВ

- Зеленин А.В., Руднев Д.В.* Соревнование: от прошлого к настоящему 51

РУССКИЙ ЯЗЫК В ВУЗАХ

<i>Чепкова Т.П., Позднякова А.А.</i> Модуль «Лингвострановедение» в системе обучения иностранных студентов-филологов русскому языку (Окончание)	55
---	----

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО

<i>Никитин О.В.</i> Лингвистическое наследие Д.Н. Кудрявского (К 150-летию со дня рождения)	62
---	----

К 100-летию реформы русской орфографии

<i>Науменко С.В.</i> Хроника орфографической работы послереформенного периода (1917–1936 гг.)	70
---	----

КОНСУЛЬТАЦИЯ

<i>Дейкина А.Д., Левушкина О.Н.</i> Ориентировочное планирование работы в VIII классе по УМК Л.А. Тростенцовой, Т.А. Ладыженской, А.Д. Дейкиной, О.М. Александровой (науч. ред. Н.М. Шанский) «Русский язык» на 2017/2018 учебный год (II четверть)	77
<i>Савчук Л.О., Вартанян В.В., Аверьева М.В.</i> Ориентировочное планирование работы по учебнику «Русский язык. 8 класс» под ред. А.Д. Шмелева на 2017/2018 учебный год (II четверть)	82

Редакционная коллегия:

Главный редактор **Н.А. Николина**

Л.Г. Антонова, Б.Г. Бобылев, Н.С. Болотнова, Г.Н. Владимирская, Ю.Н. Гостева, А.Д. Дейкина, О.Е. Дроздова, Е.Л. Ерохина, А.В. Зеленин (Финляндская Республика), **Л.П. Крысин, В.В. Лопатин, О.В. Никитин, Б.Ю. Норман** (Республика Беларусь), **С.С. Оганесян, Т.М. Пахнова, В.М. Пахомов, М.Н. Приемышева, Б. Тошович** (Австрийская Республика), **С.Н. Цейтлин, М.Р. Шумарина**

Зам. главного редактора **А.Е. Куманьева**. Редакторы отделов: **Т.А. Боброва, Е.А. Фролова**

Зав. редакцией **О.М. Ковалева**. Компьютерная верстка — **К.В. Морозов**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77–22548 от 30 ноября 2005 г.

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Подписано в печать 28.09.2017. Формат 70x100¹/₁₆. Бумага офсетная.

Печ. л. 7. Тираж 900 экз.

Редакция журнала «Русский язык в школе». Юридический адрес редакции: 101000, Москва, почтамт, Покровский бульвар, д. 4/17, стр. 5. Телефон/факс 8(495)624–76–66.

E-mail: admin@riash.ru <http://www.riash.ru/>

Отпечатано в Филиале «Чеховский Печатный Двор» АО «Первая Образцовая типография»

Сайт: www.chpd.ru E-mail: sales@chpd.ru Тел. 8(499)270–73–59

© «Русский язык в школе». 2017

МЕТОДИКА И ОПЫТ

О формировании у школьников гармонического восприятия действительности

О.В. ШАТАЛОВА

Липецк

(На примере произведений классической
и региональной литературы)*

В статье обосновывается возможность оценки региональной культуры как составляющей русской культуры; предлагается система приемов, позволяющих актуализировать в преподавании русского языка концептуальную значимость явлений языка, словесного творчества, составляющих специфику культуры отдельного региона и гармонически включающихся в универсальную русскую культуру.

Ключевые слова: патриотизм; региональная культура; литература; гармоническое восприятие действительности.

Кто не принадлежит своему Отечеству,
тот не принадлежит и человечеству.

В.Г. Белинский

Каждый воевал, думая о своем обжитом
уголке, привычном с детства, и выходило,
что всякая пядь земли имела своего защитника.

Е. Носов. Красное вино Победы

В современной философии и культурологии достаточно широкое обоснование и бытование получает проблема осознания значимости *провинциальной* (как говорили классики), или *региональной*, культуры для формирования интеллектуально-нравственной основы общенародной, или даже шире — общечеловеческой, культуры [Культура... 2016]. «Россия — страна провинций. Русская провинциальность — это своеобразный феномен, это духовная субстанция, это мощный потенциал культуры.

Российская провинция достойна изучения. Она дала миру несметное количество звезд в науке и искусстве. Она породила уникальное биоэкономическое явление — село, город, усадьбу, монастырь — с взаимопроницающими связями разномасштабных культур» [Воронина 2012: 80].

Однако в филологии, языкознании и, в частности, в преподавании русского языка в школе на периферии остается вопрос тесной взаимосвязи и взаимообусловленности знаний и представлений личности, касающихся культуры родного региона, *малой родины*, и моральных, нравственных интенций индивидуума, отражающихся в реальных поступках. Данное положение, на наш взгляд, обусловлено амбивалентными направлениями современного образования и в целом культуры. С одной стороны, «официальное признание» провинциальной культуры как явления второго уровня перед «столичной» (что на самом простом уровне отражается в содержании учебной программы — на уровне текстов, примеров историко-культурных явлений и пр.) и «негативное переживание» [Скоробагацкий 1994: 38] самого провинциального бытия/бытования стали причиной формирования негативного восприятия территориальной культуры самими жителями того или иного региона. С другой стороны, в процесс

* Статья публикуется в рамках проекта «Патриотическое воспитание и формирование гражданской идентичности на уроках русского языка и словесности».

Шаталова Ольга Васильевна, доктор филол. наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского».

E-mail: shat_o_v@mail.ru

обучения на протяжении XX — начала XXI в. активно вводились такие дисциплины, как «Краеведение», «Литературное краеведение», «Регионоведение» и пр. Первоначально это были дисциплины, располагавшиеся в сфере дополнительной работы / внеурочной деятельности (кружок, факультатив, исследовательская группа), позже подобные курсы стали включаться в число обязательных дисциплин как «региональный компонент». Данный факт, несмотря на весь положительный пафос внимания к сокровищам провинции, акцентирует именно ее отделенность от универсальной, образцовой русской культуры. При таком подходе носитель культуры и языка однозначно воспринимает всё, что не получает «одобрения и распространения» через «столичную реализацию», как имеющую негативную коннотацию, что отражается как в языковом воплощении личности, так и в социально ориентированных действиях. В противовес сложившейся ситуации необходимо вспомнить, что еще М.М. Бахтин, Д.С. Лихачев, А.Ф. Лосев, Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский отмечали концептуальные признаки провинциальной/региональной культуры, которые с опорой на природно-географические и историко-культурные факторы формируют ее как элемент национальной культуры.

Опираясь на суждение А.А. Потебни: «Язык — не отражение сложившегося мировоззрения, а слагающая его деятельность», — мы сегодня можем предполагать, что язык как главный объект изучения на уроке и одновременно как основное средство познания действительности способен играть ключевую роль в формировании представлений школьника о культуре (в том числе — языковой) родного края, влиять на восприятие региона как пространства для реализации личностных и социальных интенций. Таким образом, язык провинции выступает в качестве инструмента самосознания жителей региона и важнейшей составляющей национально-культурного процесса, что определяет значимость синхронного изучения и коррекции современного языка региона, а также включения в современную языковую среду, в том числе в сферу образования, словесных произведений, значимых для общенациональной культуры в диахроническом аспекте.

Ввиду отсутствия на данный момент единой государственной политики

«культурно-языковой реанимации провинции», масштаб проблемы и потенциальных задач работы в обозначенном направлении должен корректироваться в соответствии с индивидуальными особенностями организации системы образования в каждом регионе, но можно выделить отдельные направления, приемы и методы, доступные учителю и не требующие значительных материальных и технических ресурсов. Для иллюстрирования предлагаемых форм работы мы обращаемся к «культурным ресурсам» Липецкой области, в силу социально-исторических преобразований включающей в себя потенциал нескольких областей Центральной России и Черноземья, именно по той причине, что каждый регион России обладает собственным достаточным культурно-языковым фондом.

Углубить знания о русском языке как основе духовной культуры народа, приобщить школьников к базовым национальным и культурным ценностям российского общества, создать атмосферу для восприятия колорита региона как фактора национальной самоидентификации может работа по направлению, которое можно условно обозначить как **текстовая персонология**.

Персонология — активно развивающееся направление современной лингвистической науки, предполагающее изучение текстов определенных лиц с целью выяснения характерологических особенностей личности. В соотношении с обозначенными выше задачами обращения к региональной культурной базе в данном направлении предполагается работа с текстами мастеров слова, связанных биографически или творчески с конкретным регионом, причем это обязательно должны быть как писатели, чьи произведения включены в учебную программу, так и, возможно, забытые ныне современники классиков либо писатели XX в., незаслуженно выведенные из поля зрения ученых и рядового читателя в силу изменения социально-нравственной конъюнктуры. Для проведения диктанта, изложения, изложения с элементами сочинения, морфологического анализа текста и пр. учителем может быть создана «региональная текстовая база», в основу которой положен тематический, географический или стилистический принцип и т.д. При этом звучащие параллельно тексты русских классиков и тех, кто сегодня неизвестен, но без кого невозможно (по оценке И.А. Бунина) целостное существование

литературной среды, создает, во-первых, возможность для комплексного восприятия культурного пространства России, формирует понимание значимости каждого региона, во-вторых, позволяет оценить определенный языковой колорит произведений региональной литературы, специфическую стилистику, что, несомненно, расширяет спектр языковых впечатлений школьников, обостряет лингвистическое чутье, проявляющееся при сравнении канонических текстов и текстов, отражающих живую языковую (но при этом литературную — нормативную — по своей сути) среду того или иного периода.

Так, уроженцами Липецкой области являются известные писатели: И.А. Бунин, М.М. Пришвин, Е.И. Замятин, произведения которых входят фактически во все образовательные программы. И.С. Тургенев посвятил несколько рассказов цикла «Записки охотника» красоте природы Черноземного края. В то же время современником Л.Н. Толстого, получившим достаточно высокую оценку яснополянского гения и многих других выдающихся деятелей литературы, был Александр Иванович Эртель. Одним из «лучших лириков в прозе», «богатым лексикатором», «знатком души российской» [Писатели... 1986], по оценке М. Горького, был Александр Иванович Левитов. (Данный список можно расширять, но мы обращаемся только к этим персоналиям в силу ограниченного формата представления методической идеи.) Таким образом, формируется определенный литературный контент, содержащий фактическую информацию о Липецком крае и богатейший языковой материал.

Минимальный список произведений, которые могут быть положены в основу «текстовой базы данных» в соотношении с задачами формирования представления школьников о родном крае как культурно-нравственной составляющей национальной жизни, может быть следующим:

Бунин И.А. «Антоновские яблоки»;

Левитов А.И. «Степные выселки», «Ярмарочные сцены»;

Пришвин М.М. «Кашеева цепь», «В краю непуганых птиц»;

Тургенев И.С. «Лебедянь», «Касьян с Красивой Мечи»;

Эртель А.И. «Записки Степняка», «Гарденины, их дворня, приверженцы и враги».

На основе данных произведений могут быть составлены подборки текстов, объединенных по тематическому признаку: «Природа», «Люди земли Липецкой», «Образование и культура», «Говоры и наречия», «Ремесло и мастерство», «О братьях наших меньших», «Деревня», «Усадьба» и др.

Приведем пример подборки, составленной из отрывков произведений обозначенных авторов (см. Приложение). Класс и тема, при изучении которой она может использоваться, определяются учителем в зависимости от индивидуальных особенностей учащихся, программы и прочих факторов построения учебного процесса. При работе с данными текстами возможно применение следующих типов упражнений, кроме обозначенных ранее:

1) комментированное изучение топонимов и особенностей обозначения явлений ландшафта Центрально-Черноземной России / правописание имен собственных (*Дон, луговой, нагорный* — см. текст А.И. Левитова; *Малюхинские кусты, Березовка* — см. текст А.И. Эртеля);

2) знакомство с устаревшей лексикой (*аршин* — см. текст И.А. Бунина; *господский, изба, барский, флигель* — см. текст А.И. Левитова; *аршин, сажень, трут* — см. текст И.С. Тургенева; *купеческий, хутор, скирда, верста, казенный, клир* — см. текст А.И. Эртеля);

3) знакомство с диалектной лексикой / диалектной грамматикой (на деревне (грамм.), по заре (грамм.) — см. текст И.А. Бунина; *чурюканье* — см. текст А.И. Левитова; *сечки, отпрыски* — см. текст И.С. Тургенева; *рига, ветла* — см. текст А.И. Эртеля);

4) работа по словообразованию, анализ авторских неологизмов (*неоглядный, ощутительный, путевой, запугаться* — см. текст А.И. Левитова; *дупляной* — см. текст М.М. Пришвина; *видимо* (семантический/контекстуальный неологизм), *четверугольник* — см. текст И.С. Тургенева);

5) анализ синтаксиса словосочетаний и предложений;

6) изучение средств стилистической выразительности (комментарии к данному пункту считаем излишними, так как в каждом из предлагаемых отрывков представлено изобилие стилистических тропов и фигур).

Предложенные формы работы с текстами составляют лишь незначительный спектр возможных упражнений, но

уже на этом уровне обсуждения проблемы можно обнаружить параллелизм различных явлений языка в текстах классиков и писателей, чье творчество составляет достояние региональной литературы. Это лишний раз позволяет подчеркнуть гармоническое взаимодействие культуры и литературы «столичной» и «провинциальной» и единство, цельность и целостность русского языка. Последовательное и обоснованное сопоставление явлений культуры *малой* и *большой* родины, на наш взгляд, формирует внутреннюю цельность восприятия действительности и способность определять личностные координаты. Именно это и представляет собой «самостоянье человека — залог величия его», формирование которого является главной задачей гуманитарного — языкового — обучения и воспитания.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Бунин И.А. Антоновские яблоки

К ночи в погоду становится очень холодно и росисто. Надывавшись на гуме ржаным ароматом новой соломы и мякины, бодро идешь домой к ужину мимо садового вала. Голоса на деревне или скрип ворот раздаются по студеной заре необыкновенно ясно. Темнеет. И вот еще запах: в саду — костер, и крепко тянет душистым дымом вишневых сучьев. В темноте, в глубине сада — сказочная картина: точно в уголке ада, пылает около шалаша багровое пламя, окруженное мраком, и чьи-то черные, точно вырезанные из черного дерева силуэты двигаются вокруг костра, меж тем как гигантские тени от них ходят по яблоням. То по всему дереву ляжет черная рука в несколько *аршин*, то четко нарисуются две ноги — два черных столба. И вдруг все это скользнет с яблони — и тень упадет по всей аллее, от шалаша до самой калитки...

Поздней ночью, когда на деревне погаснут огни, когда в небе уже высоко блещет бриллиантовое созвездие Стожар, еще раз пробежишь в сад.

Левитов А.И. Степная дорога днем

По навозному, дрожавшему под ногами мосту я перешел с *луговой*, низменной стороны *Дона* на *нагорную*. Сырой предутренний холод, обыкновенно веющий от реки, окончательно прогнал от меня дремоту.

С моста по крутому каменистому въезду я взобрался на высокую гору. Передо мной была маленькая *господская* деревня с десятком развалившихся *изб* и *барским флигелем* в три окна, а позади меня и с боков спящая степь. *Неоглядная* окрестность, вся закрытая пред-рассветным мраком, как-то грозно смотрела на меня. При виде этой спящей силы я вдруг

необыкновенно ясно сознал, что я один посреди ее и что всего меня обняла она своими широкими объятиями...

Испуганный молчаливым величием ночи, я иду по сонной деревне. Утренний холод, так *ощутительный* в поле, сменился запахом жилья. Потемнело как будто, и, хотя на улице решительно не было ни одного живого существа, тем не менее в природе чувствовалась какая-то ободряющая полнота. Ночной мрак уже не пугал воображения.

Но вот деревня пройдена. Чурю канье навозных тараканов уже не слышится; повеяло прежним холодом, — в *путевой* дали, изрытой глубокими оврагами, которые, как щетиной, поросли мелким кустарником, завиднелась грозная, тайная ночь, и снова воображение *запугалось* ее, и душа затосковала своим одиночеством.

Пришвин М.М. Этажи леса

У птиц и у зверьков в лесу есть свои этажи: мышки живут в корнях — в самом низу; разные птички вроде соловья вьют свои гнездышки прямо на земле; дрозды — еще повыше, на кустарниках; *дуплые* птицы — дятел, синички, совы — еще повыше; на разной высоте по стволу дерева и на самом верху селятся хищники: ястреба и орлы.

Мне пришлось однажды наблюдать в лесу, что у них, у зверушек и птиц, с этажами не как у нас в небоскребах: у нас всегда можно с кем-нибудь перемениться, у них каждая порода живет непременно в своем этаже.

Однажды на охоте мы пришли к полянке с погибшими березами. Это часто бывает, что березы дорастут до какого-то возраста и засохнут.

Другое дерево, засохнув, роняет на землю кору, и оттого непокрытая древесина скоро гниет и все дерево падает; у березы же кора не падает; эта смолистая, белая снаружи кора — береста — бывает непроницаемым футляром для дерева, и умершее дерево долго стоит, как живое.

Тургенев И.С. Касьян с Красивой Мечи

Погода была прекрасная, еще прекраснее, чем прежде; но жара всё не унималась. По ясному небу едва-едва неслись высокие и редкие облака, изжелта-белые, как весенний запоздалый снег, плоские и продолговатые, как опустившиеся паруса. Их узорчатые края, пушистые и легкие, как хлопчатая бумага, медленно, но *видимо* изменялись с каждым мгновением, они таяли, эти облака, и от них не падало тени. Мы долго бродили с Касьяном по сечкам. Молодые отпрыски, еще не успевшие вытянуться выше *аршина*, окружали своими тонкими гладкими стебельками почерневшие, низкие пни; круглые губчатые наросты с серыми каймами, те самые наросты, из которых вываривают *трут*, лепились к этим пням;

земляника пускала по ним свои розовые усики; грибы тут же тесно сидели семьями. Ноги беспрестанно цеплялись и путались в длинной траве, пресыщенной горячим солнцем; всюду рябило в глазах от резкого металлического сверкания молодых, красноватых листьев на деревцах; всюду пестрели голубые гроздья журавлиного гороху, золотые чашечки куриной слепоты, наполовину лиловые, наполовину желтые цветы ивана-да-марьи, кое-где возле заброшенных дорожек, на которых следы колес обозначались полосами красной мелкой травки, возвышались кучки дров, потемневших от ветра и дождя, сложенные *сажениями*; слабая тень падала от них косыми *четвероугольниками*, — другой тени не было нигде. Легкий ветерок то просыпался, то утихал: подует прямо в лицо и как будто разыграется, — все весело зашумит, закивает и задвигается кругом, грациозно закачаются гибкие концы папоротников, — обрадуешься ему... но вот уж он опять замер, и все стихло. Одни кузнечики дружно трещат. Словно озлобленные, — и утомителен этот непрестанный, кислый и сухой звук. Он идет к неотступному жару полудня; он словно рожден им, словно вызван им из раскаленной земли.

Эртель А.И. Записки степняка. От одного корня

У меня вырвалось невольное восклицание, когда я сел верхом и оглянул знакомые окрестности... Я не узнал их.

Вместо вчерашнего серенького, туманного колорита какое-то торжественное сверкание облекало их. Сверкали солнечные лучи, сверкал снег, отражая эти лучи, сверкало чистое, безоблачное небо. Казалось, самый воздух, холодный, но чудно прозрачный, проникнут был этим сверканием... Правда, этот сплошной блеск чрезвычайно скоро утомлял глаза. Им становилось больно даже от одного пристального взгляда на ослепительно белую пустыню, с убийственной ровностью раскинутую на огромное, подавляющее пространство. Но зато там и сям, на голубоватом горизонте, замыкавшем эту пустыню, показались предметы, на которых

можно было отдохнуть утомленному зрению. Дали как бы раздвинулись. Завиднелись скрытые до сих пор колокольни окрестных сел со своими ярко позолоченными крестами; показались далекие *купеческие хутора* со своими высокими ригами и *скирдами* хлеба; засинелись *Малюхинские кусты*, отстоящие от хутора не ближе десяти *верст*; черною, едва заметною нитью протянулся по южному горизонту *казенный* лес, до которого считалось еще дальше, чем до Малюхинских кустов; словно из земли выросла *Березовка* со своими гумнами, с ветлами и, опущенными снегом, с черными трубами, резко выдававшимися на белых крышах...

Вся снеговая равнина, все эти колокольни с огоньками, сверкающими на крестах, все эти хутора, кусты, лес, *Березовка* — всё словно было погружено в глубокий, невозмутимый сон. Ни одного звука не тревожило торжественной тишины... Блеск и тишь — вот картина. Не хотелось громко выговорить слова, вскрикнуть, зашуметь, — одним словом, каким бы то ни было образом нарушить эту тишину, пробудить ее. Чувствовалось, что всякий звук — если он не принадлежит какому-нибудь небожителю — был бы оскорблением чему-то дорогому, близкому, какой-то святыне... Природа казалась храмом, тишина — благоговейной тишиной этого храма, тишиной, в которой уместны лишь кроткий шепот молитвы да стройное, умирительно-прекрасное пение *клира*, тишиной строгой и вместе величавой...

ЛИТЕРАТУРА

Воронина Н.И. Культура провинции в пространстве современной политики // *Философские науки*. — 2012. — № 12.

Культура российской провинции: история и современность. Сборник статей по материалам научной конференции (Курск, 14–15 апреля 2016 г.). — Курск, 2016.

Писатели Липецкого края. Библиографический указатель. — Вып. 1. — Воронеж, 1986.

Скоробагацкий В.В. Провинция как феномен русской культуры // *Социемы*. — 1994. — № 3.

В статье предлагается модель систематизации пунктуационного материала в старших классах, учитывающая синтаксическую природу тех или иных норм расстановки знаков препинания.

Ключевые слова: *принципы пунктуации; функции знаков препинания; синтаксическая связь; синтаксические конструкции; авторская пунктуация.*

Одна из актуальнейших проблем преподавания русского языка в старших классах — систематизация пунктуационного материала, которая должна способствовать совершенствованию навыков учащихся, связанных с расстановкой знаков препинания.

На стр. 9 приводится таблица, в которой предлагается один из возможных вариантов структурирования пунктуационного материала.

Прокомментируем содержание таблицы.

I. На этапе систематизации материала особое внимание уделяется **основам русской пунктуации**.

Остановимся на базовых *принципах русской пунктуации*.

Как известно, синтаксический (структурный) принцип предполагает расстановку знаков препинания с учетом строения предложения. Тип синтаксической конструкции, например, диктует наличие или отсутствие запятой при сочинительном союзе *и*. Принципиально важно в этом случае различать простое предложение с однородными членами и сложносочиненное предложение.

Логический принцип подчиняет грамматическое членение речи и пунктуацию смыслу и допускает вариативность в расстановке знаков препинания в зависимости от понимания содержания предложения: 1) *Я выполнил задание так, что мне не стыдно смотреть людям в глаза* (придаточное образа действия с дополнительным значением следствия, относящееся к словосочетанию «глагол + указательное наречие так»); 2) *Я выполнил задание, так что мне не стыдно смотреть людям в глаза* (придаточное следствия, относящееся ко всей главной части).

Шутан Мстислав Исаакович, заслуженный учитель РФ, доктор пед. наук, кандидат филол. наук, профессор кафедры словесности и культуры Нижегородского института развития образования.

E-mail: mshutan@mail.ru

Интонационный принцип предполагает влияние интонации на пунктуацию. Это может быть: 1) выбор точки, восклицательного или вопросительного знака в конце предложения; 2) выбор запятой или восклицательного знака после обращения.

Включение принципов пунктуации в содержание уроков позволяет акцентировать внимание школьников и на характере синтаксических структур, и на их смысловых особенностях, и на интонации конца предложения, за которой стоит определенная коммуникативная установка.

Упражнение 1. Каковы принципиальные особенности нового этапа человеческой жизни, о котором пишет А.С. Пушкин в романе «Евгений Онегин»? Объясните употребление однородных согласованных определений в тексте. Как изменится поэтический смысл, если убрать запятые между определениями? Какой принцип русской пунктуации «работает» в этом случае?

Лета к суровой прозе клонят,
Лета шалунью рифму гонят,
И я — со вздохом признаюсь —
За ней ленивей волочусь.
Перу старинной нет охоты
Марать летучие листы;
Другие, холодные мечты,
Другие, строгие заботы
И в шуме света и в тиши
Тревожат сон моей души.

Выполняя упражнение, старшеклассники прежде всего работают со строчками, которые выделены курсивом. Если перед нами однородные определения (а запятая между именем прилагательным и определительным местоимением сигнализирует об этом), второе согласованное определение в каждом случае характеризует те *новые* мечты и заботы, которые входят в жизнь человеческой личности в суровый период зрелости. Сами однородные определения надо читать с перечислительной интонацией.

Но возможна совсем иная интерпретация пушкинских строк, не закрепленная

Таблица

Раздел пунктуации	Содержание раздела
Основы русской пунктуации	Грамматический, логический и интонационный принципы русской пунктуации. Отделительная и выделительная функции знаков препинания
Знаки препинания конца предложения	Точка. Парцелляция. Многоточие. Вопросительный знак. Риторический вопрос. Восклицательный знак. Риторическое восклицание
Пунктуация и сочинительная связь	Признаки сочинительной связи. Запятая при однородных членах. Двоеточие и тире в предложениях с обобщающими словами. Запятая, точка с запятой и тире в сложносочиненных предложениях. Отсутствие знака препинания между предикативными частями сложносочиненного предложения. Запятая при однородных придаточных. Запятая, точка с запятой (при значении перечисления) и тире (при значениях быстрой смены событий и противопоставления) в бессоюзных сложных предложениях с однотипными частями
Пунктуация и подчинительная связь	Признаки подчинительной связи. Тире между подлежащим и сказуемым. Тире в неполном предложении. Обособление определений, приложений, обстоятельств, дополнений, уточняющих, поясняющих, присоединительных членов предложения: обособление независимо от положения главного слова и только после главного слова; факультативное обособление. Запятая между предикативными частями сложноподчиненного предложения. Запятая между подчинительными средствами связи при последовательном подчинении. Запятая между сочинительными и подчинительными союзами в сложных предложениях с разными видами связи. Двоеточие между предикативными частями бессоюзных сложных предложений с разнотипными частями (со значением пояснения, причины, дополнения). Тире между предикативными частями бессоюзных сложных предложений с разнотипными частями (со значениями времени, условия, следствия). Знаки препинания при прямой речи
Пунктуация и грамматически независимые слова и синтаксические конструкции	Запятая и восклицательный знак при обращении и междометии. Значения вводных слов, словосочетаний, предложений и запятая при них. Скобки и тире при вставных словах, словосочетаниях, предложениях
Повторение изученного	Смысловые отношения, передаваемые при помощи запятой, двоеточия, тире. Авторская пунктуация

в каноническом тексте романа: определения не являются однородными — и, соответственно, имеются в виду *новые* хладные мечты и строгие заботы, которые пришли на смену *прежним* хладным мечтам и строгим заботам. Язык такой смысл допускает, но он противоречит самой сути пушкинских строк.

Лингвистический эксперимент позволяет школьникам через работу с альтернативным вариантом лучше представить возможности языка и глубже осмыслить логический (смысловой) принцип русской пунктуации.

При выполнении заданий на выявление *отделительной или выделительной функции знаков препинания* школьникам необходимо помнить, что во многих случаях трансформация предложения

приводит к смене функции. Например, придаточным предложением разорвали главное предложение — и отделительная функция автоматически сменилась функцией выделительной.

Упражнение 2. Перестройте предложения так, чтобы изменилась функция запятых. Запишите предложения в измененном виде и устно объясните характер изменений.

1) Лишь сегодня я покинул город, в котором провел несколько запоминающихся лет. 2) Чем-то воодушевленный, он чуть ли не бежал по тротуару. 3) Твое мнение, несомненно, будет учтено при принятии итогового решения. 4) Друзья, через час мы отправляемся в путь! 5) Сергей, прочитав роман ирландского писателя Д. Бойна «Мальчик в полосатой пижаме», серьезно задумался о сути нацизма.

II. При характеристике **знаков препинания конца предложения** необходимо учитывать следующее: они могут выступать средствами речевой выразительности. Это и риторические вопросы, и риторические восклицания, и многоточие, и точка, разрывающая предложение и оформляющая его части как самостоятельные синтаксические структуры (прием парцелляции).

Упражнение 3. Трансформируйте каждое предложение, используя прием парцелляции. Проанализируйте получившиеся синтаксические конструкции. Возможны ли варианты трансформации предложений?

1) Триумфальная площадь вполне могла бы стать туристическим центром, как многие площади Рима и Афин. 2) Кстати, свое название Триумфальная площадь получила лишь в восемнадцатом веке, когда здесь начали возводить триумфальные арки в честь коронации императоров или по случаю военных побед. 3) После этого многое менялось, потому что нельзя все время находиться в сфере одних и тех же интонаций.

Упражнение 4. Определите в стихотворении А.С. Пушкина «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы» (1830 г.) роль предложений с многоточием и вопросительным знаком.

III. Большая часть пунктуационного материала сгруппирована исходя из **вида синтаксической связи**. Такой подход позволяет на этапе систематизации ранее изученного ставить рядом пунктограммы, базирующиеся на сочинительной или подчинительной связи.

Так, чрезвычайно важно различать простые предложения с однородными членами и сложносочиненные предложения, так как в них между однородными элементами ставятся знаки препинания в соответствии с разными пунктуационными правилами. Но и важно помнить, что пунктуация между однородными членами и однородными придаточными подчиняется общему правилу.

Среди тренировочных упражнений особое значение приобретают упражнения, в которые входят синтаксические конструкции разных типов **с сочинительной или подчинительной связью**. Их группировка и анализ, несомненно, способствуют совершенствованию пунктуационных навыков школьников.

Может вызвать вопрос включение во второй и третий разделы **бессоюзных сложных предложений**.

В лингвистической науке бессоюзные сложные предложения, соотносительные со сложносочиненными предложениями, называют предложениями с однотипными частями, а предложения, соотносительные со сложноподчиненными предложениями, — предложениями с разнотипными частями. [Современный русский язык 1984: 649]. В первом случае между предикативными частями действует синтаксическая связь, напоминающая сочинительную, а во втором — подчинительную.

Следовательно, не должно удивлять, что даже в школьной практике при изучении этой темы в IX классе активно используются ресурсы синтаксической синонимии. Так, обосновывая знак препинания между предикативными частями, школьники превращают бессоюзное сложное предложение в союзное. Возможен и обратный процесс: трансформация союзного предложения в бессоюзное. В этом случае опускаемый учеником сочинительный или подчинительный союз помогает ему решить вопрос о выборе знака препинания.

Сама возможность превращения **предложений с прямой речью** (а они напоминают бессоюзные сложные предложения со значениям изъяснения) в сложноподчиненные предложения свидетельствует о том, что и здесь ощутимо влияние подчинительной связи.

Рассматривая пунктуационные правила в связи с той или иной разновидностью синтаксической связи, старшеклассники делают следующий вывод: если при сочинительной связи у знаков препинания проявляется только отделительная функция, то при подчинительной — как отделительная, так и выделительная.

Упражнение 5. Сгруппируйте предложения в зависимости от вида синтаксической конструкции с сочинительной связью. Перепишите предложения, расставляя пропущенные знаки препинания. Составьте синтаксические схемы. Устно объясните пунктуацию.

1) Дубовые кусты разр..слись по ска-там оврага около родника зелено..т короткая барх..тная травка со(?)неч(?)ные лучи почти (н..) когда (не) к..сают(?)ся его холодн..й сер..брист..й влаги. (Тургенев). 2) То что было дек..ративною частью сада и что сам Песочный пр..зрительно обзывал пустяками производи-ло на Коврина когда (то) в детстве сказоч(?)ное впечатление. (Чехов). 3) Земля сама себя глот..т и тычась в небо головой провалы памяти

лата..т то человеком то травой. (Тарковский). 4) Видно как птица поет на сучке и каждое пер..шко др..жит у нее от усилия. (Пришвин). 5) Вы просыпа..тесь от счастья словно в детстве. Вам со(?)нце летнее шлет ми(л, лл)ион пр..ветствий и стены светлые и (ярко) ж..лтый пол и сад прониз..(н, нн)ый (на) сквозь жу(ж, жж)аньем пчел. (Маршак). 6) А часом позже уже с..яло со(?)нце и от земли п..дымался пар. (Бакланов). 7) В минуты музыки печальной я пр..дставляю ж..лтый плес и голос женщины прощальный и шум порывистых берез и первый снег под небом сер..м среди погаснувших полей... (Рубцов). 8) Удар и содр..гнулся дом. (Кузнецов). 9) На узкие листья рябины шумя нал..тает закат и тучи на нас как руины воздушного замка л..тят. (Соколов).

Упражнение 6. Сочините и запишите предложения, соответствующие приведенным ниже схемам (в них отсутствуют знаки препинания). Устно объясните пунктуацию.

обст. времени [— —] и [— — —]
(с. когда) [— — —] и [— — —]
(с. если ...) и (...) [— — —]
[гл.] (с. что...) и (...)
[сущ. (с. сл. который...) и (с. сл. который...) ...]

IV. Комментария требует материал об обособлении членов предложения. Эта тема может повторяться в старших классах в соответствии с разными моделями: 1) традиционная модель, отражающая последовательность изучения пунктограмм в VIII классе (обособление определений, приложений и т. д.); 2) группировка правил, учитывающая место главного слова по отношению к обособленному члену предложения, а также обязательный или факультативный характер обособления; 3) традиционная модель, реализация которой на заключительном, обобщающем этапе обогащается элементами второй модели.

Приводимый ниже материал раскрывает содержание второй модели:

1) **обособление независимо от положения главного слова:** любое определение и приложение, относящееся к личному местоимению; любое определение и приложение с оттенком обстоятельственного значения; согласованное определение, отделенное от определяемого слова другими членами предложения; любое несогласованное определение, относящееся к имени собственному; обстоятельство, выраженное одиночным деепричастием, деепричастным оборотом, сочетанием

существительного с производным предлогом *несмотря на*;

2) **обособление только в положении после главного слова:** согласованное распространенное определение и приложение (приложение может быть нераспространенным), однородные согласованные нераспространенные определения, стоящие после определяемого существительного; уточняющий, поясняющий или присоединительный член предложения в положении после главного слова;

3) **факультативное обособление:** обстоятельства, выраженные сочетанием существительного с производным предлогом (кроме предлога *несмотря на*); уточняющие дополнения с предлогами.

После текста приведенного ниже упражнения в скобках цифрой указан тип обособления.

Упражнение 7. Перепишите предложения, расставляя пропущенные знаки препинания. Устно и письменно обоснуйте пунктуацию при обособленных членах. Докажите, что в каждой группе предложений представлены обособленные конструкции разных типов.

I. 1) Но над хаосом звуков носился мой сон. Болезне(н, нн)о-яркий волшебнo-немой он веял легко над гремящею тьмой. (Тютчев). 2) Мне сейчас жаль что я ленивая и (не) любопытная бе(с, сс)мысле(н, нн)ая и бесп..шадная упустила время в юност.. поз(?)но сп..хватилась... (Толстая). 3) Снег расцветал с..ренев..м кустом и во дворе (не) давно столъ пуст..м вдрут от детей светло и тесно стало. (Ахмадулина).

II. 1) Вот стою я на Тверском бульваре миру непонятный человек. (Винокуров). 2) Чуж..стран..ц р..внитель пера и бл..кно..та записал о дворце что пр..крас..н дворец. (Ахмадулина). 3) Скульптор свечей я тебя больше года вылепл..вал. (Вознесенский).

III. 1) Хаос то есть само без..бразие есть (не) обходимый фон всякой земной красоты. (Соловьев). 2) Как все исти(н, нн)ые поэты Лермонтов любил жизнь (по) своему. (Анненский).

IV. 1) Я знал ее еще тогда в те басн..словные года... (Тютчев). 2) Кутозов прош..л по рядам изредк.. ост..нав..ваясь и говоря по несколько ласковых слов офицерам которых он знал по турек..й войне а иногда и солдатам. (Л.Н. Толстой). 3) (В) виду недостатка врем..ни (не) будем откл..нн(?)ся от предмета лекц..и. (Чехов).

V. 1) Над ним (не) было (н..) чего уже кроме неба высокого неба... (Л.Н. Толстой). 2) (В) следстви.. этого пр..исшествия Василий

уже более (не) видался со своим родителем. (Тургенев). 3) (Не) смотря на сильный ливень он все (же) вышел на пр..морский берег.

(Ответы: I. 1, 2 – 1; 3 – 2; II. 1 – 1, 2 – 2, 3 – 1; III. 1 – 2, 2 – 1; IV. 1 – 2, 2 – 1, 3 – 3; V. 1, 2 – 3, 3 – 1.)

V. При рассмотрении грамматически независимых слов и синтаксических конструкций особое внимание следует уделить разграничению: 1) этих слов и конструкций и членов предложения; 2) вводных и вставных слов, словосочетаний и предложений, так как оно непосредственно влияет на пунктуацию. Имеется в виду наличие или отсутствие запятой в первом случае; выбор запятых или тире (скобок) во втором.

Отметим, что работа со вставными конструкциями может иметь лингвостилистическую направленность. Например, в стихотворении С.И. Кирсанова «Жил-был я», которое 70-е гг. XX в. стало известнейшей песней (композитор Д.Ф. Тухманов, исполнитель А.Б. Градский), эти конструкции, занимают существенное место (16 строк из 37).

На уроке главное внимание уделяется функциям вставных конструкций, которые детализируют полные противоречий картины прошлого, при этом отличающиеся особой экспрессивностью («Сердце без тепла», «Взгляд без глаз, окна без стекла» и др.). Причем эту экспрессивность усиливают вставные предложения с многоточиями («Молод был и мил...», «Локон у плеча...», «Листья обрывали...», «Пустоту постели...», «Не смотри, не надо...», «Жил-был я...»).

Вставные конструкции интонационно выделяются – и сама мелодика стиха становится резкой, надрывной, что соответствует тяжелейшему душевному состоянию лирического героя, настоящее которого лишено романтических красок прошлого.

VI. При организации повторения раздела особое внимание следует уделить **авторской пунктуации**.

Упражнение 8. Объясните постановку тире в каждом из предложений. Особое внимание обратите на тире как авторский знак препинания (имеется в виду постановка тире в тех случаях, когда этот знак в соответствии с пунктуационными нормами не используется).

- 1) Облака – вокруг;
Купола – вокруг.
Надо всей Москвой –
Сколько хватит рук!

2) Меня – видишь кудри беспутные эти? –
Земною не сделаешь солью.

3) По холмам – круглым и смуглым,
Под лучом – сильным и пыльным,
Сапожком – робким и кротким –
За плащом – рдяным и рваным.

4) Покамест день не встал
С его страстями сравленными –
Во всю горизонталь
Россию восстанавливаю!

5) Буду брать – труднейшую ноту,
Буду петь – последнюю жизнь?

6) Это – разверстые шлюзы ночи!

7) Меж нами – десять заповедей:
Жар десяти костров.

8) Дно – оврага.
Ночь – корягой
Шарящая. Встряски хвой.

9) Ночь – как воры,
Ночь – как горы.

10) Люблю – но мука еще жива.

11) То – серафима
Сила – была:
Несокрушимый
Мускул – крыла.

12) Ледяная тиара гор –
Только бренному лику рамка.

13) О, черная гора,
Затмившая – весь свет!
Пора – пора – пора
Творцу вернуть билет.

14) И – набережная. Последняя.

(Из стихотворений М.И. Цветаевой).

Упражнение 9. Ознакомьтесь с размышлениями лингвиста Н.С. Валгиной о пунктуации у М.И. Цветаевой. Подберите примеры ко второму и третьему абзацам и прокомментируйте их. Как вы понимаете фразу, которой завершается текст?

Цветаева как поэт мыслит, чувствует и пишет активно. А это не может не повлечь за собой активного отношения и к употреблению знаков, без которых невозможно постичь смысл, так сложны ее синтаксис и ритмика. Активность знаков сказывается не только в их обилии. Поражает и выбор знаков – наиболее значимых, функционально насыщенных. Отсюда пристрастие Цветаевой к тире. Удивительно, что поэт почувствовал огромные возможности этого знака. <...>

Так появляется у нее тире для выделения обращений, вводных слов, придаточных частей предложения, т.е. на месте запятой <...>

Выделяются члены предложения (обособленные) обычно тоже при помощи тире, а не запятой <...>

Тире, членящее высказывание на отдельные слова, усиливает их значение, но не дает им возможности слиться в грамматически выверенный речевой поток [Валгина 2004: 231–232].

И последнее. Следует помнить, что «правописание неотделимо от процесса создания текста, что это важнейший компонент текстовой деятельности, включенный в сложный процесс “переплавки содержания мысли в языковые формы”» [Скрябина 2017: 13]. В связи с чем подчеркнем особое значение творческих заданий с той или иной синтаксической установкой («Включите в свой текст-рассуждение вводные слова со значением

порядка мыслей и их связи», «Создайте художественное описание, в котором союз *и* будет выполнять различные синтаксические функции» и т.п.).

ЛИТЕРАТУРА

Валгина Н.С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации: Учебное пособие. — М., 2004.

Скрябина О.А. О методике изучения правописания в современной школе // Русский язык в школе. — 2017. — № 2. — С. 12–15.

Современный русский язык: Учебное пособие / Под ред. Д.Э. Розенталя. — 4-е изд. — М., 1984.

УРОКИ СЛОВЕСНОСТИ

Е.А. ЯСАКОВА

г. Балашов
Саратовской обл.

«Испепеляющие годы! Безумье ль в вас, надежды ль весть?»

(Урок словесности по поэме А. Блока
«Двенадцать»)*

Представленный материал суммирует известные способы школьной интерпретации произведения, точки зрения на проблематику поэмы «Двенадцать» и авторскую позицию (отношение поэта к революции и процессам, связанным с ней) и предлагает оригинальную методику построения урока к 100-летию Октябрьской революции.

Ключевые слова: *революция; стихия; нравственные ориентиры; традиция и новаторство; полифония; выразительное чтение; инсценирование; групповая работа.*

Анализ поэмы требует от читателей широкой литературоведческой эрудиции. Учитель заранее должен подготовить старшеклассников к тому, чтобы они вспомнили целый ряд необходимых терминов: например, символ, полифония, контраст, антитеза, лейтмотив, поэтика, реминисценция, ритмическая организация текста, стилизация и др. Кроме того, важно знать

исторические события, которые так или иначе отразились в творческой биографии А. Блока.

Урок рассчитан на два академических часа и требует подготовительного этапа. Школьники получают задание самостоятельно прочитать поэму «Двенадцать» и статью «Интеллигенция и революция», осмыслить свое первоначальное впечатление от этих произведений. Также учащиеся составляют хронологические таблицы жизни и творчества А. Блока и повторяют основные исторические даты событий нашей страны с 1900 по 1918 г.

Сценарий урока представляет собой методическую разработку, соответствующую задачам ФГОС. Это модель, которую можно трансформировать исходя из особенностей класса, а также образовательных и воспитательных целей учителя.

* Статья публикуется в рамках проекта «Патриотическое воспитание и формирование гражданской идентичности на уроках русского языка и словесности».

Ясакова Екатерина Александровна, кандидат филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы Балашовского института (филиала) ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского».

E-mail: eayasakova@yandex.ru

Сценарий урока.

I. Организационный момент

II. Актуализация опорных знаний

Работа в группах. Каждая группа получает карточку с заданиями. (На работу отводится примерно 5–7 минут.)

III. Мотивация учебной деятельности. Сообщение темы и целей урока

IV. Вводно-ориентировочный этап

1. Первичное осмысление поэмы. Беседа.

2. Работа по заполнению таблицы (по статье А. Блока «Интеллигенция и революция»).

V. Работа над темой урока

1. Слово учителя с элементами беседы.

— Несмотря на то что в поэме «Двенадцать» каждая строчка — открытие, каждый эпизод — эпоха, а каждая судьба — прозрение, очевидно, что за произведением стоят века культуры и она продолжает традицию русской классической литературы XIX в.

Попробуйте сформулировать главную проблему поэмы и скажите, на творчество какого поэта XIX в. опирается А. Блок?

(Примерный ответ. В поэме «Двенадцать» поставлены проблемы, которые мы находим прежде всего в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина. Это проблема «русского бунта», проблема «человека и истории», проблема столкновения природных и стихийных сил...)

— Поэма «Двенадцать» небольшая по объему и состоит всего из 335 строк, но в ней ощущается колоссальная плотность творческой энергии. Она звучит монументально, эпически широко и мощно. Какие, по вашему мнению, художественные особенности поэмы способствуют этому звучанию?

Чтобы ответить на этот вопрос, еще раз прочитаем текст произведения, используя элементы театрализации (также можно использовать фрагменты мультипликационного фильма «Музыка революции»).

Нужно добавить, что с момента появления в печати поэма не сходила со сцены. Первой исполнительницей этого произведения была жена поэта, Любовь Дмитриевна Менделеева, актриса (сценический псевдоним Басаргина). Блок давал ей рекомендации к исполнению, например, он советовал читать поэму в бытовой, эксцентричной и даже эпатажирующей манере.

В поэме двенадцать глав, у нас в классе 4 группы. Каждая группа получает для

исполнения карточки с заданиями к 1–3 главам, которые нужно инсценировать или выразительно прочитать. На подготовку дается 10 минут.

Группа 1. Карточка № 1

Глава 1

1. Каково место действия в поэме? Время года? Выделите ключевые слова, подумайте, что они могут символизировать.

2. Перечислите персонажей первой главы. Что о них можно сказать?

3. Обратите внимание на цветовое решение этой главы. В чем символика белого и черного цветов?

4. Каков ритмический рисунок экспозиции, «музыка революции»? Как вы будете исполнять эту главку?

5. Кому, по-вашему, принадлежат реплики в последней части?

Эй, бедняга!

Подходи —

Поцелуемся...

Хлеба!

Что впереди?

Проходи!

Черное, черное небо.

Злоба, грустная злоба

Кипит в груди...

Черная злоба, святая злоба...

Товарищ! Гляди

В оба!

6. Какое слово трижды повторяется в финале этой главы? Какие эпитеты его определяют? Как этот образ помогает нам понять сущность происходящего «на всем белом свете»?

(Примерный ответ. Действие в поэме разворачивается одновременно в Петрограде и «на всем белом свете». Мир захвачен вихревой, вьюжной стихией. «Веселый», «хлесткий» ветер бесчинствует на городских улицах, смеется и издевается над героями, которые кажутся марионетками: ими руководит какая-то беспощадная сила.

В этой главе множество фигур: старушка, буржуй, барыня в каракуле, священник, писатель, девушки легкого поведения... Они говорят или о них говорится по-разному, но главная интонация — ироническая, и она принадлежит автору, чей голос местами сливается с «голосом» ветра.

В финале появляется образ бродяги, и только к нему беспощадный ветер обращается, как к товарищу, с сочувствием («Эй, бедняга! / Подходи / — Поцелуемся...»).

Образ ветра является ключевым в этом фрагменте текста. С ним связано

представление Блока о революции, о переменах, а революция — это «грозовой вихрь», «снежный буран», который несет новое и неожиданное. В статье «Интеллигенция и революция» Блок прямо пишет, что революция «жестоко обманывает многих; она легко калечит в своем водовороте достойного».

Ветер — символ вырвавшихся на волю могучих стихийных сил, безудержный вихрь мыслей и чувств. Ветер, метель, выюга не могут быть определены однозначно как добро или зло. Они и то и другое — вместе.

Автор не стремится к тому, чтобы изображенный им мир соответствовал реальной действительности. Цвет в поэме интенсивный и напряженный, он не «раскрашивает» события, а выражает отношение к происходящему. Это резкие, контрастные цвета: белый и черный, которые сталкиваются между собой. Белый цвет (*белый снег, белый снежок*) — традиционный символ святости и чистоты, черный (*черный вечер, черное небо, черная злоба*) — наоборот, символ разгула разрушительных, inferнальных сил.

Первая глава поэмы имеет оригинальный ритмический рисунок: в ней соединены хорей и анапест, дольник и раешный стих. Ритм, языковые и синтаксические средства позволяют читателю услышать «музыку революции».

Первая глава заканчивается тревожными вопросами и окриками: голод, одиночество, страх, нарастающее чувство опасности в окружающем.

В финале этой главы трижды звучит слово *злоба* (*грустная, черная, святая*). *Святая злоба* — это, конечно, оксюморон. Возможно, этот образ нужно понимать как обратную сторону «святой любви», которая декларировалась христианством много веков, но так и не привела к справедливости в мире.

«Что впереди?» — на этот вопрос пока нет ответа.)

Исполнение главы 1.

Группа 2. Карточка № 2

Главы 2, 3

1. Какое время суток изображено во второй главе? В чем его символизм?

2. Какими вы видите главных героев поэмы? В каких отношениях со стихией, ею рожденной, находятся эти люди? Что они чувствуют?

3. Как меняется ритм поэмы? Какую «музыку» вы слышите здесь? Как нужно читать эту главу?

4. Какую информацию дает нам диалог между героями? Как его нужно прочитать?

5. Как вы объясните формулу: «Свобода без креста»? Что же означает свобода без креста для темного, невежественного человека?

(*Примерный ответ.* В финале первой главы есть указание на различное время суток, и когда именно происходит действие, сказать трудно. В поэме нет не только пространственных, но и временных границ, потому что действие происходит и днем, и ранним утром, и поздним вечером. Это также символично. В мутной снежной мгле все смешалось.

Двенадцать красногвардейцев врываются в поэму вместе с ветром. Они начинают свой путь не только в пространстве, но и во времени, в истории. Ветер уже не свищет, не сметает все на своем пути. Он «гуляет». Отступает тьма: «Кругом — огни, огни, огни...».

Ритм становится упругим, бодрым, маршевым. Настроение на протяжении этой короткой главки меняется несколько раз. Сначала текст звучит почти весело, двенадцать оказываются вовлеченными в происходящее в мире, как и ветер, они не чувствуют преград на своем пути, в том числе и нравственных («свобода без креста»). Они, представители низовых народных масс, под натиском исторической бури потеряли нравственную устойчивость. Двенадцать опасны («на спину надо б бубновый туз»), это подчеркивают и пулеметные очереди, которые звучат на протяжении поэмы как рефрен.

Центральная часть этой главы представляет собой диалог. К разговору в строю красногвардейцев побуждает чувство холода и бесприютности. Мы слышим разногласный шум стихии, в котором сливаются их голоса. Они ожесточаются против Ваньки, который остался верен «старому миру» («Был Ванька наш, а стал солдат!»). Этот фрагмент текста также заканчивается звуками стреляющего пулемета. Так разрастается мотив насилия, которое может быть направлено на что угодно и на кого угодно, даже на «святую Русь».

Снова меняются ритм и интонации: теперь двенадцать маршируют под залихватский мотив, в конце перерастающий в плясовую.

В третьей главе звучит тема разрастающегося пламени, сжигающего мир («Мировой пожар в крови»). Частушка,

плясовая мелодия подчеркивают стихийное буйство даже не двенадцати, а времени, которое переживает небывалое всеохватное чувство гибельного восторга, когда не жалко «буйну голову сложить». Последняя строка: «Господи, благослови!» — звучит уже с надрывом.)

Исполнение глав 2, 3.

Группа 3. Карточка № 3

Главы 4–6

1. Как определяет звучание четвертой главы начало: «Снег крутит»?

2. С какой целью в этих главах поэт использует просторечия и сниженную лексику?

3. Обратите внимание на синтаксис этого монолога. Как он выявляет настроение и характер героя?

4. Может ли удовлетворить обретенное чувство свободы блоковский Петруха? Почему? Как он решает конфликт?

5. Какой вы представляете Катюку? Какой ее изобразил художник Ю. Анненков?

6. Какой цвет появляется в этих главках и какую символическую нагрузку он в себе несет?

7. Свяжите образ Катюки с предыдущими женскими образами в творчестве А. Блока. Что символизирует в этом контексте убийство Катюки?

8. Какую «музыку» вы услышали? Как вы будете читать эти главы?

(Примерный ответ. В начале четвертой главы снова возникает образ снежного вихря, который подчеркивает наше представление о жизни человека, подобной стихийному кружению. Именно такой была жизнь Катюки.

Катюка — это также образ-символ. В письме к художнику Ю. Анненкову, иллюстрировавшему поэму, Блок писал: «Катюка, здоровая, толстомордая, страстная, курносая девка, свежая, простая, добрая — здорово ругается, проливает слезы над романами и отчаянно целуется <...> здоровая и чистая до детскости...» (вспомним, что имя Екатерина происходит от греческого слова *Ακατήριον* ‘вечно чистая’; ср. *καθαρή* — ‘чистый, непорочный’). В этой главе сливаются голоса героев и автора. Катюка у героев вызывает к себе нежные чувства и нравится всем.

Пятая глава представляет собой монолог одного из персонажей. Можно предположить, что это Петруха. Здесь Блок показывает нам отдельного человека, который любит, ревнует, страдает. В этом монологе проявляется мятежная душа, которая

не может сойти с орбиты воспоминаний. Душевная мука нарастает, требует выхода и находит свое выражение в насилии. Еще ничего страшного не произошло, но оно уже присутствует в строе речи, который становится все более экспрессивным (восклицательные знаки стоят после каждого предложения в начале главы, а в последних строках — вопросительные).

В этом эпизоде тесно взаимодействуют два начала поэмы: высокое и низкое, патетическое и обыденное, культурное и стихийное... Нежность и грубость, любовь и ненависть — все находит свое выражение в лексике и синтаксисе этой главы, которая заканчивается словами о грехе: «Эх, эх, согреши! / Будет легче для души!»

В шестой главе гибнет Катюка, и ее гибель становится центральным эпизодом, кульминацией поэмы. Так Блок показывает неразрывную связь судьбы отдельного человека с судьбой «старой» России, которой тоже предстоит умереть.

Шестая глава построена по законам кино: кадры быстро сменяют друг друга, опомниться некогда ни зрителям (читателям), ни действующим лицам. Катюка становится жертвой новому, на глазах рождающемуся миру. Звучат страшные слова: «Что, Катюка, рада? — Ни гу-гу... / Лежи ты, падала, на снегу!» На белом снегу остается ярко-красное пятно крови. В тексте об этом нет ни слова, но читатель легко рисует в своем воображении эту символическую картину.

Убийство Катюки — гибель женщины — традиционная трагическая тема Блока. Новое в «Двенадцати» то, что здесь женщина раздавлена не поездом (как, например, в стихотворении «На железной дороге»), а колесом революции.

Все эти размышления будут определять характер нашего чтения.)

Исполнение глав 4–6.

Группа 4. Карточка № 4

Главы 7, 8

1. Исчерпывается ли конфликтная ситуация путем насилия?

2. Обратите внимание, как в символику поэмы постепенно включается красный цвет. А как в природе сопрягаются белый и красный цвета?

3. Вслушайтесь и всмотритесь в состояние Петрухи. Почему он исповедуется перед товарищами?

4. Как реагируют товарищи на исповедь Петрухи?

5. Куда же теперь идут двенадцать? Смогут ли они взять судьбу в свои руки?

(Примерный ответ. Для невежественного, темного человека «свобода без креста» означает удовлетворение темных, слепых, эгоистических инстинктов. Блоковский Петруха выбирает путь насилия, но не может удовлетворить обретенное чувство свободы, потому что его притязания совпадают с желаниями других людей и лежат в области греха.

В этом эпизоде вновь возникает красный цвет (*пунцовая родинка, руки в крови из-за Каткиной любви*). Возникает противоречие между отдельной личностью и «массой».

Смешение красного и белого цветов дает розовый. Розовый — один из основных цветов «Стихов о Прекрасной Даме». В письмах и стихах начала века поэт часто использует эпитет *розовый* в отношении к своей невесте, а потом жене (*розовая девушка*). Это вспышки зари, это розовый цвет платья Любимой. Если красный — цвет «горения», «земного» влечения к Ней, то белый — цвет чистоты и целомудренного поклонения Прекрасной Даме.

Седьмая глава содержит один из самых сильных эпизодов поэмы. В своем монологе Петруха необыкновенно вырастает нравственно. В огне любви сгорает все прошлое, грубое. Чувство Петрухи оказывается истинным.

Состояние души Петрухи не встречает понимания со стороны других героев. Мы не знаем, кто произносит реплики, в которых звучат и грубая досада на мягкотелость товарища («Ишь, стервец, завел шарманку, / Что ты, Петька, баба что ль?»), и интеллигентно выраженный сарказм («Верно, душу наизнанку / Вздумал вывернуть? Изволь!»), и командирский окрик-приказ («Поддержи свою осанку! / — Над собой держи контроль!»), и, наконец, товарищеское увещевание («Потяжеле будет бремя / Нам, товарищ дорогой!»). Мы обращаем внимание на то, что в финале этой главы Блок использует странное слово *вскидывает* и ритм как будто «спотыкается», исчезает рифма и изменяется настроение.

Тоска в душе героя снова находит свой выход в насилии, снова звучат страшные слова, грозящие гибелью и беззаконием. В который раз двенадцать получают заряд, направляющий их энергию против классового врага.

Восьмая глава напоминает народную разбойничью песню, в которой все предыдущие мотивы находят свое прямое воплощение. Здесь не просто горе, а «горе-горькое», не просто скука, а «скука скучная, смертная». Скука здесь сочетается с темной стихийной силой, которой отдается человек, не знающий нравственных ограничений. Он топит свою тоску в крови точно так же, как топит ее в вине. В последней строке слышится возглас героя, который как будто на мгновение вынырнул на поверхность увлекающего его омута насилия и увидел небо, и вспомнил Господа: «Упокой, Господи, душу рабы Твоея...». Конечно, это молитва заблудшего.)

Исполнение глав 7, 8.

Группа 1. Карточка № 5

Главы 9, 10

1. Какой мотив снова звучит в начале девятой главы? С какой целью поэт его повторяет?

2. Определите ключевые слова и выражения в девятой и десятой главах.

3. Обратите внимание на то, как описывается вьюга в десятой главе.

4. Какое значение для уточнения нашего понимания происходящего в мире имеет диалог между Петькой и двенадцатью? Определите ключевые слова и выражения в этом эпизоде.

5. Как меняются ритм и основной мотив (музыка) на протяжении этих глав?

(Примерный ответ. Мелодия девятой главы резко контрастна мотивам восьмой. У культурного читателя легко возникнет реминисценция: те же мотивы и образы звучат в известном романсе Ф. Глинки «Не слышно шуму городского». В этом же романсе звучат горькие слова лирического героя, который оплакивает свою судьбу: «Навек закройся, мое сердце, / Не быть мне мужем и отцом». Герои поэмы Блока сознательно отказываются от личного счастья, от любви, они перешли рубеж — у них уже другие ценности.

В этой главе снова возникают образы «голодного», «паршивого» пса и «буржуя»: «Стоит буржуй, как пес голодный, / Стоит безмолвный, как вопрос. / И старый мир, как пес безродный, / Стоит за ним, поджавши хвост».

А в десятой главе снова на первый план выходит метель (вьюга, пурга), она хозяйничает на белом свете, застилает горизонт, валит с ног. Невозможно понять, где

угрожает падение, а где, наоборот, взлет: «Снег воронкой завился, / Снег столбушкой поднялся...». В этой ситуации, уже в который раз, герой невольно упоминает имя Господне и получает отпор двенадцати: «Али руки не в крови / Из-за Каткиной любви?».

Заканчивается десятая глава речевкой, которой двенадцать подбадривают друг друга.)

Исполнение глав 9, 10.

2. Беседа по вопросам со всем классом.

Главы 11, 12

1. Куда же теперь идут двенадцать? Что они видят?

2. Что мы слышим теперь? Какую «музыку революции»?

3. Как ведут себя двенадцать в финале поэмы? Какие чувства они испытывают? Видят ли они Христа?

4. Можно ли утверждать, что автор — единственный, кому доступно видение Христа?

5. Вспомните, какова символика белого цвета. Как она помогает в осмыслении образа Христа?

6. Как начало поэмы связано с финальными сценами, с образом Христа?

7. Почему, по-вашему, в финале поэмы появляется Христос? Как он связан с идеальными образами блоковской лирики?

(Примерные ответы. В заключительных главах двенадцать окончательно утрачивают живые индивидуальные черты, они выступают единой массой и теряют направление пути, не видят торной дороги — идут «вдаль». Это шествие уже не только сквозь тьму и пургу, которая «пылит им в очи», но сквозь само время истории.

«Винтовочки стальные» направлены против «незримого врага». Эпитет *незримые* заставляет задуматься о том, что настоящий враг кроется не во внешнем мире «двенадцати», а в их сознании, в их душах. Не случайно поэт указывает на то, что зрение двенадцати застилает не только стихия, но и «красный флаг». Это, несомненно, символично.

Ритм становится все энергичнее, все тверже и определеннее: нет сомнений, нет каких-либо других желаний, кроме желания движения вперед во что бы то ни стало. Это подтверждает заключительная глава, которая начинается и заканчивается многоточием. Двенадцать преодолевают все препятствия на своем пути: снеговые сугробы, сбивающий с ног ветер,

страх и неизвестность того, что их ожидает в будущем. Они не видят Христа, стреляя в Того, Кто «машет красным флагом».

Последняя глава — диалог с автором. Только он видит Того, Кто прячется за выюгой, «хоронясь за все дома».

Христос в поэме возникает неожиданно и выглядит необычно: вместо «тернового венка революции» на Его голове — венчик из белых роз.

В поэме *белый снег, белый снежок, жемчужные зубки* у Катки. «Белый венчик из роз» на голове Христа. Роза символизирует небесное совершенство и земную страсть, время и вечность, жизнь и смерть, плодородие и девственность. Возможно, поэтому образ Христа «в белом венчике из роз» получил в литературоведении толкования, в которых соединились святость и святотатство, белое и красное.

Появление Христа в финале поэмы было заявлено еще в первой главе, когда мы не смогли ответить на вопрос: «Что впереди?»)

Исполнение финальных глав поэмы группой учеников или учителем.

VI. Рефлексия. Подведение итогов урока

Итак, мы прочитали поэму «Двенадцать» и попытались найти ответы на многие вопросы, которые возникли у нас в самом начале. А теперь попробуем подвести итоги нашего анализа. (Фронтальный опрос.)

1. Как вы думаете, в чем заключается символический смысл названия поэмы Блока?

2. Можно ли сказать, что мотив пути — структурообразующий в поэме? Что такое судьба человека, как на это вопрос отвечает автор?

3. А можно ли выюгу, ветер считать героями этого произведения? Почему?

4. Каков «словарь» поэмы, в чем вы видите его оригинальность? Каков ритмический рисунок этого произведения?

Обобщающее слово учителя

«Двенадцать» — финальное произведение поэта, завершающее его творческий путь. Блок еще напишет небольшую поэму «Скифы», статью «О назначении поэта», стихотворение «Пушкинскому дому» и замолчит. Но его личность и творчество навсегда останутся в истории русской и мировой культуры. Не случайно Б. Пастернак в своем романе «Доктор Живаго» написал: «Блок — это явление Рождества во всех областях русской жизни». А еще Пастернак

написал замечательные стихи, которые назвал «Ветер». В них есть такие строки:

Блок на небе видел разводы.
Ему предвещал небосклон
Большую грозу, непогоду,
Великую бурю, циклон.
Блок ждал этой бури и встряски,
Ее огневые штрихи
Боязнь и жадой развязки
Легли в его жизнь и стихи.

В 1903 г. в письме, обращенном к невесте, Блок написал: «...Ты — Певучая,

Ласковая, Розовая — без имени и в венце из имени: Любовь».

Да, Александр Блок — гениальный поэт-пророк, которому открылась тайна русской революции 1917 г. и грядущего века в таком же бело-розовом ореоле и с тем же именем: Христос — Любовь. Вот почему и через сто лет мы во многом оцениванием грандиозное историческое событие через призму его художественного зрения, чуть-ко вслушиваясь в «музыку» его бессмертной поэмы.

VII. Домашнее задание

ДИДАКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ

Т.М. ПАХНОВА
Москва

«Язык открывает свои чертоги и кладовые только людям с раскрытой душой, тем, у кого сердце не зачерствело...»

(Тексты В.И. Белова и о Белове на уроках русского языка)*

Дидактический материал подготовлен к 85-летию В.И. Белова, нацелен на комплексную работу с текстом.

Ключевые слова: язык; речевая культура; грамотность; интерес к чтению; родина; природа; музыка; совесть; душа; национальные языки; эстетический вкус.

I. Запишите отрывок из автобиографического произведения Василия Белова «Невозвратные годы». Определите тему, основные мысли текста. Напишите сочинение на основе данного текста.

Первые еще не осмысленные впечатления, полученные в младенчестве и во время раннего детства, остаются главными на всю жизнь. Они

определяют человеческую судьбу, ставят вешки слева и справа на всю последующую жизненную дорогу. Отраднo и неожиданно всплывают эти впечатления посреди жизненных бурь, нечаянно возникают в зрелые годы, указывая верное направление пути, вдохновляя на борьбу и убеждая человека не падать духом.

...Моим самым ранним воспоминанием предшествует странное состояние, не имеющее названия. Моего «я» совсем тогда не существовало, я был окружен миром, отраженным самим в себе, а может быть, мир был мною... Так или иначе, это ощущение, несмотря на его абстрактность, я испытал конкретно и четко. Оно состояло из радости, спокойствия, блаженства, полной гармонии и еще чего-то необъяснимого и прекрасного.

* Статья публикуется в рамках проекта «Патриотическое воспитание и формирование гражданской идентичности на уроках русского языка и словесности».

*Пахнова Татьяна Михайловна, кандидат пед. наук, профессор МПГУ.
E-mail: tatiana.tmp@yandex.ru*

1. Какова роль в тексте первого предложения? В чем проявляется взаимодействие этого предложения (зачина) с последующей частью текста?

2. Каково значение фразеологизма *надать духом*? Подберите к нему синонимы.

3. Какой синоним к слову *дорога* употребляется в первом абзаце? Выпишите словосочетания с этими словами.

4. Объясните значение слов *гармония, абстрактность, отрадно, вешки*. Как образовано существительное *вешка*?

5. Докажите, что это текст. С помощью каких языковых средств осуществляется связь между предложениями, между абзацами?

6. Выпишите из текста причастия, деепричастия. Как они образованы?

7. Образуйте все возможные формы причастий от глаголов *возникать, предшествовать, испытать*.

8. Объясните орфограммы и пунктограммы (сгруппируйте их).

9. Выполните разные виды разбора.

10. Подготовьтесь к выразительному чтению текста.

11. Напишите о том, как вы понимаете смысл последнего предложения текста.

12. Напишите сочинение, используя в качестве начала первое предложение из текста В. Белова. Подумайте, как можно озаглавить ваш текст.

II. Запишите текст. Какова его основная мысль? Произведите синтаксический разбор последнего предложения. Составьте его схему. Докажите, что это текст публицистического стиля.

У Пушкина есть стихи буквально на все случаи жизни. Но к нему привыкаешь, как к воздуху, еще в раннем детстве и потом долго как бы не замечаешь его. Да и кто замечал чистый целебный воздух до того, пока не дохнул вонючей и тяжелой горечи? Лишь в зрелые годы приходит осознанное восприятие родного, ничем³ не заменимого пушкинского слова. И тогда, если ты преодолел собственную самонадеянность, если нашел время вновь спокойно полистать Пушкина, приходят тысячи запоздалых открытий.

(В. Белов).

1. Разберите словосочетания: *в раннем детстве, пушкинское слово, восприятие слова*.

2. Объясните значение слов: *самонадеянность, целебный, зрелый*.

3. Какие орфографические правила можно подтвердить примерами из текста?

4. Напишите свой текст о Пушкине, используя данное начало.

III. Запишите, объясните орфограммы и пунктограммы.

1) К сожалению, полуобразование и полукультура прекрасно уживаются с излишней самоуверенностью и недостаточной скромностью. (В. Белов).

2) В.И. Белов — чистая литература (но сама литература — явление наиболее из всех искусств синтетическое)... Главная сила — в смысле слова, в звучании слова, в темпах фраз, предложений, в их комбинации, в чередовании слов по окраске и т.д. Именно отсюда и так вырастает литературный образ в его творениях. (В. Гаврилин).

IV. Прочитайте отрывок из статьи. Запишите последний абзац, объясните знаки препинания.

Вадим Кожин 9 декабря 1978 года в письме к Василию Белову признавался: «Помни, что ты всегда во мне — как человеческая мера, которой я и поверяю, — правильно ли я думаю и решаю».

Уверен, мысль Вадима Валериановича имеет универсально-национальное значение: Белов, человек и художник, — не только мера, но и своеобразный проявитель сущности любого человека. <...>

«Привычное дело» — это прежде всего повесть о любви, поэтичной, глубокой, настоящей, стыдливой, стеснительной, горячее... Любви между мужчиной и женщиной, любви к детям, дому, природе, животному миру, малой Родине посвящены лучшие страницы произведения.

(Ю. Павлов).

1. Укажите ключевые слова.

2. Произведите разбор словосочетаний: *лучшие страницы, сущность человека, повесть о любви, малая Родина*.

V. Прочитайте начало рассказа В.И. Белова «Тезки». Докажите, что это художественный текст.

Он жил один, почти за городом, в давнишнем доме у пруда, в старинном саду. В жару сад безмолвствовал, только лопались и трещали стручки акаций, а в дождь там словно что-то посапывало, и в тишине сильно пахло корнями. Это был небольшой сад, очень таинственный, без всяких аллей, одни хитрые тропки ныряли под кроны и терялись в зарослях.

1. Укажите средства связи между предложениями.

2. Выпишите слова, которые входят в тематическую группу «Природа».

3. Сформулируйте самостоятельно задания, направленные на повторение орфографии и пунктуации.

VI. Запишите, расставляя недостающие знаки препинания. Составьте схемы сложноподчиненных предложений. Подчеркните грамматические основы предложений. Произведите лексический разбор слов, обозначенных цифрой 5.

Чайковскому было достаточно создать один лишь цикл «Времена года», чтобы навсегда остаться в русском искусстве. Душа его стала бессмертной. А то, что душа Чайковского бессмертна, я чувствую сейчас всем естеством. Всё собралось в этих неуываемых звуках и многоцветье полевых трав перед Ивановым днем, их многотысячные запахи-голоса сливающиеся в один ароматный хор и высокое⁵ солнце в щадящем неполном зените и горизонт искаженный струями марева и отрада⁵ полуденной тени. Еще не пришла земная усталость еще переполнены зеленой кровью дерева и травы моей родины. И речка наша чиста и совесть⁵ моя когда я ныряю, вернее, падаю в отраженное омутом небо. «Когда это было?» — спрашиваю себя и чувствую пустоту вопроса его несообразность моему состоянию. Не было, а есть. Сейчас! Никуда ничего не исчезло...

(В. Белов).

1. Подготовьтесь к выразительному чтению отрывка из рассказа В. Белова «Душа бессмертна» (1992 г.).

2. Объясните значение многозначного слова *марев*. В каком значении оно употребляется в тексте?

3. Подберите синонимы к слову *отрада*.

4. Сравните: *чистая речка* — *чистая совесть*. В каких значениях употребляется слово *чистая*? Докажите, что это многозначное слово.

5. Определите стиль текста. Докажите свое мнение.

6. Замените один из причастных оборотов в четвертом предложении его синонимом — придаточным предложением. Докажите, что эти конструкции синонимичны. Составьте схему полученного предложения.

7. Произведите пунктуационный анализ текста.

8. Сформулируйте самостоятельно задания, направленные на повторение орфографии. Выполните эти задания.

Формулируя задания по орфографии, следует обратить внимание на правописание приставок, *н* и *nn*, *не* и *ни*.

9. Произведите разные виды разбора.

VII. Запишите текст, объясните знаки препинания и орфограммы, подчеркните

грамматические основы сложных предложений.

Осознанно и глубоко чувствую ощущение счастья... Может быть, счастье сквозит в лесной осенней свежести или источает его янтарь¹ болотной морошки. Я беру ягоды, сидя во мху, как в цыганских перинах, набираю горстями, пригоршнями и поглощаю эту благодатную янтарную¹ плоть. Говорят, что умирающий Пушкин просил сбегать в лавочку за моченой морошкой.⁴ Вспомнил об этом, и теперь ягоды уже словно не ягоды, пригоршня оранжевых слез... Одни комары мешают великому счастью в лесной солнечной тишине. Становится жаль³ своих дорогих и близких людей, стыдно набивать рот горстями черники, ведь они-то не имеют сейчас этой возможности. В корзину ее, в корзину! Разве это не счастье? Выйду из леса, и корова уставится на тебя удивленно и простодушно⁵: мол, кто и откуда? Вздохнет глубоко и шумно, подобно кузнечным мехам, и по глупости не уступит тебе дорогу. Как приятно, как отрадно³ это коровье упрямство. А там, в деревне, стоит у ворот сарая с девичьей душой женщина, глядит в мою сторону, ждет, когда я подойду ближе. Я знаю, чего она ждет и глядит. Ей до зарезу хочется знать, кто идет по дороге. Приблизюсь на нужное расстояние, узнает, что это я, и сразу стыдливо исчезнет. Разве не радость, разве не счастье? Великое счастье иметь просто друзей, а у меня, кроме этой музыки и этой зеленой родины, есть мать, жена и дочь, и сестры, и братья...

Станица⁵ перелетных² гусей стремится на юг. Давно исчезла в лесу золотая⁵ морошка. Курлыкают журавли, ночующие в холодном поле, а в моем доме звучит бессмертная «Осенняя песнь».

(В. Белов).

1. Определите тему, основные мысли текста.

2. Докажите, что это текст художественного стиля.

3. Какие слова употребляются в переносном значении?

4. Найдите односоставные предложения, определите их тип и роль в тексте.

5. Составьте схемы сложноподчиненных предложений. Укажите средства связи придаточных предложений с главным. В каких предложениях используются союзы, а в каких — союзные слова?

6. Замените в последнем предложении причастный оборот придаточным предложением. Сравните синонимичные конструкции.

7. Подготовьтесь к выразительному чтению отрывка из рассказа В. Белова «Душа

бессмертна» (1992 г.). Какое настроение надо передать с помощью интонации?

VIII. Прочитайте отрывок из рассказа В. Белова, где автор повествует о том, как он, приехав в деревню, слушает пластинку «Времена года» Чайковского. Составьте схемы сложноподчиненных предложений. Подготовьтесь к свободному диктанту. Используйте составленные вами схемы в качестве опорных записей.

Я слушаю гениальные звуки, проникающие и вечные. Они заставляют думать, что различия между живыми и мертвыми не существуют.

Душа бессмертна², потому что одна и ни на кого не похожа.

Ни на кого не похожа «Осенняя песня». Разве не она, не душа Чайковского витает в моей избе? Может,⁷ это кошунство, но, когда я один, я не чувствую различия между моими умершими и здравствующими в разных местах друзьями. Для меня они одинаково живы, как жива душа Петра Ильича Чайковского. Звучит его «Осенняя песня», и я слышу грибной запах от скрипучей тяжелой корзины, вздрагиваю от лесной влаги и отмирающих березовых и осиновых листьев¹, чую всё, что³ делается за воротами... Почему же я слышу сейчас валдайский бубенчик моего прадеда? И бодрящий ритмичный бег по скользкой дороге, и хохот веселой масленичной толпы, и катание на слагах⁵, о котором³ мама так часто рассказывает,⁷ — всё как бы перевоплотилось, без потерь вместилось в этих бессмертных звуках. И становится ясно³, что ничего не проходит бесследно, ничего не пропадает и не бывает зря. В горле размягчается и затем исчезает горькая моя тяжесть, я снова въяве слышу утренний звон застывших за ночь снегов, они слепят меня отражением золотых⁵ ранних лучей. Мы по насту бежим в школу... Так весело³, так приятно сократить утреннюю дорогу, пробежав напрямую через поле и перелесок. Мы обследуем стог, от которого³ полетела как на крыльях¹ рыжая белогрудая лиска...

Вот уже сидит на проталине первый черный скворец, и первый подснежник удивленно проклюнулся из-под снега на белый свет. Слушая музыку, я чую младенческую беспомощность этого крохотного зеленого существа. Но какая сила ничему не подвластной неукротимой и вечной жизни! Везде белоснежный слепящий холод, а наш пострел везде поспел. Вокруг белые, окаменелые от мороза пласты снегов, а тут на малой проталинке плавится и отступает ледяной панцирь. И он — младенец подснежник, — не успев проклюнуться из земли, уже заторопился цвести...

«Жизнь сильнее смерти» — просится на бумагу банальная фраза, и я уступаю, запускаю ее туда, хотя знаю, что сопоставление понятий жизни и смерти неправомерно.

(В. Белов).

1. Озаглавьте текст.

2. Признаки каких типов речи (повествования, описания, рассуждения) мы видим в этом отрывке?

3. Докажите, что это текст художественного стиля.

4. С помощью каких языковых средств осуществляется связь между предложениями, между абзацами?

5. Объясните значение слов *слегка*, *витать*. Какова стилистическая окраска глагола *витать*? Подберите к нему синонимы.

6. Найдите антонимы. Какова их роль в тексте?

7. Укажите пословицу, которая включена в текст (третий абзац). Объясните ее смысл и роль в тексте.

8. Найдите односоставные предложения, определите их тип.

9. Подберите синонимы к вводному слову *может*.

10. Используя материал текста, расскажите о средствах связи придаточных предложений с главным.

11. Объясните орфограммы и пунктограммы.

12. Готовясь к свободному диктанту, напишите словарный диктант.

IX. Прочитайте отрывки из статей В.И. Белова, в которых он размышляет о слове, о культуре речи, о языке, о грамотности... Докажите, что это тексты публицистического стиля. (См. обложка.)

На основе данных материалов полезно организовать работу в группах. Каждая группа анализирует 1–2 текста, затем готовит сообщение (публичное выступление) о результатах своих исследований...

1. Какие мысли писателя совпадают с вашими наблюдениями, близки вам? Что вам представляется спорным?

2. Какие особенности текстов публицистического стиля можно подтвердить примерами из данных отрывков?

3. Запишите отрывок 10, подчеркните грамматические основы предложений. Произведите пунктуационный разбор. Подготовьтесь к выразительному чтению.

МЕТОДИЧЕСКАЯ ПОЧТА

М.А. БОНДАРЕНКО
Москва

Слова, рожденные Октябрем (Материалы к уроку русского языка)*

В статье предлагается материал для проведения уроков, посвященных языковым процессам, связанным с революцией 1917 г., столетие которой отмечается в текущем году. Особое внимание уделяется лексическому уровню языка. В качестве основных ресурсов создания словаря нового времени рассматриваются словообразование и семантическое переосмысление старых слов.

Ключевые слова: *Октябрьская революция; речевая культура; язык революции; лексика; аббревиация; имятворчество.*

Обращение на уроках русского языка к важнейшему историческому событию XX в. — Октябрьской революции — в старших классах средней школы интересно прежде всего в связи с возможностью рассмотреть, каким образом развитие языка, изменения в нем связаны с происходящими в обществе политическими и социальными процессами. Взгляд через сто лет позволяет понять, что из произошедших в языке изменений явилось кратковременным, не пережившим свою эпоху фактом, а что получило долговременную прописку в языке.

Обладая достаточным багажом знаний в области русского языка, старшеклассники получают возможность на конкретных примерах:

1) проследить судьбы отдельных слов и целых пластов лексики;

2) проанализировать такие процессы, как заимствование, устаревание, создание новых слов, десемантизация, возвращение слов в активный запас, развитие многозначности, стилистические изменения, словотворчество;

3) сопоставить отраженные в толковых словарях сведения, что в свою очередь

утверждает в сознании учащихся высокую ценность словарей и значимость лексико-графической работы;

4) актуализировать внимание на словообразовательных процессах, в том числе компрессивном словообразовании — аббревиации, универбации и усечении, получившем импульс к развитию в рассматриваемый период и особо востребованном на современном этапе развития языка.

Кроме того, представляется важным для учащихся наблюдение над процессами, с одной стороны, демократизации языка, с другой — его вульгаризации и опрошения, а также над «включением» в связи с этими явлениями механизмов защиты языка, в том числе активного неприятия и сопротивления со стороны образованной части общества явлениям, разрушающим их представление о речевой культуре. Последнее тем более актуально, что на уровне среднего общего образования проблемам культуры речи, ее нормативному компоненту придается особое значение.

Работа над данным материалом достаточно интересно комбинируется с изучением литературного процесса 10–20-х гг. XX в., поэтому в XI классе можно максимально использовать произведения, созданные представителями Серебряного века. Интересно привлечь к работе поэму А. Блока «Двенадцать», произведения В. Маяковского, обратив внимание не только на окказиональные образования, но и на отражение реальных языковых процессов революционного времени (в том

* Статья публикуется в рамках проекта «Патриотическое воспитание и формирование гражданской идентичности на уроках русского языка и словесности».

Бондаренко Марина Анатольевна, кандидат пед. наук, профессор кафедры филологии Академии труда и социальных отношений (г. Москва).

E-mail: marbondina@mail.ru

числе в рекламных текстах, статьях и выступлениях), и на их критическую оценку (как в стихах, так и в пьесах).

Актуализировать внимание учащихся к языковым процессам периода революции можно с помощью проблемных вопросов, например таких: «Почему столь активны языковые процессы при смене политического строя? Каковы причины появления достаточно большого числа новых слов? Фиксируются ли аналогичные изменения в другие революционные эпохи? Можно ли сказать, что любая революция вызывает и революционные изменения в языке?»

Чтобы найти ответы на поставленные вопросы, можно предложить учащимся сравнить сдвиги, произошедшие в области русского языка в период Октябрьской революции, с процессами недавнего прошлого: конца XX — начала XXI в. Кроме того, интересно проанализировать изменения во французском языке времен Великой французской революции. Например, вытеснение из французского языка обращения *господин*, замененного словом *гражданин*, и введение нового летоисчисления, повлекшее за собой смену привычных названий месяцев революционными словами *брюмер*, *жерминаль*, *термидор* и др., и появление новых слов, именующих каждое число в календаре, а также агрессивное наводнение языка грубо-просторечной и жаргонной лексикой.

Рассматривая причины интенсивных изменений в лексике русского языка периода революции, в первую очередь стоит обратить внимание на то, что и в любой другой ситуации определяет обновление лексического состава языка, — потребность в номинации новых реалий и необходимость отразить новую систему ценностей в связи с изменением культурных предпочтений основной массы носителей языка. Кроме того, активизация социально-политической деятельности, в которую вовлекаются широкие массы, ранее в ней не участвовавшие, способствует тому, что становится общепотребительной достаточно большая группа специальной лексики — терминология, ранее вошедшая в язык, но имевшая ограниченное хождение.

Определяя основные направления нашей работы над лексикой революционной эпохи, предложим учащимся проанализировать суждение известного современного лингвиста Л.П. Крысина: «Обращает на себя внимание случайность

и малочисленность новых заимствований. Чем это объясняется? Казалось бы, в связи с крупнейшими социальными сдвигами, происшедшими в русском обществе после революции, с коренной ломкой и перестройкой старого жизненного уклада язык должен испытывать острую потребность в новых лексических средствах для выражения новых понятий и отношений, для замены старых наименований, связанных с ушедшим строем и соответствующим образом окрашенных эмоционально, новыми словами. И эта потребность действительно существовала. Однако удовлетворялась она не путем заимствования иноязычной лексики, а путем использования внутренних лексических и словообразовательных ресурсов, которое выражалось в двух формах — в словообразовании по различным моделям и в переосмыслении, семантическом изменении старых слов» [Крысин 2004: 83].

Выделим основную мысль фрагмента и перейдем к конкретизации тех внутренних ресурсов языка, о которых говорит ученый. Начнем работу с главного слова эпохи — *Октябрь*.

В Словаре В.И. Даля находим слово *октябрь* в словарной статье «Октава», где оно характеризуется так: «десятый месяц в году (у римлян восьмой), между сентября и ноября» [Даль 1994: 669].

Затем рассмотрим статьи, представленные в словарях XX в.

Октябрь. 1. Десятый месяц календарного года. 2 (с прописной буквы). Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г., а также ее годовщина 7 ноября (25 октября по старому стилю) [Словарь русского языка 1999: 614].

Октябрь. 1. Десятый месяц календарного года. 2. (О прописное). Революционный переворот, совершенный в России в октябре 1917 г. [Ожегов, Шведова 1997: 451].

Оба словаря фиксируют появление нового значения слова, которое произошло путем перехода нарицательного существительного в собственное. Этот процесс известен учащимся, как и переход имени собственного в нарицательное (заметим попутно, что названиями месяцев могут быть проиллюстрированы оба эти процесса: август — от имени императора Августа, май — в честь богини Майи). В русском языке переход нарицательных имен в собственные наиболее широко представлен прозвищами и кличками (в лице Пушкин — Француз, Данзас — Медведь),

присутствует в составных географических наименованиях (Ясная Поляна, Великие Луки, Горячий Ключ), в названиях праздников (День Победы), используется в индивидуальных авторских наименованиях (например, в поэзии А. Блока: Дева, Заря, Купина, Тайна, Жена, Звезда в цикле «Стихи о Прекрасной Даме»).

Революционное время активизирует эти процессы: появляются мужские и женские имена, образованные от нарицательных слов, которыми начинают нарекать рожденных в это новое время детей: Революция, Гений, Электрификация, Трактор, Мартен, Блюминг, Май, Радий. Как видно из перечня, в наибольшей мере маркерами новой жизни в сознании людей являлись слова, связанные с техническим прогрессом.

Среди появившихся в первые послереволюционные годы имен были и достаточно нелепые (классический пример — женское имя Даздраперма, сокращение лозунга «Да здравствует Первое мая!»), но интересны не они, а те имена, которые прижились в языке, дошли до нашего времени. Некоторые из них представляют своего рода «загадку», поскольку никак в сознании большинства носителей русского языка не связываются с революционными реалиями. Можно предложить учащимся подготовить мини-конкурс, поставив задачу не только разгадать слова, но и вспомнить, кто из известных личностей носит такое имя, кто из знакомых является обладателем соответствующего имени или образованного от мужского имени отчества.

Закрепленность имен в языке подтверждает орфографический словарь русского языка под ред. В.В. Лопатина, в приложении к которому есть список собственных имен. Здесь в числе мужских имен находим образованные в основном путем сокращений имена Виль и Вилен (от Владимир Ильич Ленин), Владилен и Владлен (от Владимир Ленин), Виолор (Владимир Ильич Ленин — организатор революции), Ким (Коммунистический интернационал молодежи), Рем (революция мировая), а также имя Октябрьин. Три из них имеют женские пары: Октябрина, Владлена и Владилена. В число женских имен современный словарь включает также имена Ноябрьрина, Лени́на и Нинель (последнее имя — это слово-перевертыш, Ленин наоборот).

Интересно отметить, что традиции такого имятворчества имеют глубокие корни, уходящие в дохристианский период. Именно такие механизмы «работали» при создании имен Владимир, Ярослав, Святослав, Людмила, Любовь, Надежда. Эти имена продолжили свою жизнь в языке, хотя большая часть таких русских имен осталась лишь в российской истории и в фольклоре (Святополк, Изяслав, Добрыня, Несмеяна, Ярополк, Забава и др.).

Значительная группа слов подвергается семантическим изменениям. В их числе слово *товарищ* в качестве обращения, которое приходит на смену вошедшим в употребление в период Февральской революции обращениям *гражданин* и *гражданин*, в свою очередь сменившим слова *господин* и *госпожа*, а также исторически сложившуюся в Российской империи иерархическую систему обращений *ваше высокопревосходительство*, *ваше превосходительство*, *ваше высокоблагородие*, *ваше благородие*, к низшим чинам — *братец*, а к солдатам, кроме того, *ребята* (вспомним не только рассказы А.П. Чехова, например, «Толстый и тонкий», но и знаменитые лермонтовские строки: «И молвил он, сверкнув очами: “Ребята! Не Москва ль за нами?”»).

В работе над словом *товарищ* используем несколько словарей: в этимологическом словаре обратим внимание на то, что данное слово существовало уже в древнерусском языке, образовалось от слова *товар* и изначально использовалось в значении ‘компаньон в торговом деле’; в Словаре В.И. Даля найдем сведение, что *товарищем* назывался рядовой уланского полка, и отметим наличие парного слова женского рода — *товарка* (по аналогии с *друг* — *подруга*, *подружка*); в словарях современного языка увидим информацию об употреблении слова в качестве общепринятого обращения в СССР, а также о том, что (как правило, с пометой *устар.*) данное слово употреблялось в названиях должностей в значении ‘помощник, заместитель’, т.е. выражение *товарищ министра* (например, *путей сообщения*) синонимично современному *заместитель министра*, а не *приятель министра*.

Семантическому переосмыслению подвергались слова, ставшие необходимыми для номинации явлений новой жизни. Наиболее известны прилагательные (в том числе субстантивированные) *белый*

и *красный*. Входят в эту группу слова *совет* (выборный орган власти), *ячейка* (партийная группа), *расписаться* (вступить в брак), *секретарь* (выборный руководитель общественной организации), *общественный* (принадлежащий всему обществу, коллективный), *шпалы*, *ромбы* и *кубари* (в названии новых знаков различия в армии; в 1943 г. их сменили погоны со звездами), *аппарат* (органы управления), *комиссар* (член правительства; политический руководитель воинской части), *старшина* (должность младшего командного состава в армии). В новой функции с 1924 г. стали использоваться слова *республика*, *область* и *район* — как административные единицы взамен ушедших *губерния*, *волость*, *уезд*.

Некоторые из ранее нейтральных слов стали употребляться с презрительно-иронической окраской. К их числу относятся слова *господин*, *барин*, *благонамеренный*, *верноподданный* и др.

Серьезному обновлению подверглись вооруженные силы страны, что повлекло за собой появление достаточно большой группы слов, отражающих этот процесс. В обмундировании армии основным головным убором для всех чинов стала *буденовка* (суффиксальное производное от фамилии командира Первой конной армии Буденного) — «красноармейский суконовый шлем особого образца» [Словарь... 1991: 797], пришедшая на смену фуражкам у офицеров и бескозыркам у солдат. Изменились воинские звания: солдаты и матросы стали именоваться *красноармейцами* и *краснофлотцами*, офицеры (само это слово практически не употреблялось) — *командирами*, а звания заменили наименованием должности: *комвзвода* (командир взвода), *комроты* (командир роты), *комэск* (командир эскадрона/эскадрильи), *комполка* (командир полка), *комбат* (командир батальона/батареи), *комдив* (командир дивизии), *комбриг* (командир бригады), *командарм* (командующий армией). Наименования по должностям просуществовали почти до Великой Отечественной войны и затем сменились званиями, которые используются и сегодня.

И данная группа слов, и названные выше мужские и женские имена свидетельствуют о том, что самым активным способом рождения новых слов, отражающих происходящие в стране революционные преобразования и являющихся приметой

времени, оказывается сложносокращенный способ, или аббревиация как слоговая, так и буквенная.

Сложносокращенные слова стали появляться в русском языке в годы революции 1905 г., в частности для названия членов политических партий, и воспринимались как политический жаргон (это, например, слова *кадет* — конституционный демократ и *эсер* — социал-революционер), все активнее они стали входить в состав языка в годы Первой мировой войны. А после революции 1917 г. образование сложносокращенных слов с использованием всех типов сокращений (см. подробнее: [Бондаренко 2015: 26]) приобрело массовый характер. Заметим, что экономия языковых средств, а именно так расценивается учеными компрессионное словообразование, является одной из наиболее мощных тенденций, проявляющихся в разных языках мира, и русский язык не стал здесь исключением. Но тот факт, что новое, революционное время взяло на вооружение данный процесс, заслуживает того, чтобы это подчеркнуть.

Аббревиация активно использовалась прежде всего для наименования административных единиц, организаций, их структур, типов и подразделений: *РСФСР* — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика, *ВКП(б)* — Всероссийская коммунистическая партия (большевиков), *Коминтерн* — Коммунистический интернационал, *комсомол* — Коммунистический союз молодежи, *РККА* — Рабоче-крестьянская Красная армия, *РВС* и *Реввоенсовет* — Революционный военный совет, *Совнарком* — Совет народных комиссаров, *ЦИК* — Центральный исполнительный комитет, *ВЧК* — Всероссийская чрезвычайная комиссия, *ЧК* и *Чека* — Чрезвычайная комиссия, *губчека* — губернская чрезвычайная комиссия, *совнархоз* — совет народного хозяйства, *наркомат* — народный комиссариат, *райком* — районный комитет, *исполком* — исполнительный комитет, *ГАУ* — Главное артиллерийское управление, *РАПП* — Российская ассоциация пролетарских писателей, *продотряд* — продовольственный отряд, *домком* — домовый комитет, *Пролеткульт* — пролетарская культура (культурно-просветительская организация, созданная в 1917 г. в Петрограде), *рабфак* — рабочий факультет (он готовил рабочую и крестьянскую молодежь к поступлению

в высшее учебное заведение; позднее появится аббревиатура *вуз*), *сельсовет* — сельский совет и др.

Сокращения использовались для наименования должностей: *нарком* — народный комиссар, *фининспектор* — финансовый инспектор, *военком* — военный комиссар, *военрук* — военный руководитель, *оперуполномоченный* (оперативный уполномоченный), *военспец* (военный специалист).

Сложносокращенные слова становились названиями развернувшихся в стране кампаний: *ликбез* (ликвидация безграмотности) — движение, ориентированное на достижение всеобщей грамотности, обучение грамоте взрослых и подростков, которое началось сразу после революции; *продразверстка* (продовольственная разверстка) — система заготовок сельскохозяйственных продуктов, изъятие на нужды государства в период Гражданской войны излишков произведенных крестьянами продуктов; *всеобуч* (всеобщее обучение) — введение обязательного обучения для детей школьного возраста; *НЭП* — новая экономическая политика.

Позволим себе сделать небольшое примечание к слову *ликбез*. Его вполне можно использовать для словесной загадки такого типа: «Назовите слово, которое заканчивается на приставку».

Работа над данной лексикой тем более важна в старших классах, что чтение произведений русских писателей, рассказывающих о революционной эпохе, осложняется непониманием современными школьниками подобных слов, без которых не обходятся сочинения А. Платонова, М. Булгакова, М. Шолохова, А.Н. Толстого, М. Зощенко и других писателей.

Задание подобрать соответствующий иллюстративный материал на основе произведений, созданных в эту эпоху или отражающих ее события, поможет выявить востребованность данной лексики не только в период ее появления и активного функционирования, но и позднее. При подготовке материалов стоит использовать электронные варианты конкретных произведений, облегчающие сбор данных, а также Национальный корпус русского языка (<http://www.ruscorpora.ru>).

Корпус позволяет подобрать интересные примеры, получить статистическую информацию об использовании в речи той или иной единицы языка. Он выдает по запросу цитаты, в которых присутствует

запрашиваемое слово, указывает число текстов, в которых данная словоформа есть, а также число ее употреблений в этих текстах. Помимо того, он предлагает и другую статистическую информацию, например, распределение по годам, позволяющее увидеть периоды наибольшей востребованности конкретного слова.

Интересно можно организовать работу с опорой на произведения В. Маяковского. Поскольку поэт ставил перед собой задачу отразить в творчестве и утвердить в сознании читателя преимущества революции, новые слова как эмблема новой жизни представлены в его произведениях достаточно широко. Одновременно Маяковский умел с помощью сатиры высмеять те явления, которые считал противоречащими идее созидания справедливого строя, и его сатирические выпады сопровождались шаржами в том числе и на языковые новообразования.

Читая рекламные тексты Маяковского, находим у него большое число названий организаций, услуги и товары которых в них рекламируются: Моссельпром, Промбанк, Моссукно, Резинотрест, Мосполиграф, Госиздат, Моссовет, ГУМ, Центросоюз, Наркомфин и пр., предлагаем найти и познакомиться с блестящим рекламным сочинением «Моссельпром», в котором многократно используется фраза «Нет нигде кроме — как в Моссельпроме», вышедшая далеко за пределы этого сочинения.

Обратимся к песне «Баня», в частности к карикатуре на должностные наименования — слову *главначпунс* («главный начальник по управлению согласованием»), а также к стихотворению «Прозаседавшиеся», в котором найдем реальные аббревиатуры («все до 22-х лет на заседании *комсомола*», «покупка склянки чернил *губкооперативом*»), в том числе в составе оксюморона («на заседании *Тео и Гукона*»: Тео — театральный отдел Народного комиссариата просвещения; Гукон — Главное управление коннозаводством); части, входившие в состав сложносокращенных слов, — *глав, ком, полит, просвет*; проанализируем пародию на сложносокращенное наименование организаций — «На заседании *А-бе-ве-ге-де-е-же-зе-кома*».

Разумеется, язык пополнялся и словами, образованными всеми другими способами (в том числе и на базе новообразований), хотя на фоне аббревиации это не столь заметно: *чекист, цекист, комсомолец*,

сыпняк, дошкольник, первоначально в значении «специалист по дошкольному образованию», *ловчить, кожанка, махновцы, махновщина, петлюровцы, петлюровщина, ударник, курсант, лишенец, середняк* (аффиксация), *зам, спец* (усечение); *вечерка* — вечерняя газета; *испанка* — испанский грипп, *Александринка* — Александринский театр в Петрограде, *чрезвычайка* — Чрезвычайная комиссия (универбация); *нэпман, изба-читальня* (сложение), *золотопогонник, белогвардейский, белогвардеец, краснофлотец* (сложносуффиксальный способ).

Готовя урок на основе данного материала, можно остановиться и на характеристике других лексических групп. Например, интересно обратить внимание на стремительное устаревание достаточно большой группы лексики и на возвращение многих из этих слов в активный запас языка в наше время (*гимназия, гимназист, кадет, лицей, бакалавр, магистр, господин, сударыня, губернантик, департамент, губернатор, маклер, меценат, гильдия, эконожка*). Это будет способствовать более серьезному отношению учащихся к устаревшей лексике.

Урок по теме «Слова, рожденные Октябрем» может быть проведен в классическом формате урока-обобщения по лексике русского языка, поскольку позволяет задействовать в работе практически все лексические понятия (литературный язык, лексическое значение, сфера употребления, активный и пассивный состав языка, архаизм, историзм, неологизм, индивидуально-авторское слово, средства выразительности, внешнее и внутреннее заимствование, исконно русское слово, просторечие, жаргонизм, термин и пр.).

Однако такое обобщение не будет носить формальный характер повторения всего ранее изученного, а потребует от учащихся рассмотреть языковые факты на базе конкретного периода развития русского языка, т.е. в диахронии, а значит, привлечь к работе источники, характеризующие эти факты на предыдущем этапе развития языка (Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля; Словарь Академии Российской), лексикографические источники, созданные в советский период, прежде всего словарь под ред. Д.С. Ушакова, а также словари современного русского языка, например, под ред. С.А. Кузнецова. Данные словари доступны через Интернет, и можно рекомендовать обратиться к ним

с помощью следующих авторитетных ресурсов: сайта «Словари.ру» (<http://slovari.ru>), сайта Фундаментальной электронной библиотеки (<http://feb-web.ru>) и портала «Грамота.ру» (<http://www.gramota.ru>).

Данный классический по содержанию формат может быть реализован в таких вариантах современного урока, как урок-исследование, урок-лаборатория, урок-конференция (или пресс-конференция), урок-погружение, урок-диспут. Можно провести театрализованный урок, например, в виде агитационного выступления (агитбригады, агитплаката), выставки достижений, парада, живой газеты или живого журнала. Эти формы соответствуют духу того времени, о котором идет речь, причем образцы подобных выступлений можно найти в истории движения футуристов и послереволюционных литературных объединений, в деятельности В. Маяковского. Посоветуем учащимся прочитать воспоминания В. Шаламова «Двадцатые годы», которые опубликованы на сайте, посвященном писателю [Шаламов, Электронный ресурс]. Читая их, учащиеся смогут познакомиться с самостоятельным движением «Синяя блуза», участники которой (синезелознители) выбрали для своих агитационных выступлений форму живой газеты.

Используя широкий культурный контекст (и в форме проведения, и в оформлении), можно провести урок-погружение. Языковой материал на фоне реальных примет времени: предметов, фотографий знаменитых деятелей эпохи, плакатов, газет и журналов, отрывков из художественных произведений, обложек книг (и самих книг), кинофрагментов (художественных фильмов и кинохроники), репродукций картин, музыкальных фрагментов, писем — предстанет (воспользуемся словами поэта) «весомо, грубо, зримо».

Таким образом, исследуя языковые процессы, связанные с рассматриваемым периодом, учащиеся получают возможность, помимо дальнейшего накопления речевого опыта, совершенствования речевой культуры, развить представление об истории русского языка, «проводить самостоятельный поиск текстовой и нетекстовой информации, отбирать и анализировать полученную информацию» [Примерная... 2016: 26], продолжить накопление опыта работы с различными нормативными словарями и справочниками, активно использовать информационно-коммуникационные

ресурсы, суммировать сведения трех смежных гуманитарных областей — русского языка, истории и литературы, использовать различные формы индивидуальной и групповой работы, т.е. достигнуть и предметных, и метапредметных результатов обучения, которые предусмотрены ФГОС и отражены в Примерной основной образовательной программе среднего общего образования.

ЛИТЕРАТУРА

Бондаренко М.А. Приемы организации учебной деятельности при изучении сложных слов // Русский язык в школе. — 2015. — № 5. — С. 21–28.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. — М., 1994. — Т. 2.

Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. — М., 2004.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. — 4-е изд., доп. — М., 1997.

Примерная основная образовательная программа среднего общего образования [Электронный ресурс]. — URL: <http://fgosreestr.ru/wp-content/uploads/2015/07/Primernaya-osnovnaya-obrazovatel'naya-programma-srednego-obshhego-obrazovaniya.pdf>.

Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. — М., 1999. — Т. 2.

Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. / Гл. ред. К.С. Горбачевич. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 1991. — Т. 1.

Шаламов В.Т. Двадцатые годы [Электронный ресурс]. — URL: <https://shalamov.ru/library/30/>

ТАКИЕ РАЗНЫЕ УРОКИ...

О.Н. ЛЕВУШКИНА

Москва

И.И. ШЕЛЯПИНА

г. Электросталь

Московской обл.

«...Пойдем же вдоль стен и колонн, с лексической яркой окраской от собственных этих имен» (Урок развития речи)*

Урок развития речи в VIII классе посвящен составлению описаний памятников архитектуры Санкт-Петербурга. Описания затем объединяются в текст виртуальной экскурсии по городу. На подготовительных этапах работы используются речеведческая и лингвокультурологическая характеристики текстов.

Ключевые слова: *урок описания памятника архитектуры; речеведческая и лингвокультурологическая характеристики текстов; памятники архитектуры; публицистические и художественные тексты; работа в группах; виртуальная экскурсия; поисковая и исследовательская деятельность.*

Дидактическая цель данного урока — научить рассказывать о памятниках архитектуры, о городе в целом, используя как

публицистические, так и художественные тексты. Работая в группах, учащиеся в ходе урока выявляют особенности текстов разных стилей, создают свои высказывания об отдельных памятниках архитектуры и собирают материал для единой (виртуальной или реальной) экскурсии по городу. Разнообразная, но целенаправленная деятельность на уроке позволит последовательно включать школьников в контекст русской и мировой культуры, развивать их устную и письменную речь, формировать у них умения работать в группе и коллективно создавать определенный речевой продукт. Поисковая и исследовательская деятельность, в том числе текстовая, поможет заинтересовать школьников историей страны, ее памятниками культуры и архитектуры.

* Из стихотворения А. Кушнера «Пойдем же вдоль Мойки, вдоль Мойки...»

Статья публикуется в рамках проекта «Патриотическое воспитание и формирование гражданской идентичности на уроках русского языка и словесности».

Левушкина Ольга Николаевна, доктор пед. наук, профессор кафедры методики преподавания русского языка МПГУ, начальник Управления международных связей МПГУ.

Шеляпина Ирина Игоревна, директор Муниципального общеобразовательного учреждения «Гимназия № 4» ГО Электросталь Московской области, учитель русского языка и литературы.

E-mail: shelapina@mail.ru

Ход урока.

Любовь к родному краю, знание его истории — основа, на которой только и может осуществиться рост духовной культуры всего общества.

Д.С. Лихачев

Архитектура — тоже летопись мира: она говорит тогда, когда уже молчат и песни, и предания...

Н.В. Гоголь

I. Мотивация, целеполагание

— Прочитайте эпиграфы к уроку. О чем эти высказывания? Как они связаны между собой?

— Как вы думаете, о чем сегодня пойдет речь на уроке?

II. Организационный момент

Каждая группа получает один текст из буклета о Санкт-Петербурге для работы (можно их распределить в форме жеребьевки; тексты даются без заголовков), комплекты иллюстраций (для выбора), комплекты цитат о городе. На этапе лингвокультурологической характеристики текста группы получают, самостоятельно выбирая или в форме жеребьевки, текст стихотворения о Санкт-Петербурге.

III. Интеллектуальное включение

(Тексты для работы распечатаны без заголовков¹.)

Первый этап работы — разгадывание загадки. Необходимо отгадать, о каком городе и о каком здании идет речь, вставить в текст, где это необходимо, название города или архитектурного сооружения, озаглавить тексты наименованием архитектурного сооружения.

(Адмиралтейство)

В 1730 г. страшный пожар опустошил центральную часть города. Архитектор Петр Еропкин предложил радиально-дуговой план застройки. Архитектурные особенности _____ определили этот план. От него, как три луча, разошлись два проспекта, Невский и Вознесенский, и улица Гороховая. По проекту архитектора Ивана Коробова была построена башня со шпилем (ныне ее высота — 72 м), увенчанная флюгером в виде трехмачтового фрегата.

Во время реконструкции здания в начале XIX в. Андрейн Захаров сделал здание _____ памятником русскому флоту. Центральный въезд в него был оформлен в виде триумфальной арки. Мотив арки

был повторен в фасадах здания, обращенных к Неве. Прославлению мощи России посвящено скульптурное убранство _____. Перед главным въездом с двух сторон находятся монументальные фигуры нимф, поддерживающих небесные сферы (1812, скульптор Ф.Ф. Шедрин) и символизирующих передвижение российского флота по всему земному шару. Над аркой башни расположен горельеф «Заведение флота в России» (1812, скульптор И.И. Терещенев) длиной около 22 метров.

(Дворцовая площадь)

_____ площадь главенствует в историческом центре города. Ее пространственное решение создал Карл Росси в 1819—1825 гг., гармонично объединив монументальное здание Главного штаба, императорский дворец, монолитную гранитную колонну, завершенную фигурой Ангела, здание Штаба гвардейского корпуса (архитектор А. Брюллов). _____ площадь — своего рода архитектурная корона Северной столицы России.

Свое название _____ площадь получила в середине XVIII в., когда на берегу Невы возник Зимний дворец — резиденция российских императоров. Дворец сооружен в стиле барокко, который отличается повышенной динамикой и выразительностью форм. Ныне он входит в комплекс Государственного Эрмитажа, состоящий из пяти зданий.

(Казанский собор)

На Невском проспекте находится _____ собор, ставший памятником победы русского оружия над Наполеоновской Францией. Основной его массив скрывает колоннада, крылья которой замыкаются порталами, решенными как сквозные проезды. Интерьер собора поражает своей величественной простотой. В устройстве купола собора впервые в России были применены металлические конструкции. Лучшие скульпторы и живописцы России, принимавшие участие в оформлении собора, превратили его в «храм русского искусства».

Здесь погребен фельдмаршал М.И. Кутузов. Монумент с его изображением, а также памятник герою Отечественной войны 1812 года Барклаю-де-Толли установлены перед северным фасадом.

Несколько десятилетий здание занимал Музей религии и атеизма, поэтому в соборе сохранилось мало икон и церковной утвари. Сейчас возвращенному в лоно церкви храму переданы многие предметы религиозного культа. Так, в соборе хранится одна из святынь русского православия — Казанская икона Божией Матери. Она была с Кутузовым в походах и на полях сражений, ею благословляли воинов перед Бородинской битвой.

¹ Тексты для работы составлены на основе материалов альбома: Санкт-Петербург. — СПб., 2007. Автор текстов альбома — Наталья Попова.

(Мраморный дворец)

Главная набережная города – Дворцовая – своим названием обязана целому ряду дворцов, которые придают особую красоту архитектурной панораме левого берега. Самым ранним из них является _____ дворец – жемчужина архитектуры раннего классицизма. Фасады его второго и третьего этажей облицованы мрамором разных оттенков, собранным со всех концов света и искусно обработанным. Мрамором были отделаны интерьеры дворца, но сохранилась только парадная лестница и нижний ярус большого зала.

Сначала дворцом владел граф Григорий Григорьевич Орлов, фаворит Екатерины II, она подарила это «здание благодарности». Сейчас дворец принадлежит Русскому музею. Во дворе перед главным фасадом стоит статуя Александра III работы Паоло Трубецкого, которая до 1936 г. находилась на площади у Московского вокзала.

IV. Речеведческая характеристика текстов

1) Найдите в текстах слова, значение которых непонятно. Проясните их значение с помощью толковых словарей.

2) Сформулируйте тему и основную мысль текста.

3) Определите стиль и тип речи текста. Докажите свою точку зрения.

4) Найдите в текстах информацию:
а) об истории архитектурного сооружения;
б) о его внешнем виде.

5) Разделите текст на части, составьте его план.

6) Как автор текста относится к памятнику архитектуры? Захотелось ли вам посмотреть на этот памятник? Почему? Какие языковые средства автор использовал, чтобы выразить это отношение?

7) Перескажите текст, сохраняя средства выразительности, использованные автором. В заключение выскажите свое отношение к этому архитектурному сооружению.

8) Найдите в Интернете (или выберите из предложенных учителем) изображения этого сооружения для иллюстрации данного текста (как вариант – выберите изображения из подготовленных заранее и предложенных учителем).

V. Подготовка собственного высказывания на основе текста

Задание группам:

– Подготовьте выступление для виртуальной экскурсии на основе проанализированного текста и подобранных иллюстраций.

VI. Лингвокультурологическая характеристика художественного текста (работа в группах)

Алгоритм для работы

1) Прочитайте текст.

2) Назовите памятник (или памятники) архитектуры, о котором(-ых) идет речь в произведении.

3) Дайте тексту языковую (лексическую, морфологическую, синтаксическую) характеристику.

4) Назовите изобразительно-выразительные средства, которые использует автор, чтобы выразить свое отношение к описываемым памятникам?

5) Какие культурные смыслы обнаруживаются при анализе изобразительно-выразительных средств?

6) Сформулируйте основную авторскую мысль.

7) Сформулируйте свое отношение к описываемому памятнику и к основной мысли автора.

8) Подберите в Интернете иллюстрацию к изображаемому памятнику. Постарайтесь подобрать такое изображение, которое наилучшим образом отражает авторскую мысль и/или ваше отношение к нему.

(Тексты для лингвокультурологической характеристики: «Странный город» Н. Агнiewicz; «Кони на Аничковом мосту» Н. Браун; «Летний сад» А. Ахматова; «Всё то, чего коснется...» С. Маршак и др.)

VII. Подведение итогов лингвокультурологической характеристики художественного текста

Вопросы учителя:

– Чем различаются тексты буклета, проанализированные в начале урока, и поэтические тексты о Петербурге?

– В текстах какого стиля более ярко выражено авторское отношение к описываемому памятнику архитектуры? Почему?

VIII. Составление текста для экскурсии по Санкт-Петербургу

Задание:

– Для экскурсии по Санкт-Петербургу составьте текст о памятнике архитектуры, используя цитаты из стихотворений.

Алгоритм работы

1) Найдите информацию о памятниках архитектуры Санкт-Петербурга. Определите, о каком памятнике архитектуры Санкт-Петербурга вы будете рассказывать.

2) Подберите цитату о Петербурге для эмоционального начала текста.

3) Подберите информацию о памятнике архитектуры:

а) описание его внешнего вида;

б) факты истории, связанные с этим памятником.

4) Посмотрите, можно ли использовать в вашем рассказе цитаты из тех текстов, с которыми вы сегодня работали.

5) Создайте свой текст об этом памятнике архитектуры для буклета о Санкт-Петербурге.

6) Подберите иллюстрации для своего рассказа.

7) Составьте текст экскурсии по Санкт-Петербургу.

Задание:

– Рассмотрите карту Санкт-Петербурга и найдите на ней месторасположение памятников архитектуры, о которых шла речь на уроке. Постройте маршрут экскурсии по

городу, охватывающей описанные на уроке памятники. Соберите тексты, составленные в группах, и тексты из буклета (которым в начале урока давалась речеведческая характеристика) в единый текст экскурсии по городу, расположите их в соответствии с составленным маршрутом.

IX. Проведение виртуальной экскурсии по Санкт-Петербургу

Задание:

– Проведите, пользуясь интерактивной картой и иллюстрациями, виртуальную экскурсию по Санкт-Петербургу.

На дом:

1) Составьте текст о памятнике архитектуры своего города.

2) Проектное задание: проведите аналогичную работу и составьте текст для экскурсии, посвященной памятникам архитектуры своего города.

На телеканале «МИР» стартовал новый сезон

телеигры «Знаем русский»

На телеканале «МИР» стартовал новый сезон передачи «Знаем русский». Полюбившаяся телеигра вышла в обновленном формате. Теперь в интеллектуальном марафоне принимают участие те, кому русский язык – не родной.

Каждую неделю телезрители могут узнавать новые и интересные факты о «великом и могучем». Ведет передачу харизматичный Сергей Федоров, который наполняет передачу не только интеллектом, но и искрометным юмором.

По словам создателей шоу, зачастую в тонкостях великого и могучего лучше всего разбираются те, для кого этот язык совсем не родной. Убедиться в этом можно после просмотра любого выпуска шоу «Знаем русский». В телеигре принимают участие команды из ближнего и дальнего зарубежья. Знаниями и смекалкой меряются представители разных национальностей, любящие русский язык. Участники шоу соревнуются в правильности ответов на вопросы ведущего, чтобы заработать очки для выхода в финал.

Напомним, «Знаем русский» – один из проектов-долгожителей на канале «МИР». Передача выходит в эфир уже более 10 лет, и интерес к ней только растет – как со стороны детей, так и со стороны взрослых.

Программа выходит по воскресеньям в 7:20 на телеканале «МИР», который вещает на 18-й кнопке.

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

А.В. ФЕДОРОВ

Москва

«Гуманность, коммуна, прогресс...»: концептосфера русского нигилизма в ироничном освещении А.К. Толстого

В статье рассматривается баллада А.К. Толстого «Поток-богатырь», в которой речевое саморазоблачение персонажей (употребление слов-паролей) используется писателем как прием для достижения сатирических целей.

Ключевые слова: концептосфера; нигилизм; прогресс; феминизм; сатира; баллада.

Алексей Константинович Толстой не был «жрецом» и певцом абстрактной Красоты, принципиально далеким от «злобы дня». Не случайно В.С. Соловьев назвал его «поэтом мысли воинствующей» [Соловьев 1991: 503]. События и явления современной поэту общественно-политической жизни его — гражданина и художника — интересовали, волновали, а иногда заставляли взяться за оружие, т.е. прибегнуть к хлесткой язвительной сатире. Одним из явлений, против которого выступал А.К. Толстой, был нигилизм. Ему посвящено несколько произведений писателя; особого внимания среди них заслуживает баллада «Поток-богатырь» (1871).

Отталкиваясь от фольклорного первоисточника (былина «Михайло Потык»), поэт делает своего героя «путешественником во времени» благодаря богатырскому сну, из которого тот выходит дважды — во времена Иоанна Грозного и в современность, приблизительно в конце 60-х гг. XIX столетия. Засыпая в Киеве, он пробуждается сначала в «татарской» Москве, а затем в «нигилистическом» Петербурге. В новой столице империи Поток поочередно заходит в три условных здания: в первом идет суд и присяжные под общее ликование «барынь» оправдывают мошенника и убийцу, во втором он слышит проповедь

«аптекаря» о Боге и мужике, наконец, в третьем здании попадает в компанию «продвинутых» феминисток — и в ужасе от всего увиденного засыпает вновь.

Действенным методом сатирического осмеяния в этой балладе является прием саморазоблачения: автор дает «право голоса» отрицательным персонажам, представляющим нигилизм. В данном случае саморазоблачение происходит не за счет индивидуализации речи, в которой отражается характер говорящего, его пороки и недостатки (как, например, в драматургии), а наоборот, при помощи шаблонных слов-сигналов, своеобразных «паролей», которые стали знаком принадлежности к «прогрессивному направлению»:

Тут все подняли крик, словно дернул их бес,
Угрожают Потоку бедою.

Слышно: почва, гуманность, коммуна,
прогресс,

И что кто-то заеден средою.

Меж собой вперерыв, наподобье галчат,
Все об *общем* каком-то о деле кричат,
И Потока с язвительным тоном
Называют *остзейским бароном*¹.

В этой строфе баллады воссоздана некая «концептосфера» современных Толстому нигилистов — тот «птичий язык», который они сделали «кодом доступа» в свои ряды. Не случайно эти чуждые автору слова и словосочетания маркированы курсивом. Может быть, наиболее показательным

Федоров Алексей Владимирович, кандидат филол. наук, руководитель Филологического центра издательства «Русское слово», учитель литературы гимназии № 1516.
E-mail: Fedorov@russlo.ru

¹ Здесь и далее текст баллады цит. по изд.: Толстой А.К. Полное собрание стихотворений: В 2 т. — СПб., 2016. — Т. 1.

«концептом» в данном перечислении является «прогресс» (от лат. *progressus* — «движение вперед»).

С конца 1850-х гг. наименование «прогрессивного» (самоназвание) или «прогрессистского» (отрицательная коннотация) получает общественно-политическое движение, близкое (иногда тождественное) нигилизму, сконцентрировавшееся в нескольких периодических изданиях («Современник», «Русское слово», «Дело», позднее «Отечественные записки», «Женский вестник» и др.) и оказавшее существенное влияние на литературу и массовое сознание. Способом воздействия на общественное мнение часто становилась антитеза, когда прогрессу противопоставлялись отсталость, косность, мракобесие. Соответственно сам прогресс представлял синонимом движения вперед, совершенствования, улучшения, оценивался как насущная современная потребность:

Вот, например, хоть бы прогресс, цивилизация, гуманизм, философия — кто не произносит этих слов?... Кто не знает того, что это лучшие дети нашего века, наше лучшее достояние? Отречься от них — значит вернуться столетиями назад, это всякий знает [Листок 1861: 241].

В словаре В.И. Даля акцентирована политическая составляющая значения слова:

умственное и нравственное движение вперед; сила образования, просвещения; более в знач. политическом, свобода; взгляд и понятия или притязания на полную свободу. Прогрессист, -тка, кто держится этого убеждения, идет со временем, веком, враг застоя, косности [Даль].

На первый взгляд бесспорно положительное, понятие обнаруживало свою «амбивалентность», когда применялось не к материальным, а к духовным сферам человеческого бытия. И тогда становилось ясно, что прогрессисты просто не верят в существование духовных категорий, иначе пришлось бы признать, что не все в мире измеряется и меняется поступательно — от худшего к лучшему. Прогресс понимался ими зачастую только как постоянная и радикальная «инновация», отменяющая все, что было создано, закреплено и развито традицией; как перманентное разрушение, которое в конце концов превращается в бесконечный процесс ради процесса (прогресс ради прогресса), ведь получается, что целей созидательных при таком отношении к прошлому иметь просто невозможно, прогресс отрицает сам себя — или,

если воспользоваться известной формулой о революции, «пожирает своих детей». Так прогресс становился мощным орудием нигилизма, идеологическим «тараном», направленным против всего «устаревшего», т.е. вечного, против «отцов» и «корней», против истории и памяти, в конечном итоге — против Бога.

Конечно, эту опасность чувствовали многие русские публицисты и литераторы «консервативного» лагеря, многие из которых на себе ощутили деспотическое воздействие «прогрессивной критики». М.Н. Катков наглядно показывает, как работает механизм манипуляции читательским сознанием:

Консерватор — это обскурант, крепостник, ненавистник человеческого рода, враг меньших братьев, подлец и собачий сын. Прогрессист — это друг человечества, готовый на великие подвиги, на всяческие жертвы, в интересе просвещения, свободы, благоденствия всех и каждого. <...> Как же было тут колебаться в выборе?

[Катков 1862: 833–834].

Причем это ложный выбор:

...Истинно прогрессивное направление должно быть в сущности консервативным... Чем глубже преобразование... тем крепче должно держаться общество тех начал, на которых оно основано и без которых прогресс обратится в воздушную игру теней... [Там же: 839].

Православная журналистика обратила внимание на опасность обожествления «прогресса» как механического поступательного движения, отрицающего все старое как менее совершенное. Несомненна связь между помутнением нравственных понятий и словесной «эквилибристикой», подменой терминов, неумным использованием переводных слов, которые под «овечьей шкурой» внедряют в сознание свою «волчью» сущность:

...вместо чрезвычайно эластического... термина *прогресс*, который может означать движение вперед или успех, пожалуй, и в необузданности беззаконной воли, и в стремлении к безначалию, и в попрании всего, что есть на земле святого и обуздывающего страсти, и во всем, что разрушает общественный порядок в его основаниях, — почему бы не принять русского слова *преуспеяние, усовершенствование*? Тогда бы никакой дерзкий ум не осмелился вывести заключения, чтобы совершенствование... может быть основано на разрушительных и противных любви христианской правилах. Вся беда от

темноты и мутности современного слововыражения; а мутность гонится лишь для того, чтобы способнее было рыбку ловить [Г. Р-чъ 1859: 429].

...Христианство, говорят, устарело и есть уже анахронизм для настоящего времени; его должен заменить прогресс, способный довести человечество до совершенства и благосостояния. <...> ...не должно быть противоречия между прогрессом, имеющим место в области науки и цивилизации, и положительной религиею, преобразовательно действующею на внутреннее существо духовно-нравственной природы человека [Смирнов-Платонов 1869: 20, 21].

Автор статьи «Христианство и прогресс», рассматривая сложные взаимоотношения этих понятий в умах современников, подчеркивает ограниченность прогресса улучшением материальных условий, в которых живет и развивается человеческая личность. Но становится ли лучше сама личность прямо пропорционально увеличению ее комфорта и благосостояния? Вопрос риторический для любого верующего человека, поскольку прогресс истинный и может заключаться только в нравственном, духовном совершенствовании, воскресении человека. И в этом религиозном смысле Иисус Христос есть главный и единственный «двигатель прогресса»:

Мы назвали именем прогресса открытия, приобретения, учреждения, имевшие следствием увеличение безопасности, свободы, благосостояния личности... <...> Но есть ли прогресс в самих лицах? Стали ли люди счастливее, умнее, лучше? Падение и восстановление – вот смысл прогресса. <...> Тот, Кем и через Кого производится восстановление, то есть осуществление первоначальной идеи человека, являющейся нам под формою так называемого прогресса, есть Иисус Христос, Богочеловек [С. С-в 1862: 248, 249, 262–263].

Многие русские поэты в стихах, посвященных «злобе дня», используют лексему *прогресс* как знаковое слово для характеристики современных социальных тенденций. Вспоминаются в этой связи и Н.А. Добролюбов (под псевдонимом Конрад Лилиеншвагер) со стихотворением «Наш демон» (1859) («Бес отрицанья, бес сомненья, / Бес, отвергающий прогресс»), и Д.Д. Минаев (под псевдонимом Обличительный поэт) с пародией «Мои идеалы», и двоюродный брат А.К. Толстого, соавтор по Козьме Пруткову Алексей Михайлович Жемчужников с эпиграммой «Нашему прогрессу»:

Он рос так честен, так умен,
Он так радел о меньших братьях,
Что был Россией задушен
В ее признательных объятьях.

[Жемчужников 1963: 108].

Особенно показательны хлесткие поэтические инвективы поэта, традиционно относимого к деятелям «чистого искусства», – Н.Ф. Щербины:

Когда бездарность и прогресс
В России стали синонимом
И здравый смысл из ней исчез,
Тургеневским рассеясь «дымом»...
[Щербина 1970: 309];

Разливая помраченье
И приняв прогресса вид,
Министерство просвещения
Митрофанушек плодит...
[Там же: 294].

На первый взгляд может показаться, что в данном вопросе А.К. Толстой изменил своей позиции, заявленной ранее в стихотворении «Двух станов не боец, но только гость случайный...» (1858): его баллада «Поток-богатырь» (как и «Пантелей-целитель», «Порой веселой мая...») отчетливо направлена против одного из «станов». И реакция некоторых представителей «прогрессивного» направления говорит о том, что поэт попал в уязвимое место. Об этом свидетельствует резко негативная оценка баллады стихотворцем В.П. Бурениным:

Я не говорю о пошлости формы, не говорю о прозаичности стихов, не говорю о грубой и дерущей ухо подделке под народный склад... все это пустяки пред содержанием пьесы. Основная мысль гр. Толстого была лягнуть ненавистный современный прогресс, ненавистные реформы наших дней, не дающие спокойно заснуть нашим эстетическим поэтам. <...> О посредственные поэты! До чего вы можете доходить в вашем бессильном брюзжаньи на движение жизни, в котором не требуется больше плохих стихов и метрического скудоумия!

[Буренин 1871: 2].

Удивительная по своей абсурдности логика: если для нигилизма (либерализма) не существует запретных тем и непрекращаемых авторитетов – именно в этом полагаются прогресс и подлинная свобода от предрассудков, то любое покушение на сам нигилизм объявляется посягательством на свободу. Свое возмущение такими

«двойными стандартами» Толстой выразил в письме М.М. Стасюлевичу от 1 октября 1871 г.:

Я не понимаю, почему я волен нападать на всякую ложь, всякое злоупотребление, но нигилизма, коммунизма, материализма, et tutti quanti трогать не волен? А что я буду через это в высшей степени не популярен, что меня будут звать ретроградом — да какое мне до этого дело? <...> Вообще это не мой genre и вступить на полемическую дорогу я не намерен, но от «Потока» не отказываюсь и несколько не сожалею, что его напечатал, равно как и «Пантелея»

[Толстой 1964: 378].

Примечательно, что в перечислении «прогрессивных» концептов, которые обрушиваются на бедного Потока, не понимающего их значения: *почва, гуманность, коммуна, прогресс, заеден средою, общее дело, меньшая братья*, — обнаруживается одно «лишнее», во всяком случае «странное», слово. Открывает ряд вполне «нигилистических» паролей *гуманность, коммуна, прогресс, среда заела* (вспомним, какую бескомпромиссную борьбу с последней формулой, которая по сути означает отказ от нравственной ответственности личности за содеянное, вел Ф.М. Достоевский в своих романах и публицистике) *почва* — знаковое понятие для совсем другого «стана»: А.А. Григорьева, Н.Н. Страхова, братьев Достоевских...

Еще одно показательное совмещение обнаруживается в описании второго здания, куда заходит Поток:

...какой-то аптекарь, не то патриот,
Пред толпою ученье проводит:
Что, мол, нету души, а одна только плоть
И что если и впрямь существует Господь,
То он только есть вид кислорода,
Вся же сует в безначалье народа.

Недоумение вызывает контекстуальная синонимичность *аптекаря* (явный аналог нигилиста — поклонника естественнонаучного познания мира, да к тому же нередко медика по образованию) и *патриота* (в любви к Отечеству нигилисты, что называется, замечены не были — во всяком случае, патриотизм в их «концептосферу» точно не входил). И если первые три строчки публичной проповеди «учения» имеют прямое отношение к «аптекарю», то о «безначалье народа» как будто говорит уже «патриот». Действительно, в следующей строфе тема народа получает развитие — и сурово обращается к Поток у именно «патриот»:

И, увидя Потока, к нему свысока
Патриот обратился сурово:
«Говори, уважаешь ли ты мужика?»
Но Поток вопрошает: «Какого?»
— «Мужика вообще, что смиренным велик!»
Но Поток говорит: «Есть мужик и мужик:
Если он не пропьет урожаю,
Я тогда мужика уважаю!»

Что же за «патриот» имеется в виду? На первый взгляд может показаться, что речь идет о «народничестве» — течении, как раз в те годы оформившемся и с «нигилизмом» генетически связанном. Как мы помним, именно «народ», «мужик» становится одной из важнейших тем не просто в споре Базарова со старшим Кирсановым (роман И.С. Тургенева «Отцы и дети»), но и в нигилистической аргументации собственной необходимости и полезности. Базаров гордится своей близостью к народу. Но разве идеализирует тургеневский нигилист мужика «вообще», его общинность, патриархальность, превозносит смирение и долготерпение? Пожалуй, Евгений Базаров согласился бы с героем баллады Толстого, не желающего обобщать и поклоняться мужику только за то, что «смиреньем велик». Скорее всего автор выступает против так называемого «консервативного» направления народнического движения — почвенников и славянофилов — последовательных оппонентов нигилистов!

Таким образом, баллада А.К. Толстого «Поток-богатырь» при внимательном рассмотрении выдает стремление писателя сохранить позицию «вне станов», поскольку сатирически задевает не только нигилистов, но и их противников, точнее, обнаруживает «точки схождения» радикальных демократов с ярыми консерваторами, нигилистов со славянофилами. Однако все-таки основной «заряд» произведения направлен в «левую» сторону, и особенно это видно в развитии «женской темы», где также актуализируется лингвистическая составляющая «нового учения».

В первом пробуждении Потока («на Москве на реке», во времена Иоанна Грозного) на него набрасывается условная «царевна» с весьма разнообразными ругательствами (*Шеромыжник, болван, неученый холоп... поросенок, теленок, свинья, эфип, чертов сын, неумытое рыло*), причем некоторые из них, например *прощелыга*, не характерны для XVI столетия (вспомним, что *прощелыгой* называет Базарова слуга

Прокофьич). Несмотря на видимое отсутствие «общественно-политического» подтекста в данном случае главное, что перед нами — антиженщина. Дело не в самих ругательствах, а в бесстыдстве:

Кабы только не этот мой девичий стыд,
Что иного словца мне сказать не велит,
Я тебя, прощелыгу, нахала,
И не так бы еще обругала!

Авторская ирония, открывая простор для читательского воображения (какие еще слова остались несказанными), подчеркивает через это извращение женской природы глубокую ненормальность всей эпохи.

Во втором пробуждении Поток, как мы помним, оказывается в современном авто-ру Петербурге. Зайдя в третье здание, он лицом к лицу сталкивается с «эмансипированными» женщинами. Что характерно, это единственный момент, когда героя (русского богатыря!) охватывает ужас, причем такой сильный, что он бежит отсюда. А ему вслед вновь летят женские ругательства, только теперь самыми страшными из них оказываются *пошляк*, *неразвит*, *современности вовсе не видно*. В устах феминисток это синонимы, поэтому любой приверженец «традиционных ценностей» оказывается для них этаким живым анахронизмом, не вовремя проснувшимся киевским богатырем, смешным и нелепым в своих «замшелых» представлениях. Что же ужасного увидел Поток?

Видит, в длинной палате вонючей,
Все острижены вкруг, в сюртуках и в очках,
Собрались красавицы кучей.
Про какие-то женские споря права,
Совершают они, засуча рукава,
Пресловутое *общее дело*:
Потрошат чье-то мертвое тело.

Словосочетание *общее дело*, появляясь в балладе второй раз, как будто «замыкает» убогий набор штампов и показывает, что скрывается за ними. Общее дело — вскрытие трупа. «Бесконечный тупик», в котором встретились феминизм с нигилизмом, называется отрицанием жизни. Ведь логический итог борьбы за равенство прав (*про какие-то женские споря права*) — отказ от материнства. Феминизм бесплоден в буквальном смысле этого слова, и женщина, дающая жизнь, превращается в «фемину», потрошащую мертвое тело. Так художественная сатира Толстого не только отражает характерные явления современности,

но и вскрывает их корни, обнажает их сущность, показывает их уродство.

Толстовская баллада вообще может быть соотнесена с таким жанром, как антиутопия, поскольку в художественно-преувеличенной форме предупреждает, к каким последствиям может привести распространение конкретной общественно-политической теории. Несмотря на то что действие последних строф баллады соотнесено с современностью, а в будущее поэт принципиально не собирается заглядывать (*А покуда он не проснется, / Наудачу нам петь не годится*), «современная картина» социальной катастрофы, конечно же, в концентрированном виде показывает опасение автора. И его надежду на то, что эта картина в полной мере никогда не станет реальностью.

А искусственный и уродливый «псевдо-язык» растворится без следа в океане живого Русского слова.

ЛИТЕРАТУРА

Буренин В.П. Журналистика: ...Сатира г. А. Толстого («Русский вестник», июль) // Санкт-Петербургские ведомости. — 1871, 1 сентября. — № 240.

Г. Р-чъ. Цивилизация, прогресс, гласность и общественное мнение (из письма к редактору) // Домашняя беседа. — 1859. — № 44.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. [Электронный ресурс]. — URL: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=33986>

Добролюбов Н.А. Наш демон // Свисток (приложение к журналу «Современник»). — 1859. — № 3–4.

Жемчужников А.М. Избранные произведения. — М.; Л., 1963.

Катков М.Н. К какой принадлежим мы партии? // Русский вестник. — 1862. — № 1–2.

Листок // Сын Отечества. — 1861. — № 9.

Смирнов-Платонов Г. Религиозный вопрос // Православное обозрение. — 1869. — № 1.

Соловьев В.С. Поэзия гр. А.К. Толстого // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. — М., 1991.

С. С-в. Христианство и прогресс // Православное обозрение. — 1862. — № 12.

Толстой А.К. Полное собрание стихотворений: В 2 т. — СПб., 2016. — Т. 1.

Толстой А.К. Собр. соч.: В 4 т. — М., 1964. — Т. 4.

Щербина Н.Ф. Избранные произведения. — Л., 1970.

Роль устаревшей лексики в конструировании имплицитных смыслов (На материале произведений М.Ю. Лермонтова)

В статье рассмотрено соотношение понятий «архаизм» и «троп»; показано, как архаические единицы послужили средством репрезентации трех имплицитных идей (смыслов) в творчестве М.Ю. Лермонтова: авторских, инвариантных, перцептивных; указана роль архаичной лексики в раскрытии внутреннего мира поэта, выделены наиболее частотные способы номинации, конструирующие имплицитные смыслы.

Ключевые слова: *устаревшая лексика; архаизм; историзм; имплицитность; троп.*

Феномен скрытой информации как неотъемлемой составляющей смысла любого художественного текста всегда привлекал внимание ученых. Особенно ярко это проявилось во второй половине XX в. в связи с развитием лингвистики текста. Формы выражения категории имплицитности в художественном тексте исследовали И.Р. Гальперин, А.В. Ермакова, В.А. Кухаренко, И.В. Арнольд, Н.Г. Брагина, Д.В. Хворостин и др. Источники имплицитности в художественных произведениях различны, что обусловлено особенностями структурной организации текстов, а также спецификой языка того или иного писателя.

Одним из средств конструирования имплицитности художественного текста являются архаизмы, создающие смысловую многовекторность его восприятия. Устаревшие единицы и/или выражения в художественных произведениях, выступая синонимами узуального слова, одновременно оказываются преобразованным высказыванием, цель которого — создание образности речи, усиление ее выразительности и изобразительности.

При рассмотрении словарного состава русского языка в диахроническом аспекте можно выделить две группы слов — активный и пассивный запас. Первая группа включает регулярно употребляющиеся в разных сферах общения лексические единицы, а вторая — слова, вышедшие из употребления, устаревшую лексику — архаизмы и историзмы. Как отмечает Н.М. Шанский, в первом случае (архаизмы) лексика переходит в пассивный запас, поскольку вытесняется иными единицами

с таким же планом содержания; во втором случае (историзмы) слова выходят из активного употребления, потому что исчезают из реальной действительности предметы и явления, которые они обозначают [Шанский 1972: 132]. Употребление устаревшей лексики в художественных текстах обусловлено стремлением автора воссоздать ту или иную историческую эпоху, нарисовать художественный образ, придать тексту торжественность (высокий стиль). В то же время историзмы и архаизмы могут выступать как средство достижения комического эффекта и т.п.

В современной лексикологии архаизмы и историзмы рассматриваются как один из видов тропеических средств. Это связано с тем, что устаревшая лексика сориентирована на актуализацию образности речи, способствует не просто «украшению» текста, но осмыслению реальной действительности, она как бы «структурирует» ее и «смещает акценты» [Граудина, Ширяев 1999: 278].

Исследователи художественного текста видят в архаических единицах языка средство реализации категории имплицитности.

Категория имплицитности — это универсальное явление художественных текстов многих русских писателей. Н.Г. Склярова [Склярова 2005: 82–83] справедливо отмечает, что под имплицитностью необходимо понимать заложенное в языке имманентное свойство, которое проявляется в способности единиц (слов, словосочетаний, предложений) к подразумеванию на базе их значения определенной дополнительной информации. При этом имплицитное содержание — это какая-либо предназначенная к сообщению невербализованная информация. В самом общем виде имплицитность неотделима от кардинального свойства языка,

*Мундер Мулла Кадим, доцент факультета
языков Багдадского университета.
E-mail: muntherkadhum@mail.ru*

для которого план содержания шире плана выражения, что и является одним из проявлений «асимметрического дуализма языкового знака» (С.О. Карцевский). Учитывая, что имплицитная информация — это свойство определенного языкового знака, которое квалифицируется как универсальное, его нельзя отделить от «строительных» кирпичиков, т.е. от словоформ и лексем.

В последнее время многие исследователи концентрируют свое внимание на изучении вопроса, связанного с проявлением скрытой информации в конкретном произведении, поскольку каждое авторское слово — это средство выражения чувств писателя, его внутреннего мира, возможность проникновения в его подсознательное. Произведения М.Ю. Лермонтова не исключение.

В творчестве М.Ю. Лермонтова архаические единицы стали средством репрезентации трех имплицитных идей (смыслов):

1) авторской идеи (смысла) — идеи (смысла), представленной в любом тексте автора как результат провозглашения акта первичного семиозиса, т.е. акта номинации:

Как страшно жизни сей оковы
Нам в одиночестве *владить*.
(«Одиночество»);

2) инвариантной идеи (смысла) — идеи (смысла), которая «приписана» любому тексту с помощью языковых средств и складывается из смысла языковых единиц, его составляющих:

Наезднику в горах служил он много лет,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провел он страшный след
И не одну прорвал *кольчугу*.

(«Поэт»);

3) перцептивной идеи (смысла) — идеи (смысла), которая вкладывается в текст с помощью реципиента:

По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел,
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.

(«Ангел»).

Архаизм *владить* в сочетании с лексемой *оковы* создают образ современника-каторжника, что усилено субстантивной словоформой *в одиночестве* и негативно-оценочным словом категории состояния

страшно в функции именной части предиката. Поэт открыто выражает свое неприятие реальности.

Метонимичное употребление историзма *кольчугу* обращает читателя к великому прошлому народа, которое достойно памяти и уважения.

Архаизм *внимали* в третьем отрывке объединяет в своей семантике разные способы восприятия мира: читатель понимает, что природа не только слышит песню ангела, но и видит и осязает его.

Предложенные фрагменты текстов М.Ю. Лермонтова демонстрируют отношения, возникающие между идеями (смыслами) текстов в процессе восприятия их читателем. Можно предположить, что возникает некая антиномия, а иногда и парадокс: во-первых, если тексту свойственна инвариантная идея (смысл), то коммуникация невозможна, например, без восстанавливаемой коммуникативной ситуации с помощью участников на основе общих интралингвистических и экстралингвистических знаний; во-вторых, инвариантные идеи (смыслы) в конкретных ситуациях, при которых происходит восприятие текста, становятся либо вторичными, т.е. остаются на заднем плане, либо вытесняются с помощью индивидуальных идей (смыслов), если вообще не исчезают полностью [Чурилина 2003: 12].

В стихотворных произведениях поэта категория имплицитности сконструирована с помощью архаических единиц, за которыми скрыт внутренний мир писателя — его эмоциональное состояние. Как отмечает В.И. Шаховский, эмоциональные переживания человека — это настолько многогранное и сложное явление, что психологи, философы и лингвисты стоят только в начале его исследовательской дороги. Это связано прежде всего с субъективностью в ощущении, познании, высказывании и изучении эмоций, а также с множественностью языковых средств, которые вербализируют внутренние состояния человека [Шаховский 2010: 255].

В зависимости от способа презентации лексемой эмотивного смысла в произведениях М.Ю. Лермонтова прослеживается первичная (денотативная, или категориально-эмотивная) и вторичная (дифференциальная) лексические номинации. Первичная номинация обнаруживает наличие эмоции и определяет ее вид. Например,

в стихотворении «Печально я гляжу на наше поколение...» встречаем архаические единицы, связанные с понятием «боязнь, страх»:

Неверием осмеянных страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юных сил мы тем не сберегли;
Из каждой радости, бояся пресыщенья,
Мы лучший сок навеки извлекли.
(«Сон»).

Вторичные средства номинации проектируют эмоциональное состояние поэта с помощью переносных значений. Например, в стихотворении «Сон» находим глагол *жечь*, одновременно реализующий эмотивную сему в прямом и переносном значениях — ‘производить ожог’ и ‘проникаться сильным чувством’:

Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснились кругом,
И солнце *жгло* их желтые вершины
И *жгло* меня — но спал я мертвым сном.

Перфектная глагольная форма объединяет в себе семы ‘уничтожение’ и ‘пробуждение’: солнце способно убить и дать жизнь.

Сема эмотивности способна уточнять разные по содержанию и функциям категориальные семы. Например, в стихотворении «Пророк» можно выделить следующие способы выражения архаической лексической номинации в зависимости от ее частеречной принадлежности:

1) субстантивный (*страх, боязнь, испуг, ужас, переполох*):

Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено *каменя*;

2) глагольный (*гневаться, возмущаться, раздражаться, сердиться, злиться, вскипеть, вспыхнуть*):

Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами:
Глупец, хотел уверить нас,
Что бог *гласит* его устами!;

3) адъективный (*печальный, унылый, невеселый, меланхоличный, печальный, угрюмый, тоскливый, скорбный*):

Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм, и худ, и бледен!
Смотрите, как он *наг* и беден,
Как презирают все его!

Архаичная форма множественного числа *каменя* вступает в противоречие с семантикой субстантивированного прилагательного *ближние*, что усиливает контраст лексических единиц и актуализирует семантику боли и страха лирического героя стихотворения.

Употребление устаревшей глагольной формы *гласит* в сочетании с существительным *бог*, на первый взгляд, кажется закономерным. Однако предшествующий текст снимает положительную коннотацию в значении глагола, выявляя сему пренебрежения.

Краткая форма адъектива *наг* встроена в систему однородных прилагательных, которые в совокупности рисуют образ отвергнутого миром людей поэта.

Как показывают наблюдения, в творчестве М.Ю. Лермонтова наиболее частотны архаические глаголы — 50% словоупотреблений, доля архаических существительных составляет 30%, прилагательных — 20%.

Таким образом, можно говорить о когнитивном центрировании эмоций поэта в виде состояния и считать архаические глаголы ведущей формой репрезентации душевных переживаний М.Ю. Лермонтова в художественном тексте. Признание вербати́ва наиболее приспособленной частью речи для воспроизводства имплицитных чувств в произведениях поэта обусловлено ситуативностью архаической лексики эмоций, поскольку чувства неразрывно связаны с субъектом, испытывающим те или иные переживания, и одновременно с объектом, который их вызывает.

В процессе коммуникации писателя и читателя (взаимосвязь адресанта и адресата) происходит не просто формальная реализация сообщения средствами языка со стороны говорящего (пишущего) и обработка полученной информации со стороны слушателя (читателя). Художественный текст оказывается своеобразным ядром (центром) взаимодействия адресанта и адресата. При этом усилия адресанта (М.Ю. Лермонтова) — отправителя информации — связаны со стремлением выразить в языке собственное представление о событиях и явлениях смоделированной действительности. Коммуникативные же функции читателя (адресата) не менее сложны. Ему необходимо не просто получить соответствующую информацию, но и корректно воспринять ее, адекватно понять смысл высказывания и сделать соответствующие выводы.

Подводя итог, можем констатировать, что устаревшая лексика является одним из ключевых средств конструирования категории имплицитности в произведениях М.Ю. Лермонтова. Анализ средств выражения категории имплицитности в творчестве поэта позволил приоткрыть завесу внутреннего мира автора (лирического героя) — раскрыть его эмоциональное состояние. Сема эмотивности дала возможность выделить разные по содержанию и функциям категориально-лексические семы, что нашло отражение в дифференциации способов архаической лексической номинации.

ЛИТЕРАТУРА

Граудина Л.К., Ширяев Е.Н. Культура русской речи: учебник для вузов. — М., 1999.

Склярлова Н.Г. Проблема имплицитности в информативно-коммуникативном аспекте // Язык. Дискурс. Текст: II Международная конференция, посвященная юбилею проф. Г.Ф. Гавриловой: Труды и материалы. — Ростов н/Д, 2005. — Ч. II. — С. 82–85.

Чурилина Л.Н. Антропоцентричность художественного текста как принцип организации его лексической структуры: автореф. дис. ... докт. филол. наук. — СПб., 2003.

Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. — М., 1972.

Шаховский В.И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. — М., 2010.

д.и. павлов
Москва

Функции метатекста в романе А. Белого «Петербург»

Статья посвящена функциям метатекста. Автор анализирует вставные конструкции разной структуры и объема, особое внимание уделяя скобкам как маркеру функций метатекста.

Ключевые слова: метатекст; функция; авторский комментарий; скобки; вставные конструкции.

В романе А. Белого «Петербург» (1922) отчетливо проявляется авторское взаимодействие с читателем. Формы подобного взаимодействия разнообразны, начиная от привычного обращения автора к читателю и заканчивая скрытыми, имплицитными средствами. Основная цель этого приема — игра (с текстом, с читателем), однако за игровой техникой скрывается высокоорганизованная система взаимосвязей внутри текста.

Игровое начало в литературе особенно ярко проявилось в XX в., который стал «...временем “игры” писателя с читателем» [Захаров 1999: 167]. Игровое взаимодействие А. Белого с читателем отразилось не только в содержании и сюжете произведения, но и в языке романа «Петербург», что привело к активному «присутствию» в тексте автора.

Термин «метатекст» в рамках лингвистического направления был введен А. Вежбицкой в программной статье «Метатекст

в тексте» (1978). Суть метатекста заключается в неразрывной связи с основным текстом. Форму выражения этого явления ученый называет двутекстом, или «метатекстуальными нитями», которые скоррелированы с текстом [Вежбицкая 1978: 401]. В узком смысле метатекст — это проецирование рефлексии говорящего на свое высказывание для того, чтобы позволить слушающему усвоить информацию. В широком смысле метатекст понимается как второй текст, который выполняет организующую функцию в структуре текста. Соответственно, на основании добавочности метатекст может быть извлечен из текста как «инородное тело» [Там же].

В тексте роль такого инородного тела, содержащего авторское отношение, могут выполнять скобки, оформляющие вставочные конструкции. Особенно активно используются подобного рода вставки, или парантезы, в художественном тексте, так как для него наиболее характерно выражение авторского отношения. Вставные конструкции, заключенные в скобки, обособляясь от текста, приобретают в некоторой степени автономность, при этом их «содержательная значимость... для художественного текста может быть достаточно

Павлов Дмитрий Игоревич, аспирант
ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет».

E-mail: Mediolanium@inbox.ru

высокой» [Геллер, Шавлукова 2008: 49]. Таким образом, скобки, оформляя вставные конструкции, являются маркером, с помощью которого можно обнаружить метатекст в тексте.

Функции метатекста, которые репрезентируются скобками, достаточно разнообразны, однако не весь их репертуар может быть представлен в тексте конкретного произведения.

В романе «Петербург» А. Белый активно взаимодействует с читателем путем прямого обращения к нему; ср.: *Читатель!* «Вдруг» знакомы тебе; ...будет престарелый сенатор гнаться и за тобою, *читатель*, в своей черной карете: и его отныне ты не забудешь вовек!¹ В других случаях автор выделяет некоторые важные факты в романе, чтобы зафиксировать на них внимание читателя, тем самым актуализирует маргинальную функцию, т.е. старается выйти за грань повествования и оценить происходящее с позиции читателя.

Средствами выражения маргинальной функции могут выступать слово *читатель*, а также личные формы глагола или личные местоимения. С одной стороны, автор выражает собственное мнение, используя местоимение *я*:

...над постелью висел образок, изображавший тысячаночную молитву Серафима Саровского среди сосен, на камне (*должен* здесь я сказать — Александр Иванович под сорочкою носил серебряный крестик)...

С другой стороны, автор употребляет местоимение *мы* в значении 'я':

...во-вторых (*замечаем мы* от себя), Николай Аполлонович Аблеухов был человек бессознательный...

Транспозиция лица в выражении авторского мнения может происходить без использования местоимений, например:

Рай Николай Аполлонович отрицал: рай, или сад (что, как видел он — то же) не совмещался в представлении Николая Аполлоновича с идеалом высшего блага (*не забудем*, что Николай Аполлонович был кантианец; более того: когенианец)...

В некоторых случаях употребление личного местоимения в переносном значении оказывается избыточным: *Невский*

Проспект прямолинеен (говоря между нами), потому что он — европейский проспект... Семантика предлога *между* в данном контексте предполагает адресата. Подобный контекст позволяет максимально проявиться авторскому взаимодействию с читателем.

В предложении с Невским проспектом есть вставная конструкция, которая выполняет связующую роль координатора в тексте: *...всякий же европейский проспект есть не просто проспект, а (как я уже сказал) проспект европейский, потому что...* Использование глаголов в прошедшем времени в подобных конструкциях свидетельствует о ретроспективной функции метатекста:

Представлялся лишь выгодный случай безопасно сойти с своего холодного чердака (свой чердак, как видели мы, Александр Иванович ненавидел, а, бывало, неделями он безвыходно в нем сидел, когда выход казался рискован);

И опять-таки — зала: прекрасная! Окна и стены: стены немного холодные... Но лакей был в гостиной (*гостиную видели мы*).

Автору важно показать взаимосвязь эпизодов, чтобы создать ясную картину происходящего.

Проспективная функция метатекста в романе «Петербург» также обуславливает связь эпизодов, одновременно устанавливая взаимозависимость настоящего с последующим текстом:

Неужели же все это (*что мы увидим впоследствии*) протекало сознательно в воле, в прытко бившемся сердце и в воспаленном мозгу? Нет, нет, нет!;

Но не успеет автор читателю описать ту самую лестницу, по которой не раз поднимались министры (*он ее опишет потом*), потому что — лакей уже в зале...

Помимо глаголов в форме будущего времени, в этих примерах автор использует наречия-интенсификаторы *впоследствии* и *потом*, подчеркивая важность будущих эпизодов. В отдельных случаях ретроспективная функция начинает выполнять функцию проспективной (глагол в форме прошедшего времени сочетается с лексемой *впоследствии*):

...стоял в воздухе пар, озаренный свечами (*как впоследствии оказалось*, вдруг испортилось электричество — электрическая станция, очевидно, стала пошаливать: скоро она расшалилась надолго).

¹ Здесь и далее текст цит. по изд.: Белый А. Полное собрание сочинений: В 2 т. — М., 2011. — Т. 1.

Функция резюмирования в романе «Петербург» обусловлена постпозицией по отношению к основному содержанию:

...эти комнаты состоят: из единственной комнаты, называемой залой и залом, что — заметьте себе — все равно; состоят они далее из комнаты для приема многообразных гостей; и протчая, протчая, протчая (*остальное здесь — мелочи*) —

выделенная конструкция объясняет использование повтора лексики *протчая*. Подробное описание планировки комнат, по мнению автора, не представляет особой важности в рамках всего произведения, для него это *мелочи*.

Некоторые конструкции в романе объясняют причинно-следственные отношения в повествовании, тем самым выполняя пояснительную функцию:

...Но при этой мысли ощутил он нечто такое, от чего его уши положительно дернулись: он [Николай Аполлонович] испытывал столь огромную тошноту (*от семи выпитых рюмок*)...;

Александр Иванович тут собой овладел; и он мог бы вернуться: в комнате — это знал он наверное — никого, ничего (*приступ болезни прошел*).

Следует обратить внимание, что во втором примере конструкция в скобках относится не ко всему предложению, поясняет лишь его часть, причем расположенную дистантно (*Александр Иванович тут собой овладел*).

В некоторых случаях пояснительная функция помогает автору объяснить трудные для читателя слова:

Аполлон Аполлонович засунул два пальца в жилетный карманчик и снова забегал по диагонали (*от угла к углу*);

Иногда (*не всегда*) перед самой последней минутой дневного сознания Аполлон Аполлонович, отходящий ко сну, замечал, что все нити, все звезды, образуя злосчастную круть, строили из себя коридор...

Подобного рода пояснения можно отнести к приему авторской «игры» с читателем, поскольку нет необходимости объяснять тривиальные вещи. При этом комментарий Иногда (не всегда) так и не раскрывает регулярности описываемых действий героя.

В романе А. Белого «Петербург» можно выделить уточняющую функцию метатекста, которая заключается в конкретизации определенного факта или явления в повествовании:

С предтекущей толпой престарелый сенатор сообщался при помощи проволок (*телеграфных и телефонных*);

Укоризненно впиалась в Александра Ивановича теперь неморгающим взглядом (*взгляд был грустный*)...

Уточнения могут распространяться и на внешность персонажей: *Офицер (высокий блондин с острокопечной бородкою) обернулся и с тенью досады смотрел выжидательно сквозь синие очковые стекла*... В данных примерах уточняющие конструкции обособлены от предложения и приобрели автономность. Однако уточнения могут подчеркивать неоднозначность описываемого персонажа:

Моему сенатору только что исполнилось шестьдесят восемь лет; и лицо его, бледное, напоминало и серое пресс-папье (*в минуту торжественную*), и — папье-маше (*в час досуга*) —

конструкции сохраняют синтаксическую связь с предложением. Уточняющая функция выделенных конструкций позволяет автору дифференцировать созвучные, но разные по семантике лексические единицы (*пресс-папье* — ‘принадлежность письменного прибора в виде округлого основания с натянутой на нем промокательной бумагой’ и *папье-маше* — ‘легко поддающаяся формовке масса из смеси бумаги, гипса, клея, крахмала, применяемая для изготовления различных предметов путем прессования’).

Наиболее распространенная функция метатекста — функция комментирования, или ремарочная [Павлов 2016: 151]. При анализе романа «Петербург» мы дифференцировали ее на два подтипа — собственно комментарий и ремарку. Если ремарка относится к действию персонажа, то собственно комментарий поясняет всю ситуацию в эпизоде; ср.:

Он стрелой влетел на площадку второго этажа (*экая неактичность!*). И влетев на площадку, он позволил себе нечто, что его окончательно уронило во мнениях там стоящего очертания;

...Эта полная неожиданность может окончиться, как ты имеешь все основания полагать, изменением <...> нашего домашнего status quo, или же (*он повернулся*) все останется по-старинному.

В первом примере автор выражает собственное мнение, а во втором указывает, как персонаж должен был сказать последние

слова. Подобные указания характерны для ремарок в драматических произведениях, однако в них, как правило, употребляются глаголы в форме настоящего времени:

...старая голова так стремительно отлетела к стене, что цилиндр ударился о каменный плод черного домового выступа (*Аполлон Аполлонович Аблеухов методично цилиндр свой поправил*)...

Некоторые конструкции, выполняющие ремарочную функцию, представляют развернутое уточнение автора, как персонаж должен произнести свои слова:

Эта полная неожиданность может окончиться, как ты имеешь все основания полагать, изменением (*Аполлон Аполлонович многозначительно поднял свой палец, гремя на всю комнату басом, точно он пред толпой произносил важную речь*) нашего домашнего status quo...

Собственно комментарий может относиться к определенным объектам в произведении:

Ярко-красные губы ее были слишком большими губами, но... зубки (*ах, зубки!*): жемчужные зубки!;

Вот, он, пересоздатель гнилого строя, которому она (*скоро, скоро!*) собирается предложить гражданский брак.

В примерах с собственно комментарием нередко используется восклицательный знак, чтобы эмоционально выделить авторское мнение. Во втором примере, в отличие от первого, возможно сохранение синтаксической связи вставной конструкции с предложением; ср.: *Вот, он, пересоздатель гнилого строя, которому она **скоро** собирается предложить гражданский брак.*

Собственно комментирующую функцию выполняют конструкции особого рода:

Из-за грязной конторки к засиявшему сталью прилавку приволочилась какая-то сонная харя (*вероятно, собственник этих сверл, лезвий, пил*)...

С одной стороны, в данном примере выделенная конструкция выполняет уточняющую функцию (конкретизирует, кто именно подошел к прилавку), однако слово *вероятно* со значением 'неуверенности' свидетельствует о том, что это авторское предположение, а не конкретизация определенного персонажа. Таким образом, данная конструкция выполняет собственно комментирующую функцию. При этом основным модификатором, влияющим на

значение и функцию конструкции, выступают слова с семантикой неопределенности — *вероятно, какой-то* и т.п.

Во вставных конструкциях возможны случаи синкретизма (когда в одном примере проявляется одновременно несколько функций):

Аполлон Аполлонович споткнулся на полуслове, подбежал снова к зеркалу (*в это время забили куранты*)... —

эта конструкция может выполнять как ремарочную функцию (указание, когда персонаж должен подойти к зеркалу), так и уточняющую (конкретизировать время действий персонажа).

Метатекст неразрывно связан с текстом, он дополняет его, структурирует, позволяет проникнуть в ткань произведения и адекватно понять его содержание. Представленный «репертуар» функций свидетельствует о большом потенциале метатекста и его роли в тексте. Нередко метатекст реализуется широким спектром вставных конструкций, заключенных в скобки. Таким образом, скобки являются одним из маркеров различных функций метатекста (маргинальной, ретроспективной, проспективной, резюмирования, пояснительной, уточняющей, комментирования, ремарочной). Состав и объем вставных конструкций очень разнообразен, поэтому трудно систематизировать средства выражения метатекста, однако ядерным средством их реализации являются единицы, отражающие авторскую позицию.

ЛИТЕРАТУРА

Белый А. Полное собрание сочинений: В 2 т. — М., 2011. — Т. 1.

Вежбицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1978. — № 8: Лингвистика текста. — С. 402–422.

Геллер Э.С., Шавлукова Б.Ю. Специфика употребления скобок в качестве авторского знака (научная проза М.Н. Кожинной) // Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки. — Махачкала, 2008. — № 1. — С. 49–52.

Захаров К.М. Мотивы игры в творчестве Н.В. Гоголя: дис. ... канд. филол. наук. — Саратов, 1999.

Павлов Д.И. Функции метатекста в романе «Мастер и Маргарита» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов, 2016. — № 12(66): В 4 ч. — Ч. 4. — С. 150–152.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

В.А. ФЕДОСЕЕВ
Москва

Об отношениях между компонентами простых предложений

Анализируемые в статье отношения между компонентами простых неосложненных предложений автор квалифицирует логико-грамматическими, кратко излагает принцип их формирования и способы грамматического оформления. Это позволяет, по мнению автора, более точно и аргументировано описывать семантику и структуру простых предложений.

Ключевые слова: *бинарная конструкция; логико-грамматические отношения; субъект предикативного проявления; предикат; свободная словоформа; каузатор; предикативные отношения; подчинительные отношения; отношения свободного распространения; обусловлено-результативные отношения; синтаксическая связь; сопряжение; подчинительная связь; смысловая координация.*

Структурно-семантический анализ простого предложения следует начинать, на наш взгляд, с установления в нем смысловых и грамматических связей между компонентами. Так выявляются содержащиеся в предложении бинарные конструкции, компоненты которых находятся между собой в определенных логико-грамматических отношениях.

Под компонентом простого предложения понимается знаменательная минимальная по объему часть бинарной конструкции, формирующая с другой знаменательной частью определенные логико-грамматические отношения. Ср.:

На краю поля мы увидели небольшую избушку.

Это простое неосложненное предложение имеет в себе такие бинарные конструкции: 1) *мы увидели*, 2) *увидели избушку*, *небольшую избушку*, 3) *(на краю поля) (мы увидели избушку)*.

Логико-грамматические отношения между компонентами бинарной конструкции — это результат соотношения значений, способов выражения и грамматических форм сочетающихся компонентов. Такие соотношения позволяют установить:

1) что обозначает каждый компонент бинарной конструкции и какова их конструктивная роль (функция) в образованной ими конструкции;

2) каковы отношения между компонентами с иерархической точки зрения:

а) имеет место смысловая и грамматическая зависимость одного компонента от другого,

б) смысловая и грамматическая взаимная обусловленность сочетающихся компонентов,

в) смысловая и грамматическая независимость компонентов друг от друга,

г) способность одного из компонентов к обязательному сочетанию с компонентом определенной семантики.

Например, соотношение значений компонентов в конструкции *увидели избушку* позволяет утверждать: компоненты данной конструкции соотносятся между собой как конкретизируемое действие (*увидели*) и конкретизирующий его конструктивно необходимый объект восприятия (*избушку*). Соотнесение способов выражения и грамматических форм сочетающихся компонентов (переходный глагол и имя существительное с предметным значением в форме винительного падежа без предлога) приводит к выводу: в данной конструкции имеет место односторонняя грамматическая зависимость словоформы *избушку* от слова *увидеть*. Поэтому логико-грамматические отношения, при которых

Федосеев Василий Алексеевич, кандидат
филол. наук, доцент МПГУ.
E-mail: admin@riash.ru

сочетающиеся компоненты соотносятся между собой как конкретизируемое действие, обозначающее, например, зрительное восприятие, и конкретизирующий его объект восприятия, при этом конкретизирующий компонент по смыслу и грамматически зависит от конкретизируемого, — называются подчинительными отношениями.

Каждый вид логико-грамматических отношений предполагает их оформление определенной синтаксической связью. Синтаксическая связь компонентов — это грамматическое оформление логико-грамматических отношений при помощи определенных средств языка. Так, подчинительные отношения между главным и зависимым компонентами словосочетаний оформляются подчинительной связью при помощи окончания зависимого компонента (*толстая тетрадь, ошибка пилота*), окончания и предлога (*летать над полем, бледный от переутомления*), только предлога (*остановиться около метро*), постпозиции зависимого компонента (*прийти проститься, усы колючком*).

Рассмотрим логико-грамматические отношения между компонентами простых неосложненных предложений.

Предикативные отношения

Отношения между компонентами бинарной конструкции следует квалифицировать предикативными, если компоненты соотносятся между собой как проявляющий и его реальное/ирреальное проявление действием (признаком, состоянием, отношением, бытием, наличием) или как оцениваемый, интерпретируемый, квалифицируемый, изыскиваемый, именуемый, идентифицируемый предмет (явление, действие, признак, качество, свойство) и данная ему реальная/ирреальная оценка, интерпретация, квалификация, изъяснение, наименование, идентификация. Рассмотрим на конкретных примерах смысловые и грамматические соотношения компонентов, находящихся между собой в предикативных отношениях.

1. *На фоне черной тучи белел наш дом.* (Чехов).

В этом предложении предикативные отношения сформированы компонентами *дом* и *белел*. Первый компонент, выраженный именем существительным в форме единственного числа мужского рода

именительного падежа (N_1), обозначает предикативно проявляющий себя предмет; его функция в бинарной конструкции — субъект предикативного проявления. Второй компонент, выраженный глаголом в форме изъявительного наклонения прошедшего времени единственного числа мужского рода (V_p), обозначает реальное в прошедшем времени проявление предмета определенным признаком; функция компонента — предикат. Синтаксическая связь компонентов — сопряжение с уподоблением формы предиката форме субъекта в числе и роде. Отсюда вывод: субъектно-предикатным сочетаниям типа N_1-V_f свойственна взаимная обусловленность сочетающихся компонентов как на смысловом (логическом), так и на грамматическом уровнях: проявляющее (N_1) $\rightleftharpoons$ предикативное проявление (V_p), N_1 обуславливает употребление V_f в определенной форме — числа и лица, числа и рода или только числа. В свою очередь, V_f допускает при себе употребление N только в форме именительного падежа [Поспелов 1969; Арутюнова 1972: 328–333; Золотова 1982: 134].

2. *Якову от этой мысли стало жутко.* (Чехов).

В предикативных отношениях находятся между собой компоненты *Якову* и *стало жутко*. Компонент *Якову* обозначает предикативно проявляющее себя лицо (N_3), его функция в бинарной конструкции — субъект предикативного проявления. Компонент *стало жутко* обозначает реальное в прошлом проявление лица внутренним состоянием (связка V_f ед. ч. ср. род Pred), функция компонента в бинарной конструкции — предикат. Синтаксическая связь компонентов — сопряжение без уподобления формы предиката форме субъекта. Таким образом, данному субъектно-предикатному сочетанию, так же как и сочетанию N_1-V_f , свойственна взаимная обусловленность сочетающихся компонентов как на смысловом, так и на грамматическом уровне: проявляющее $\rightleftharpoons$ предикативное; проявление, имя существительное в дательном падеже без предлога с синтаксическим значением носителя предикативного состояния обуславливает употребление связки при слове категории состояния в немотивированных формах единственного числа 3-го лица и единственного числа среднего рода. В свою очередь, предикат, выраженный

словом категории состояния со связкой *быть* в форме прошедшего времени единственного числа среднего рода, обуславливает употребление имени существительного или личного местоимения в единственном возможной форме — в дательном падеже без предлога. Такая субстантивная словоформа «не является ни объектом, ни дополнением, ни зависимым от категории состояния управляемым элементом... Эта форма не обусловлена лексико-грамматическими требованиями слова категории состояния, а входит в предложение *на основе предикации со своим обусловленным значением субъекта состояния*» [Золотова 1973: 60 – 61].

3. *Наша задача — убрать урожай без потерь.* (Из газет).

В таких предложениях важную организующую роль играют слова *цель, задача, долг, обязанность*, в лексических значениях которых присутствует один из модельных элементов — желания, необходимости, должествования. Синтаксической особенностью названных слов является их способность к обязательному сочетанию со словоформами, отвечающими на вопросы: *цель чья?* и *в чем заключается? долг чей?* и *в чем заключается?*

Анализируемое предложение включает в себе два вида бинарных конструкций — с предикативными отношениями между компонентами (*задача убрать урожай*) и с подчинительными (*наша задача, убрать урожай без потерь*). В конструкции *задача убрать урожай* компонент *задача* обозначает мобилизующую собеседников постановку задачи, его конструктивная роль в бинарной конструкции — изъясняемый субъект (N_1). Компонент *убрать урожай* обозначает суждение говорящего о том, в чем заключается поставленная задача, выражаемое данным компонентом модально-временное значение — реальная в настоящем времени необходимость выполнить определенную работу; конструктивная роль данного компонента в бинарной конструкции — изъясняющий предикат ($Inf\ N_4$). Сравните рассматриваемое предложение с синонимичными:

Нам надо убрать урожай без потерь; Наша задача состоит в том, чтобы убрать урожай без потерь.

Синтаксическая связь, оформляющая предикативные отношения между компонентами *задача* и *убрать урожай*, — сопряжение без уподобления формы предиката

форме субъекта. Субъектно-предикатным сочетаниям типа N_1 – Inf свойственна взаимная обусловленность сочетающихся компонентов: изъясняемое (N_1) $\Leftrightarrow$ предикативное изъяснение (Inf); как N_1 , имеющий в своем лексическом значении модальный элемент желания или необходимости, предполагает сочетание с глаголом в форме инфинитива, так и Inf допускает при себе N только в форме именительного падежа.

В конструкциях *наша задача* и *убрать урожай без потерь*, являющихся простыми словосочетаниями, зависимые компоненты *наша* и *без потерь* выполняют функцию присловных распространителей и находятся с распространяемыми компонентами соответственно в определительных отношениях (*наша* — согласованное определение, обозначает признак грамматического предмета по деятелю, так как указывает на тех, кому предстоит осуществить задачу), и в обстоятельственных отношениях (*без потерь* — обстоятельство образа действия, обозначает признак действия по качеству его исполнения).

Постановка задачи и ее изъяснение предполагают определенное интонационное оформление предложения с такой целеустановкой: предложение произносится несколько напряженным голосом, словоформы *задача, урожай* и *без потерь* выделяются логическим ударением, изъясняемый компонент отделяется от изъясняющего заметной паузой.

Итак, предикативные отношения могут возникать на разных основаниях: 1) на основе проявления предмета высказывания каким-либо реальным/ирреальным действием, признаком, состоянием и 2) на основе суждения говорящего о предмете высказывания. Это нашло отражение в том, что все предикаты по значению поделены на две группы:

1) предикаты, обозначающие то, чем предмет высказывания (S) проявляет себя сам: действие (*Стрижи прилетели*), восприятие (*Мы услышали чьи-то шаги*), признак (*День был солнечный*), состояние (*Ванечка устал; Мне скучно*), отношение (*Мой отец не любит болтунов*), бытие (*В жизни существует много непонятного*), наличие (*У меня есть лодка*). При предикатах этой группы субъект предикативного проявления может быть употреблен не только в форме именительного, но и в форме того или иного косвенного падежа;

2) предикаты, обозначающие суждения говорящего о предмете высказывания: оценку (*Люди там чудесные*), интерпретацию (*Не заступиться — значит предать товарища*), квалификацию (*Ель — дерево хвойное*), изъяснение (*Задача вашего батальона — удерживать переправу*), наименование (*Эта железяка — плуг*), идентификацию (*Женщина с рюкзаком — Ольга Пастухова*). При предикатах этой группы субъект может быть употреблен в форме именительного падежа или инфинитива.

Не все простые, завершённые по смыслу предложения имеют в себе бинарные конструкции с предикативными отношениями. Их нет в таких предложениях, семантико-структурная организация которых не предполагает наличия компонента с функцией субъекта-деятеля, субъекта-носителя состояния или компонента с функцией предиката наличия. К таким относятся некоторые виды односоставных предложений: неопределённо-личные (*Почту нам приносят утром*), обобщённо-личные (*В лес дров не возят; Разве уснешь в такой обстановке?*), номинативные предложения (*Ночь. Догорающий костер на берегу речки*).

Подчинительные отношения

Отношения между компонентами бинарной конструкции являются подчинительными, если они (компоненты) соотносятся между собой как конкретизируемый (распространяемый) и конкретизирующий (распространяющий), при этом конкретизирующий компонент по смыслу и грамматически зависит от конкретизируемого. Такие отношения проистекают из способности знаменательных слов распространяться знаменательными словоформами и знаменательными неизменяемыми словами. Подчинительные отношения лежат в основе образования словосочетаний, один компонент которых (конкретизируемый) по смыслу и грамматически является главным, другой (конкретизирующий) — по смыслу и грамматически подчиненным:

большое ^х поле, ^х часы с кукушкой, журча^хние ручейка, закат^хиться под стол, очень глубо^хкий, при^хйти посоветоваться, наж^хать на кнопку, при^хютить беженцев.

Подчинительные отношения между компонентами словосочетаний оформляются подчинительной связью при помощи окончания зависимого компонента, окончания и предлога, только предлога,

постпозиции зависимого компонента. Таким образом, формальные показатели зависимости подчиненного компонента от главного располагаются в зависимом компоненте. Существуют три вида подчинительной связи слов в словосочетаниях: согласование (*белый платок, отдыхающее поле, наша команда, второй вагон*), управление (*заметить ошибку, серый от пыли, двое из студентов, прощание с друзьями*), примыкание (*говорить шепотом, прийти узнать, бежать быстрее, его приезд, брюки клеи*).

Предложение *Кто-то яростно бросал в стекла окон горсти мелкого снега* (Куприн) содержит в себе следующие бинарные конструкции с подчинительными отношениями между компонентами: *яростно бросал, бросал в стекла, в стекла окон, бросал горсти снега, мелкого снега*. Это простые синтаксически членимые словосочетания, их семантической и формальной организациям свойственна односторонняя зависимость распространяющих компонентов от распространяемых.

Подчинительные отношения между компонентами словосочетания влияют на конструктивные роли компонентов внутри словосочетания: назначение главного компонента (слова, устойчивого сочетания, фразеологизма) заключается в том, чтобы назвать предмет, действие, признак, состояние, отношение; это категориально-семантические значения знаменательных слов. Назначение зависимого компонента (как правило, словоформы) — конкретизировать названный главным компонентом предмет, действие, признак и т.п. синтаксическим значением признака или синтаксическим значением объекта:

овальное ^х зеркало, чёрный ^х от копоти, жд^хать пять минут, не сомне^хваться в успехе.

Соотнесение значений, способов выражения и грамматических форм главных и подчиненных компонентов словосочетаний позволяет определить смысловые отношения между компонентами: определительные, обстоятельственные, объектные и обстоятельственно-объектные (это те же логико-грамматические отношения только на более низком уровне языковой абстракции). Смысловым отношениям между компонентами словосочетаний принадлежит определяющая роль в том, каким именно второстепенным членом окажется в простом предложении зависимый

компонент словосочетания. При определительных отношениях зависимый компонент, характеризуя предмет тем или иным признаком, в предложении является определением (согласованным или несогласованным). От главного компонента к зависимому следует ставить вопросы какой? чей? что за? Например:

большой камень, изну^ряющая жа^ра, моя ра^дость, первая вст^реча, пуговица от пальто, крем для рук, вет^ка черемухи, нож^жка стула, поведение Мити, тоска матери, ее пись^ма, их игра.

При обстоятельственных отношениях зависимый компонент, характеризуя действие, восприятие, признак, состояние каким-либо признаком, в предложении является обстоятельством места, времени, причины, цели, степени, образа действия. От главного компонента к зависимому ставится тот или иной обстоятельственный вопрос:

жить в деревне, уех^ать в институт, позвонить вечером, играть часа два, не работ^ать по случаю праздника, приех^ать для переговоров, измениться до неузнаваемости, ех^ать медленно.

При объектных отношениях зависимый компонент обозначает объект, т.е. то, на что тратится, была или будет затрачена энергия субъекта, что субъект воспринимает органами чувств, что является предметом речи, мысли субъекта:

чинить крышу, покра^сить скамейку, подш^ить занавески, нап^исать письмо; слуш^ать музыку, посмотре^т на нас, заме^тить ошибку, почувство^вать горечь; говор^ить о будущем, обсу^ждение произошедшего, объяс^нить задание, думать о семье.

Зависимый компонент словосочетания, обозначающий объект, в предложении является дополнением, к нему ставятся вопросы косвенных падежей. При обстоятельственно-объектных отношениях зависимый компонент словосочетания в предложении является синкретичным второстепенным членом, совмещающим в себе два равноценных синтаксических значения — признака действия по месту и объекта сближения, соприкосновения, прикрепления, отделения, выпадения. В предложении такой второстепенный член одновременно является обстоятельством места и дополнением, к нему ставятся обстоятельственные вопросы где? куда? откуда? и объектные — на что? во что? к чему? из чего? Например:

разлож^ить на столе, вмонти^ровать в люстру, подплы^т к барже, упас^ть на подушку, прикре^пить на двери, прикле^ить на лобовое стекло, соч^иться из пальца, выпас^ть из сумки.

Отношения свободного распространения

На пароходе я чувствовал себя вполне сносно. (Чехов).

В этом предложении есть бинарная конструкция, образованная неомогенными компонентами: один из них — субъектно-предикатное сочетание в роли основообразующего ядра предложения, обозначающее реальное в прошлом состояние лица (*я чувствовал себя сносно*), другой — свободная предложно-падежная словоформа со значением места в роли приосновного распространителя (*на пароходе*). Эта предложно-падежная словоформа является свободной, так как ее конструктивно-семантическое значение места и грамматическая форма свободны от влияния предложения, в котором оно употреблена. Данная словоформа выражает значение места в любом контексте. Изменяться может ее функция в предложении, что зависит от того, с каким компонентом сочетается свободная словоформа и какие логико-грамматические отношения с ним она формирует, но конструктивно-семантическое значение места словоформы *на пароходе* остается неизменным:

На пароходе суматоха (субъект предикативного проявления);

Он оказался на пароходе (именная часть составного сказуемого);

Мы заметили это еще на пароходе (присловный распространитель: обстоятельство места);

Люди на пароходе были разные (присловный распространитель: несогласованное определение) (см.: [Золотова 1973: 69 — 94]).

В изолированном предложении приосновный распространитель, как правило, располагается в самом начале предложения. Синтаксическая связь, оформляющая отношения свободного распространения, называется смысловой координацией, характеризующейся смысловым соответствием значения свободной словоформы содержанию субъектно-предикатного сочетания или состава сказуемого. «Основное условие, определяющее сочетаемость свободных словоформ с теми или иными типами моделей простых предложений, — синсемичность, смысловое соответствие между семантикой модели и семантикой распространителя» [Там же].

При отношениях свободного распространения распространитель конкретизирует содержание распространяемой семантико-грамматической основы предложения с указанием на то, при каком обусловливающем факте осуществляется или осуществлялось обозначаемое основой событие:

Около костра комаров было меньше. (Солоухин); *К утру* дождь прекратился. (Куприн); *По какой-то причине* вылет нашего самолета был отложен. (Солоухин); *Без тебя* я умер бы. (Куприн); *Для прогулок* он выбирал места потише. (Чехов); *В обществе мужчин* ему было скучно, не по себе. (Чехов).

Обусловленно-результативные отношения

Названные логико-грамматические отношения имеют место в простых предложениях трехчленной страдательной модели:

Дом построен дедом; Дорога размыта дождем; Финал пьесы переработан самим автором.

Такие предложения заключают в себе две бинарные конструкции:

1) субъектно-предикатную, компоненты которой (имя существительное в именительном падеже в роли субъекта предикативного проявления + краткое страдательное причастие прошедшего времени в роли предиката) семантически и грамматически взаимно приспособлены формировать и выражать **предикативные отношения** и обозначать некий реальный результат: **реальное в настоящем времени бытие предмета** (*дом построен*), **реальное в настоящем времени состояние предмета** (*дорога размыта*), **реальный в настоящем времени признак предмета** (*финал переработан*). Содержание результата вытекает из анализа семантической структуры предикативного сочетания;

2) обусловливающе-результативную конструкцию, компоненты которой (субъектно-предикатное сочетание, обозначающее результат) + имя существительное в творительном падеже без предлога в роли каузатора) также взаимно приспособлены формировать и выражать **обусловленно-результативные отношения** и обозначать некий реальный результат, вызванный каузатором — созидавшим лицом (*дом^S построен^P*) дедом^{S-кауз.}; воздействовавшим явлением природы (*дорога^S размыта^P*) дождем^{S-кауз.}; преобразующим действием лица (*финал^S переработан^P*) автором^{S-кауз.}.

Синтаксическая связь, оформляющая обусловленно-результативные отношения между компонентом, обозначающим

результат, и компонентом, выполняющим в бинарной конструкции функцию каузатора, — сопряжение форм взаимообусловленных компонентов без зависимости падежной формы каузатора от предиката.

В рассматриваемых предложениях творительный падеж с функцией каузатора в одних случаях конструктивно обязателен, в других — факультативен. Это зависит от семантики краткого страдательного причастия прошедшего времени. Творительный каузатора обязателен, когда в изолированном предложении информативно актуальны и результат, и обеспечивший его деятель. Отсутствие в таком предложении словоформы в творительном падеже без предлога со значением каузатора делает предложение по смыслу незавершенным:

Костя увлечен, обманут, изобличен, поглощен, покинут, услышан, обескуражен кем? или чем?

Творительный падеж со значением каузатора необязателен, если в изолированном предложении информативно актуальным является только результат:

дом построен, дорога размыта, финал пьесы переработан, кредит возвращен, процесс хорошо описан, стол немного сдвинут, мой отпуск продлен, обед приготовлен.

Мы кратко рассмотрели четыре вида логико-грамматических отношений между компонентами простых неосложненных предложений, формирующих смысловое и грамматическое основание таких предложений. В простых осложненных предложениях, кроме интонационного, семантического и структурного усложнения, также имеет место усложнение их логико-грамматической организации.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н.Д. Синтаксис // Общее языкознание: Внутренняя структура языка. — М., 1972.

Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. — М., 1973.

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. — М., 1982.

Золотова Г.А. Синтаксический словарь. — М., 1988.

Поспелов Н.С. О некоторых синтаксических категориях // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. — М., 1969.

Шведова Н.Ю. Детерминирующий объект и детерминирующие обстоятельства как самостоятельные распространители предложения // Вопросы языкознания. — 1964. — № 6.

А.В. ЗЕЛЕНИН

Тампере
(Финляндия)

Д.В. РУДНЕВ

Санкт-Петербург

*Соревнование: от прошлого к настоящему**

Рассматриваются четыре этапа языковой жизни однокоренных слов *рвение*, *ревность*, *ревновать*, *соревновать*, *соревнование*, *соревноваться* в русском языке на протяжении тысячелетней истории: калькирование значений слова в древнерусском языке с греческих прототипов; изменение значения слов и появление новой сочетаемости в XVIII в., отражающей языковые связи с европейскими языками для выражения новых идей и понятий; трансформация значений слов в советское время и утрата некоторых этимологических связей; употребление слова *соревнование* в современном молодежном сленге.

Ключевые слова: семантика; калькирование; сочетаемость; политизация лексики; молодежный сленг; словообразование; англоамериканское влияние.

Слово *соревнование* — довольно молодое в русском языке слово, но на протяжении своей еще недолгой истории претерпевшее удивительные языковые изменения. Длительное время оно оставалось в «этимологических объятиях» своих «собратьев» — слов *ревность*, *рвение*, *ревновать*, также церковнославянизмов, и находилось на периферии лексической системы. Его «освобождение» совершилось очень поздно, только во второй половине XIX — начале XX в.

У слов *соревнование*, *соревноваться* (с общеславянской по происхождению основной) церковнославянский этимон: существительные *ръвньность* (*ревность*), *ръвньне* (*рвение*), глагол *ръвновати*. В старославянских текстах *ръвньность* обозначала и 'усердие' (калька с греч. ζήλος 'соперничество, стремление'), и 'зависть' (калька

с греч. βασκανία, φθόνος 'зависть, ревность') [Старославянский словарь 1994: 225, 587]. Такое объединение в структуре одного слова разных значений — наследие древнегреческого языка, в котором существовал целый ряд лексем, реализовавших эти значения в зависимости от контекста и обозначавших то зависть, то стремление, то усердие. Более того, в древнегреческой философии эти понятия объединялись внутри этической категории ἐρις 'стремление к совершенству, мастерству; здоровая амбиция' и составляли одну из важных тем для философствования (в частности, у Аристотеля). Это обусловлено присущим древнегреческой культуре агональным (соревновательным) началом в политике, военном искусстве, вообще в жизни городов (полисов).

Глагол *ръвновати* в старославянских текстах, судя по данным словарей, сохранял те же значения, что и существительное *ръвньность*: 1) стараться, стремиться, 2) завидовать (см.: [Там же: 587]). Однако доминирующим в церковно-богослужебных книгах было все же значение не человеческой (обыденной, бытовой) зависти, а стремления достичь морально-нравственных высот; ср. старославянское и древнерусское *ръвнитель* (ревнитель) 'ревностный защитник, поборник' [Там же].

* Статья публикуется в рамках проекта «Патриотическое воспитание и формирование гражданской идентичности на уроках русского языка и словесности».

Зеленин Александр Васильевич, доктор филол. наук, лектор Университета Тампере.

E-mail: Aleksandr.Zelenin@staff.uta.fi

Руднев Дмитрий Владимирович, доктор филол. наук, доцент СПбГУ.

E-mail: rudnev@mail.ru

Собственно русскими, возникшими в монастырской среде, следует считать слова **сървьвнители** (соревнители) 'сподвижник, сотрудник', **сървьвность** (соревность, с XVI в.)¹ 'соперничество' [Срезневский 1912: 3, стлб. 817–818]; таких новообразований в старославянских текстах не было. Появление новых слов с префиксом коллективности, совместности *съ-* (*co-*) вызвано потребностью отразить братский монашеский труд. Значения, отмеченные в древнерусском глаголе *рьвьновати*, укладываются в рамки указанных значений в старославянском; в СРЯ XI–XVII перечислены следующие значения: 'подражать кому-либо', 'следовать примеру', 'стремиться достичь чего-либо', 'кроме того', 'ссориться', 'завидовать', 'враждовать' [СРЯ XI–XVII, 22: 129].

Новая история церковнославянских слов началась в XVIII в. и была ознаменована появлением однокоренных с префиксом *съ-* (*co-*): *сървновать*, *сървнование*, *сървнователь*, *сървнитель*, *сървнительница* [САР 1789: 5, стлб. 110–111]. По форме они похожи на прежние лексемы (с корнем *ревн-*), однако их появление в русском языке обусловлено иными причинами. Ср.:

Незаятые граждане, находящие в том пропитание и выгоды свои или не имевшие прежде довольного упражнения, поспешают *сървновать* друг другу своими способностями. (Новиков, О торговле вообще, 1783) [НКРЯ]; Князь Григорий Александрович Потемкин, будучи всемогущ и своеволен, натурально не любил своих *сървнователей*. (Записки Г.С. Винского, 89 // СРЯ XVIII, 4: 145).

В этих примерах очевидно просвечивает центральное значение группы лексических новообразований конца XVIII в., вокруг которого и формировался понятийный и словесный ряд — идея соперничества, состязательности, амбициозности, честолюбия в достижении целей. За всем этим стоят новые для России идеи, пришедшие с Запада и требовавшие языковой номинации.

В чем же причины появления группы слов с начальным компонентом приставкой *съ-* (*co-*)? По нашему мнению, речь следует вести о лексико-словообразовательных калках с европейских языков, например с немецкого:

сървьновати (*сървьновати*) < нем. *wetteifern* 'соперничать, конкурировать, состязаться, тягаться', *nacheifern* 'брать с кого-л. пример, равняться на кого-л.';

сървнование < *Wetteiferung*, *Nacheiferung*;

сървнователь < *Wetteifer*, *Nacheifer*;

сървновательница < *Wetteiferin*, *Nacheiferin*.

По крайней мере, именно такие лексические параллели русским словам приводят двуязычные словари той эпохи [Pavlovskij 1859: 328; Swätnoi 1835: 300]. Выбор данных немецких слов для передачи значения соперничества, достижения лучших результатов в каком-л. деле, нравственном поведении неслучаен: корень *eifern* содержит идею усердия, рвения, пыла, азарта в достижении цели [Pfeifer 2003: 265], что семантически точно соответствовало корню славянских слов *ревность* / *рвение*.

Другим источником русских слов *сървнование*, *сървнователь* были французские слова *émulation*, *émulateur*, *émule*. Ср.:

émulateur — *сподвижник, сорвнитель, ревнитель к славе другого*;

émulation — *ревнование* [Французский лексикон 1786, 1: 395].

Французские слова *rival*, *rivalité* в XVIII в. переводились иным образом, ср.:

rival — *соискатель, потребователь чего-нибудь, соперник*; **rivalité** — *солюбовничество, совместничество*.

В слове *émulation* заключена идея благородной цели соперничества. Ср.:

EMULATION — «род зависти, которая побуждает сравняться с кем-либо или превзойти кого-либо в чем-либо похвальном» (*espèce de jalousie qui excite à éгалer ou à surpasser quelqu'un en quelque chose de louable. Noble, belle émulation*) [Dictionnaire 1765: 1, 429].

Новое, европейское, калькированное значение глагола *сървновать* попало уже в САР 1789:

СОРЕВНУЮ. Завидуя славе, делам другого, стараюсь сравниться или превзойти в оных [САР 1789, 5: стлб. 110].

САР 1847 смягчил толкование глагола, убрав из него психологическую мотивацию действия (зависть), выраженного данным глаголом, и акцентировав идею дружеской состязательности, соперничества в общем усердии, рвении (=ревности):

¹ Правда, одна цитата в словаре Срезневского еще не дает твердых доказательств в подтверждение такого значения в древнерусском языке.

СОРЕВНОВАТЬ. Вместе с другими ревностно подвизаться в чем-либо, не отставать от други(х; в словаре — другим. А.З., Д. Р.) в ревности к какому-либо делу. *Эти два воспитанника соревнуют друг другу в успехах и в поведении* [САР 1847: 4, 188].

Итак, хотя новые лексемы в русском языке XVIII в. связаны с церковнославянскими по своему происхождению, но, по сути, были свободны от церковно-религиозных ассоциаций и потому могли употребляться в разных жанрах: и в публицистике, и в поэзии, и в личной переписке, дневниковых записях. Например:

Сие ристалище отличий, / *Соревнование* честей — / Источник и творец величий, / И обожения людей. (Державин. Горелки, 1793); Зависть — сестра *соревнования*, след.[ственно] из хорошего рода. (Пушкин. Записная книжка, предположительно 1831) // Пушкин 1855, 1: 288]; Я служил два года с отличной ревностью, за что и удостоился повышения в чине. Расспроси Киреевского о моих служебных подвигах: я уверен, что это воспламенит тебя благодарным *соревнованием*. (Письмо Е. Боратынского Н. Языкову, 21 сент. 1831. // Боратынский 2001: 100).

В современном языковом сознании слова *ревновать* — *соревновать*, *соревнование* — *ревность*, *рвение* уже разошлись в значениях (кроме церковно-религиозного стиля), однако в языке в XIX в. еще сохранялась живая этимологическая связь между ними:

РЕВНОВАТЬ (от *рвать* и *рвение*) (чего?), поревновать, потщиться всеми силами, с рвением стремиться к чему [Даль 1956, 4: 88].

В первой трети XX в. эта связь стала утрачиваться. Именно живое использование церковных книг до 1917 г. в повседневном обиходе поддерживали этимологическую связь слов.

Устранение религиозно-богослужебного стиля после социалистической революции способствовало размыванию этимологического родства слов. Первый словарь советской эпохи отражает это затухание. Ср.:

РЕВНОВАТЬ. ... 3. *о чем.* Проявлять заботу, стараться о пользе, устройстве чего-н. (старин.);

РЕВНОСТЬ. ... 3. Усердие, старательность, рвение (книжн. устар.) [СУ 1939, 3: стлб. 1310].

Слово *соревнование* приведено только в связанном виде (как термин)

социалистическое соревнование, дан также «спортивный» вариант значения (употребления) ‘состязание’.

Таким образом, этимологическая связь лексем *ревность*, *рвение*, *соревнование* оказалась почти разъятой.

Изменение семантики глагола *соревновать* и производного от него существительного *соревнование* находило отражение в преобразовании их сочетаемых свойств. Пожалуй, особенно ярко это проявлялось у глагола *соревновать* (язык еще не знал современного *соревноваться*), сочетаемость которого на протяжении XVIII — XIX вв. отличалась большой вариативностью.

Длительное время наиболее распространенной была сочетаемость *соревновать кому-л. / чему-л. в чем-л.* или *друг другу в чем-л.* Например:

Каждая наша армия *соревновала* другой в славе, и восхитительно было смотреть на целые ряды храбрых, стремившихся пожинать лавры бессмертия. (Северная Почта. — № 87. — 29 октября 1813 г.); Исправник и судья тоже стали похрапывать негромко, но зато постоянно и как бы *соревнуя* друг другу. (А.Ф. Писемский. Тысяча душ, 1858).

Такая сочетаемость указана в качестве нормативной в Словаре Академии Российской (*соревную кому в чем*) [САР 1789, 5: 110; САР 1847, 4: 188]. Повидимому, в первую очередь она определялась особенностями употребления глагола *ревновать* в древнерусском языке; ср.:

И не рвьнуите съмрьти въ прѣльсти жизни вашея... (Изборник Святослава, 1073 г., 523 // СРЯ XI–XVII 1997, 22: 129).

К XVIII в. этот глагол изменил свое управление на предложное (*ревновать к кому-л.*).

В течение XIX в. происходит активное распространение употребления с группами *с + Тв. п.*, *друг с другом*, *между собой*, *друг перед другом*, которые подчеркивали сему борьбы, противодействия другому участнику ситуации. Например:

От того все, генералы и солдаты, *соревновали* друг перед другом; каждая победа и неудача относились ко всем, а не к одному народу. (А.И. Михайловский-Данилевский. Описание войны 1813 года. — СПб., 1840. — Ч. 1. — С. 296); Русские войска *соревновали* между собою в усердии; артиллерия делала чудеса...

(Военные действия отряда генерал-адъютанта Чернышева в 1812, 1813 и 1814-м годах. — СПб., 1843. — С. 42).

Первые случаи употребления группы *с + Тв. п.* в сочетании с глаголом *сравнивать* относятся к концу XVIII в.:

Но она, *сравнивая* с ними в торговле, тем более достает своим трудолюбием [Ежегодное приращение золота и серебра в Европе // Магазин общепользных знаний и изобретений с присовокуплением модного журнала, раскрашенных рисунков, и музыкальных нот. Часть первая. С Января до Июня, 1795].

Сема «достижение общей цели» способствовала употреблению с *Д. п.* без предлога, который связан с выражением либо объекта эмоционального отношения (ср. *радоваться*, *веселиться*), либо, возможно, предназначительного (дестинативного) значения (*к + Д. п.*; ср.: *стремиться к чему-л.*), в то время как сема «соперничество» подталкивала к употреблению форм типа *с + Тв. п.*, *друг с другом*, *между собой*, которые типичны для глаголов типа *бороться*, *сражаться*, *враждовать*, *соперничать* и др. В отличие от глаголов типа *бороться*, *сражаться* глагол *сравнивать* мог сочетаться также с группой *друг перед другом*. Это сближало его с другой группой глаголов, в которых подчеркивается не столько взаимное противостояние, сколько стремление одного из участников превзойти другого в чем-либо. Кроме того, группа *друг перед другом* подчеркивает публичный, открытый характер противостояния соперников. К числу глаголов, способных употребляться с группой *друг перед другом* в XIX в., относились *кичиться*, *отличиться*, *спешить* (+ *Inf.*), *стараться* (+ *Inf.*), *торопиться* (+ *Inf.*), *хвалиться*, *хвастаться*, *щеголять* и др. Например:

Брат с братом жили так дружно, что никогда не расставались, работали вместе и *старались отличиться друг перед другом*. (Ф.М. Решетников. Подлиповцы, 1864).

Менее регулярно употреблялась форма *Тв. п.* без предлога и *о + Пр. п.* Например:

И плуги-то у нас гогенгеймские, и скоты симентальские, и вику-то мы сеем, и табак-то мы разводим, и, *сравнивая* о народном образовании, «хозяйственные беседы» для народа на земский счет издаем. (А.Н. Энгельгардт. Письма из деревни (1872–1887 гг.). Письмо седьмое, 1878).

В XVIII в. значительно расширился сочетаемостный потенциал глагола *сравнивать*, что вызвано в первую очередь синтаксическим калькированием. Ср:

сравнивать кому-л. — нем. *wetteifern nach eifern (einem)*;

сравнивать друг другу, между собой, друг с другом — нем. *unter ein ander wetteifer*;

сравнивать с (+ Тв.) — нем. *wetteifern mit*;

сравнивать о чем? — нем. *wetteifern um* [Pavlovskij 1859: 329].

Изменения в семантике слов *сравнивать*, *сравнение* затронули и синонимические связи; в них постепенно ослабевало указание на религиозно-нравственный характер помыслов и поступков человека. Слово *сравнение* в течение XIX в. вступает в синонимические отношения со словами *соперничество*, *совместничество*, а позже *конкуренция*. Например:

Я даже в доме умалишенных вывел наказания, не желая вступать в *сравнение* с безумными, ни побеждать их в нелепости. (А.И. Герцен. Доктор Крупов, 1846).

Слово *сравнение* было шире по значению другого слова, появившегося в русском языке в 1840-е гг., — *конкуренция*, заимствования из французского *concurrence* и немецкого *Konkurrenz*. Слово *конкуренция* означало экономическое понятие и в этом смысле могло быть частичным синонимом слову *сравнение*:

Конкуренция, соперничество или состязанье в торговле и промыслах, соискательство, соревнованье [Даль 1956, 2: 151].

Некоторое время этот иноязычный термин использовался наравне с русским синонимом *совместничество*, однако уже в 1860–1870-е гг. происходит прояснение значения синонимов и закрепление слова *конкуренция* в торгово-экономической сфере [Сорокин 1965: 93–94], что связано с развитием капитализма в России и уточнением, специализацией целых групп лексики и терминологизацией слов. Актуализированной эта смысловая связь слов *конкуренция* и *сравнение* оказалась спустя многие десятилетия, в 1930-е гг.

Слова *сравнивать*, *сравниватель* дожили до 1917 г.; последнее, в частности, в сложном наименовании *член-сравниватель* ‘член какого-л. (академического, политического, благотворительного и т.п.) общества, не являющийся полноправным (действительным) членом, но сочувствующий целям общества и поддерживающий его членскими взносами’. Словарь Ушакова снабжает и глагол, и имя существительное *сравниватель* пометой «книжн.[ое] устар.[елое]».

(Окончание см. в следующем номере.)

РУССКИЙ ЯЗЫК В ВУЗАХ

Т.П. ЧЕПКОВА,
А.А. ПОЗДНЯКОВА
Москва

Модуль «Лингвострановедение» в системе обучения иностранных студентов- филологов русскому языку*

При освоении темы «Фразеология как источник лингвострановедческой информации» иностранные учащиеся знакомятся с исторической фразеологией: рассматривают собственно фразеологизмы, пословицы и поговорки с историко-культурным компонентом, в результате чего смогут понять значимость лингвострановедческой информации, которую несет фразеология, для изучения иностранного языка. Так, исторические фразеологизмы *загнать за Можай* — «очень далеко» (загнать кого-либо), *как Мамай прошел* — «полнейший беспорядок, опустошение, разгром», *Мамаево побоище* — «ссора, драка с большим количеством участников», *гнать в три погибели* — «очень сильно притеснять, угнетать», *брить лоб/лбы* — «отдавать в солдаты», *пригвозждать (выставлять) к позорному столбу* — «клеить позором, предавать позору кого-л.», *концы в воду* (спрятать) — «замести следы преступления», *как вкопанный* (стоит) — «неподвижно, замерев на месте», связаны с важнейшими этапами жизни русского государства и, благодаря своей образности, служат ярким иллюстративным материалом событий прошлого.

Некоторые фразеологизмы целесообразно вводить в оборот с помощью мини-текстов объемом 60–80 слов:

Где искать «потёмкинские деревни»?

Выражение «потёмкинские деревни» связано с именем князя Г.А. Потёмкина, государственного деятеля времен императрицы Екатерины II. После присоединения Крыма к России императрица совершила поездку по Новороссии. В недавно глухой местности императрица увидела множество благополучных деревень с новыми

постройками, довольных жителей, хорошо обеспеченные воинские части. Эти достижения удивили не только государыню, но и иностранных послов, которые путешествовали вместе с ней.

По свидетельствам того времени, Потёмкин, чтобы показать процветание вверенного ему края, приказал построить на пути следования императрицы бутафорские селения с расписными избами. Поэтому *потёмкинскими деревнями* стали называть показное, мнимое благополучие. (88 сл.)

Такая подача материала позволяет в доступной форме познакомить иностранцев с фрагментами российской истории и, возможно, объяснить особенности процессов, происходящих в современном обществе.

Для получения иностранными учащимися фоновых знаний полезным оказывается привлечение фразеологизмов (далее — ФЭ) с ономастическим компонентом (антропонимами, топонимами, этнонимами) и демонстрация этапов формирования образного значения таких ФЭ. Так, иностранцам интересно узнать, что выражение *вот тебе, бабушка, и Юрьев день* связано с именем Бориса Годунова (личности, знакомой всем иностранцам), а Юрьев день (день Святого Георгия) — праздник, отмечавшийся 26 ноября по старому стилю. В этот день был разрешен переход крепостных крестьян от одного помещика к другому. Крестьянам такая возможность давала право выбора «хорошего хозяина», и многие этим пользовались. К Юрьеву дню крестьяне завершали сбор урожая, поэтому переход был безболезненным для обеих сторон. Но в 1590 г., при Борисе Годунове, это правило отменили. Именно тогда и появилось выражение *вот тебе, бабушка, и Юрьев день*, означавшее неожиданную напасть, неприятность, разочарование.

* Окончание. Начало см. в журнале «Русский язык в школе». — 2017. — № 9.

Традиции православной культуры, нашедшие отражение в ряде русских фразеологизмов, будут более понятны иностранным учащимся после соответствующего комментирования, и это положительно повлияет на формирование представлений о характере и образе жизни русского народа.

Русская фразеология содержит огромный пласт пословиц и поговорок, выражающих отношение человека к вере и к богу: *Жить — богу служить; Бог не в силе, а в правде; У бога для праведных места много; Человек ходит, бог водит; Бог даст день, даст и пищу; Никто не может, так бог поможет; От людей утаишь, а от бога не утаишь; Бог виноватого найдет; Кто добро творит, тому бог оплатит; Бог труды любит* [Даль 1957]. В ходе анализа пословиц иностранный учащийся понимает, что в служении богу русский человек видел смысл своей жизни, а постулаты православной веры были для него жизненными ориентирами.

О трудовых традициях и влиянии труда на формирование характера русского человека свидетельствуют пословицы: *Без дела жить — только небо коптить; Хочешь есть калачи, так не сиди на печи; Проленился — и хлеба лишился; Кто много лежит, у того и бок болит; Работай до поту, так и поешь в охоту; Труд человека кормит, а лень портит; Чтобы рыбку съесть, надо в воду лезть* [Там же]. Синтаксическая оформленность пословиц делает их понятными для иностранных учащихся, а образность и яркость способствуют усвоению страноведческих знаний. Полезным в этом отношении оказывается и сопоставительный анализ образов ФЕ с «трудовой семантикой». Приведем пример. В Древней Руси одежда была громоздкой, неудобной и, очевидно, сильно мешала людям выполнять определенные трудовые действия. Качество работы в такой одежде было низким, поэтому фразеологизм *работать спустя рукава* получил значение «работать небрежно». В китайском языке также существуют ФЕ, которые связаны с одеждой с длинными рукавами, но они не характеризуют отношение человека к труду: фразеологизм *拂袖而去* (букв. «махнуть рукавом») имеет значение «удалиться в раздражении».

Важным этапом в освоении темы становится изучение «этнической» фразеологии, т.е. той ее части, которая отражает жизнь конкретного народа. Национальные стереотипы накладывают свои отпечатки

на формирование видов и способов фразеологической характеристики человека. Например, для россиян медведь является культовым животным, поскольку ассоциируется с силой и домовитостью, в русском языке часты параллели «медведь — хозяин дома» (ср.: *Хозяин в дому, что медведь в бору*). Это может быть непонятно китайцу, в сознании которого медведь связан с глупостью и невежеством. Например, когда люди занимаются пустой, бесполезной работой, принято употреблять поговорку *熊瞎子掰苞米* (букв. «подслеповатый медведь собирает кукурузу»).

Также учащиеся узнают, что, по аналогии с классификацией лексических единиц, ФЕ возможно классифицировать как эквивалентные (нем. *j-m den Kopf waschen* и рус. *намыливать шею (голову)* кому-л.; нем. *keinen Finger krümmen* и рус. *не ударить пальца о палец*), неполноэквивалентные (рус. *биться как рыба об лед* и польск. *биться как рыба на песке*), безэквивалентные (рус. *бить баклуши, лезть на рожон, с гульки нос*), псевдоэквивалентные (рус. *обвести вокруг пальца* «обмануть» и польск. «женить»). Умение таким образом дифференцировать фразеологический материал и работать с ним представляется очень важным с точки зрения формирования профессиональных навыков будущих переводчиков и преподавателей.

При семантизации неполноэквивалентной и безэквивалентной фразеологии зачастую бывает недостаточно простого перевода или подбора синонима-лексемы: *писать как курица лапой* = писать неразборчиво; *вставлять палки в колеса* = мешать; *бить баклуши* = бездельничать, ничего не делать и др.

В большинстве случаев преподавателю целесообразно обратить внимание учащихся на специфику формирования образа фразеологизма, связанного с обычаями, традициями, историей конкретного народа. Так, различия в плане содержания русской ФЕ *биться как рыба об лед* и польской *биться как рыба на песке* обусловлены особенностями русской зимней подводной рыбалки, когда рыбу ловят на замерзшей реке, проделав во льду отверстие, а поймав рыбу, бросают ее на лед, чтобы она замерзла.

Семантика фразеологизмов *начать с азов*, т.е. с самого начала, с первой буквы алфавита, которая звучала как *аз*; (не знать) *ни аза* — «ничего», позволяет познакомить

иностранных обучаемых с особенностями традиционного русского алфавита.

Как и слова, ФЕ могут быть коннотативно окрашенными. Например, ФЕ *белая ворона, мокрая курица, гусь лапчатый, молоко на губах не обсохло у кого-л., из молодых да ранний, как собак нерезаных, как сельдей в бочке, гроша ломаного не стоит* имеют отрицательную коннотацию. Эту особенность фразеологизов также целесообразно отразить в учебных заданиях, связав, возможно, с шутивным замечанием В.Г. Костомарова: «Превосходить и ругать на Руси не знают меры. И чувство слова всегда преобладает над чувством жеста — психологическое переживание у нас часто важнее действия» [Костомаров 1994: 120].

Небесполезно и знакомство иностранных учащихся с наиболее важными группами составных наименований, характеризующих: 1) условия проживания (*спальный район, коммунальная/отдельная квартира, бытовые условия*); 2) уровень жизни (*прожиточный минимум/уровень, минимальная заработная плата, пенсия по старости, лицо без определенного места жительства — бомж*); 3) семейные отношения (*двоюродная сестра, приемный сын, дальний родственник, внучатый племянник*); 4) события, праздники (*выпускной бал, день открытых дверей, День Победы, День города, День учителя, День воздушно-десантных войск — День ВДВ*) и пр.

Для освоения этой темы учащимся предлагаются лекция на тему «Фразеология как источник лингвострановедческой информации» и 2–3 практических занятия, включающих следующие виды деятельности: 1) подбор фразеологизмов с конкретным словом (*держат язык за зубами, держат в ежовых рукавицах, держат порох сухим, держат ухо востро*); 2) подбор фразеологизмов со словом конкретной части речи (например, существительным-соматизмом: *опустить руки, задирать нос, наступить на ногу, пускать пыль в глаза*); 3) подбор фразеологизмов определенной структуры (например, со сравнительным союзом *как*: *как снег на голову, как две капли воды, как в воду опущенный, как грибы после дождя, как на ладони, как по маслу*); 4) подбор фразеологизмов-синонимов или антонимов (*сеять семена раздора, мутить воду, вбивать клинья* — общее их значение: «порождать недоверие, вражду в отношениях между людьми»);

5) подбор фразеологизмов (поговорок) конкретных тематических групп: о добре и зле; о правде и лжи; об отношении к труду, о воспитании детей и т.п. (например, об учении: *Для ученья нет старости; Учиться — всегда пригодится; Ученье — свет, неученье — тьма*); 6) нахождение фразеологизмов в текстах, предложенных преподавателем, или определение, из каких произведений взяты фразеологизмы, объяснение их значений; 7) употребление фразеологизмов в речи и построение с ними отдельных предложений; коррекция употребления ФЕ в речи.

Для работы над темой целесообразно отвести 4–8 акад. ч.

Работая над темой «Текст в лингвострановедческом аспекте», учащиеся знакомятся с признаками и категориями текста, выделяют критерии оценки содержательного плана страноведческих учебных текстов (страноведческое наполнение, степень исторической адекватности, типичность отражаемых фактов).

Иностранные студенты учатся оценивать тексты с позиции передачи в них информации, различать и комментировать прагматичные и проективные тексты, что особенно важно для формирования профессиональной компетенции филолога, будущего преподавателя РКИ. Иностранный студент должен понимать, что прагматичный текст, информация в котором передается прямо, точно и недвусмысленно и не нуждается в дополнительном комментировании, существенным образом отличается от проективного, который построен на косвенных, т.е. близких или смежных явлениях и фактах, их причинно-следственных связях. Очень полезными в этом отношении оказываются упражнения на сопоставление мини-текстов: 1) прагматичный — проективный, 2) прагматичный — проективный (расширенный). Например:

1) Весь последний месяц Иван рисовал птиц. На страницах его блокнота красовались воробьи, вороны, ласточки, скворцы. Сегодня с раннего утра он ждал грачей. Наконец *грачи прилетели* и уселись на вспаханную землю.

2) Зима долго не хотела уходить с завоеванных территорий. Солнце почти не выходило. *Грачи* в этом году *прилетели* поздно.

В первом контексте фраза *грачи прилетели* выражает лишь факт прилета грачей

на пашню, во втором — несомненна связь прилета грачей с наступлением весны, поэтому подтекстом такой фразы будет: *Весна наступила поздно*.

В ходе выполнения подобных упражнений иностранный учащийся понимает, что намерения говорящего в проективных текстах выходят за рамки прямого сообщения, смысл высказывания часто передается через подтекст, который можно понять, лишь основываясь на различных ассоциативных связях. Основу подтекста составляет внутренних, скрытый смысл какого-либо текста. Для чтения проективных текстов необходимо затрачивать определенные усилия. К проективным текстам относится и разговорная речь, вызывающая особые затруднения у иностранцев.

Иногда фраза содержит информацию, которая может стать доступной лишь при условии, что человек владеет конкретными страноведческими знаниями, опытом, знаком с историей России.

В связи с этим особую важность приобретает лингвострановедческий анализ художественного текста, направленный на извлечение из ткани произведения страноведчески важной информации, которая позволит учащемуся, с одной стороны, глубже понять читаемый текст, а с другой — сформировать фоновые знания о стране изучаемого языка.

Для этого в методический аппарат анализируемого текста включаются элементы лингвострановедческого анализа: 1) предтекстовые справки, рассказывающие о писателе, о времени, когда было написано произведение, и о времени действия, которое в нем описывается; 2) предтекстовые задания, нацеленные на понимание читаемого; 3) послетекстовые задания, нацеленные на восприятие прочитанного.

Предтекстовые справки-комментарии настраивают учащегося на извлечение страноведческой информации. Не познакомившись с ними, иностранец лишь поверхностно воспримет содержание произведения, и тогда его социальный фон, замысел автора останутся за пределами сознания иностранного читателя.

Предтекстовые задания, включающие языковые единицы, которые являются семантическим стержнем произведения, а также слова и словосочетания с национально-культурной семантикой, помогают разобраться в структуре текста и понять его смысл. Например, при чтении произведений

И.А. Бунина целесообразно давать задания на подбор современных синонимов к устаревшим словам (*торги* — *аукцион*, *ланы* — *щеки*, *очи* — *глаза*), определение значений устаревших слов (*горница* (устар.) — чистая половина крестьянской избы; *светлица* (устар.) — светлая, нарядная комната в доме), определение производных устаревших слов (*светлица* — *светлый*, *приживал* — *приживать*) и т.д.

В ходе выполнения подобных предтекстовых заданий студенты учатся не только обращать внимание на лингвострановедческие объекты, но и извлекать из них значимую информацию, что в конечном итоге способствует пониманию замысла автора и идейного содержания произведения.

Послетекстовые задания, адресованные иностранным учащимся, предполагают вторичную семантизацию ранее введенных языковых единиц с национально-культурной семантикой, и главным здесь является восприятие художественного произведения, с одной стороны, и углубление фоновых знаний иностранцев — с другой. Для этой цели можно предложить студентам «нестандартные» задания: например, на сравнение реалий, восстанавливающих в последнее десятилетие утраченные номинации (*трактир* — «заведение общественного питания», *лавка* — «мелкая торговля» и под.); на анализ ситуативных характеристик; языковых средств, которые для этого используются; на выявление подтекста.

В ходе лингвострановедческой работы учащиеся обращают внимание на языковые компоненты, менее актуальные для традиционной практики анализа художественного произведения. Так, анализируя диалог постояльца гостиницы и ее работника (И. Соколов-Микитов. «Свидание с детством»), учащиеся понимают, что суффикс *-чик/-ик-*: *самоварчик*, *графинчик*, *калачик* — не только придает словам уменьшительно-ласкательное значение, но и играет важную роль в установлении контакта между говорящими, причем в речи работника гостиницы данный суффикс служит средством выражения уважительного отношения служащего к приехавшему постояльцу.

Социальные роли говорящих, их постоянно меняющийся статус можно проследить на примерах употребления форм обращения. Известно, что формы обращения являются ярким и наиболее употребительным знаком речевого этикета.

Они называют профессию или социальную роль человека, определяют признаки возраста и пола, родства и дружества, указывают на то, чем занят человек в данное время, выражают социальное отношение к собеседнику. Так, в армии сохранилось обращение: «*Товарищ полковник!*» В транспорте можно услышать: «*Граждане пассажиры!*» На шоссе один из водителей может обратиться к другому: «*Помоги, друг*» и т.п.

Причем изменение социальной ориентации в позиции говорящего сразу сказывается и на формах обращения. В рассказе В. Белова «Вовка-сатюк» бабушка только что проснувшегося семилетнего внука называет ангелом: *Что, ангели, выспался?* Если же ей нужна его помощь, она обращается к нему как к взрослому: *Ну-ко, Владимир... полезай да поищи... гнездо-то.* Испугавшегося темноты внука бабушка подбадривает: *Тут я, Вова, тут!* А когда ей надо подчеркнуть, что он уже большой и стыдно ему не слушаться, она выбирает другую форму: *Да что ты, батюшко!..* [Позднякова, Крючкова 2001: 75].

Таким образом, особенность лингвострановедческого анализа состоит в том, что с его помощью можно научить иностранных студентов извлекать из элементов текста или языковых единиц национально-культурную семантику. Кроме этого, он способствует более глубокому восприятию художественного текста, а также формирует фоновые знания учащихся. Этот анализ, однако, должен органично вписываться в систему комплексного грамматического, лексико-семантического или стилистического анализа художественного текста, дополняя его.

Лингвострановедческий анализ актуален как при чтении текстов художественной литературы, так и при работе с материалами СМИ. Язык газеты представляет для учащегося значительные трудности с позиций лингвострановедения, так как описывает реалии русской жизни, различные исторические факты, события, явления и т.п. Кроме этого, язык газеты отличается особой сложностью, эмоциональностью, полемичностью. Он включает большое количество безэквивалентной, неполноэквивалентной, коннотативно окрашенной лексики, специфических суффиксов, клишированных фраз, фольклорных элементов. В газетных статьях часто употребляются имена собственные, географические названия, даты — все, что требует от

учащегося дополнительных затрат при восприятии и понимании информации текста.

Нередко иностранным студентам бывает сложно понять газетные заголовки, поскольку они содержат собой модифицированные пословицы, поговорки, афоризмы: *Зерно по осени считаем; Умом Россия не обижена* и под. Заголовки содержат односоставные предложения, что представляет собой грамматический феномен русской культуры. Понимание их смысла невозможно без комментирования: *Аршином землю не измерить, Времена не выбирают, Комбинации вокруг комбата* и др.

Работа с газетой, с одной стороны, чрезвычайно важна, а с другой — нуждается в использовании всего арсенала лингвострановедческого комментария.

Для освоения этой темы модуля учащимся предлагаются лекция на тему «Текст в лингвострановедческом аспекте» и 2–3 практических занятия. В целом на тему целесообразно отвести 4–8 акад. ч.

В ходе изучения темы «**Речевое поведение и речевой этикет**» иностранные учащиеся знакомятся не столько с ситуациями общения, сколько с отражением в этих ситуациях ментальных характеристик народа. В связи с этим ответ на вопрос: «Почему происходит/делаю/получается именно так?» — должен найти отражение в содержании дидактических материалов, а наличие причинно-следственной связи должно восстанавливаться учащимися из контекста. Так, фразеологизм *скатертью дорога* имеет этикетное значение, однако опирается на историческую основу. Известно, что дороги всегда были «бедой» России и ездить по ним было проблематично, поэтому путнику желали ровной и гладкой, как скатерть, дороги. Однако изначально доброжелательное восклицание *Скатертью дорога!* со временем приобрело иронический оттенок.

Важным представляется анализ невербальных компонентов общения, оценка их лингвострановедческого потенциала, тем более что все они имеют вербальное сопровождение: 1) *махнуть рукой, кивнуть головой* — жесты; 2) *стоять с поднятыми вверх руками, сидеть, положив ногу на ногу*, — позы; 3) *раскрывать рот, сжимать губы, сводить брови* — мимика; 4) *стиснуть зубы, нахмурить брови, опустить глаза* — выражения лица.

Являясь частью речевого этикета, невербальные средства общения выступают маркерами национальных стереотипов

поведения человека (этнодетерминированные жесты, позы, мимика и т.п.), но в то же время им могут быть присущи интернациональные черты, общие для многих народов (кивок головы как знак согласия для русского человека, англичанина, чеха, турка, китайца и как знак несогласия для болгарина). Поэтому вводить в систему практических занятий модуля «Лингвострановедение» упражнения на узнавание и употребление невербальных средств является вполне оправданным. Покажем это на примере анализа рассказа В. Шукшина «Экзамен».

После первого прочтения учащиеся могут понять только внешнюю канву повествования: студент-заочник пришел сдавать экзамен по древнерусской литературе и не смог рассказать профессору содержание «Слова о полку Игореве», так как не прочитал произведения. Экзамен закончился тем, что профессор поставил студенту двойку, но подарил ему книгу. Без лингвострановедческого анализа учащиеся не смогут рассказать, как в процессе общения изменялось внутреннее состояние каждого из героев.

Специфика рассказа состоит в том, что В. Шукшин широко использует слова и словосочетания — языковые аналоги невербальных средств общения.

Можно предложить учащимся в один столбик выписать словосочетания, характеризующие поведение профессора, а в другой — поведение студента, и проанализировать их. Учащиеся замечают, что студент волновался, поэтому *билет мелко дрожал в его руках*; ему было стыдно, поэтому *он покраснел*, а потом *побагровел от шеи до лба*, *поднял на профессора грустные глаза*, *опустил голову* и т.д. При этом профессор сердился на студента, негодовал: *хлопнул себя по колену*, *поднялся*, *ходил около доски и фыркал*, *качал головой*, *даже как будто помолодел от злости*, *скрестил на груди руки и изобразил на лице великую досаду*. Иностранные студенты понимают, как постепенно меняется настроение профессора и студента: у профессора — от состояния злости, досады до состояния уважения и удивления поведением студента; у студента — от состояния растерянности, стыда до состояния твердой решимости прочитать книгу [Позднякова, Крючкова 2001: 73–74].

Анализ слов и словосочетаний — аналогов невербальных средств общения — является

лингвострановедческим, однако учащимся необходимо объяснить, что не все невербальные средства общения имеют национальный характер, многие из них интернациональны. Их соотношение с вербальными средствами общения создают тот скрытый подтекст, прочтение которого и помогает понять, что хотел сказать автор своим произведением.

Важным фоновым элементом, с которым учатся работать иностранные студенты, является и язык привычного поведения, т.е. закрепившиеся и функционирующие повседневные нормы поведения: дома, на работе, в транспорте, в общественных местах, на отдыхе.

Язык привычного поведения требует особого внимания в конкретной национальной аудитории: так, для китайской аудитории непонятны многие реалии, связанные с поездкой по железной дороге, для английской — с наземным городским транспортом и т.п.

Язык привычного поведения особо информативен и обладает большой семантической наполненностью: если человек поступает не так, как от него ожидают, то у окружающих могут возникнуть негативные реакции. В связи с этим на занятиях по РКИ необходимо сообщать сведения, касающиеся поведенческих норм новой этнокультуры, используя: 1) специальные учебные тексты страноведческого содержания; 2) учебные диалоги; 3) ролевые игры. Например:

Звуковое письмо по теме «Город»

Задание: напишите письмо родным или друзьям о ваших впечатлениях о городе, в котором вы учитесь. Расскажите, где вы успели побывать, что успели увидеть.

Цель: активизировать запас лексики по теме «Город», развить умение конструировать предложения.

Комментарий: игра проводится в компьютерном классе (или аудиолaborатории). Письмо записывается на диск. Время написания — 5–7 мин. Затем все письма заслушиваются. Учащимся предлагается выбрать самое интересное (с точки зрения содержания) письмо.

Лексический материал: *совершить прогулку (экскурсию) по городу; встать с утра пораньше; бродить по городу; спросить у первого встречного; язык до Киева доведет; в двух шагах (рукой подать); Москва не сразу строилась; с высоты птичьего полета; вся Москва как на ладони; произвести (на кого-л.) неотразимое впечатление; знать Москву как свои пять пальцев; очень*

устал(а), ног не чувствовать; не рассказать в двух словах (см.: [Позднякова, Крючкова 2001: 188–189]).

Готовясь к занятию, преподаватель должен регулярно просматривать имеющиеся лексические минимумы и предлагаемые тексты и специально готовить их для презентации в аудитории. Например, в теме «Транспорт» в различные словники включается до 300 единиц, не считая форм речевого этикета, из них многие требуют лингвострановедческого комментирования: *проездной билет, единый билет, кондуктор, пробка, одностороннее движение* и т.п. [Там же: 77].

Для освоения этой темы модуля учащимся предлагаются лекция на тему «Национально-культурная специфика речевого поведения и русский речевой этикет» и два практических занятия. В целом на тему целесообразно отвести 4–8 акад. ч.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Семантизация языковых единиц с национально-культурным компонентом должна занимать особое место в общей системе лексической работы с иностранными учащимися.

2. Освоение лингвострановедческого модуля положительным образом влияет на формирование общезыковой и профессиональной компетенций иностранных студентов-филологов, поскольку, по меткому замечанию В.Г. Костомарова, «отношение к своей речи как к связующему звену между прошлым и будущим повышает культуру слова, помогает постичь тайны языка» [Костомаров 1994: 5].

3. Глубина фоновых знаний, получаемых иностранными учащимися в ходе работы с лингвострановедческим модулем, напрямую зависит от качества материалов, отбираемых преподавателем,

и интенсивности их введения в учебный процесс.

ЛИТЕРАТУРА

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. — М., 1980.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. — М., 1983.

Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). — М., 2001.

Даль В.И. Пословицы русского народа. — М., 1957.

Костомаров В.Г. Жизнь языка: От вятичей до москвичей. — М., 1994.

Кузнецова Р.А. Изучение иностранных языков в неязыковом вузе. — Казань, 1979.

Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка. Департамент по языковой политике. Страсбург. — М., 2005.

Панаева А.Я. Воспоминания. — М., 1956.

Позднякова А.А., Крючкова Л.С. Лингвострановедение в обучении русскому языку как иностранному // Методика преподавания русского языка как иностранного / Под ред. Л.С. Крючковой. — М., 2001. — С. 60–78, 168–190.

Россия. Большой лингвострановедческий словарь / Под общ. ред. Ю.Е. Прохорова. — М., 2007.

Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. — СПб., 2007.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.И. Ушакова: В 4 т. — М., 1935–1940.

Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. — М., 1986.

Чепкова Т.П., Позднякова А.А. Структура и содержание модулей дисциплины «Фразеология» в аспекте требований ФГОС ВПО // Русский язык в школе. — 2017. — № 3. — С. 60–69.

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО

О.В. НИКИТИН

Москва

Лингвистическое наследие

Д.Н. Кудрявского

(К 150-летию со дня рождения)*

В статье рассматриваются проблемы теории и истории языкознания рубежа XIX–XX вв., получившие развитие в трудах видного лингвиста Д.Н. Кудрявского (1867–1920). Автор обращает особое внимание на обзор научных идей, изложенных в новаторском курсе лекций «Введение в языковедение», их связь с новыми тенденциями в отечественной и мировой науке начала XX в. и подчеркивает их значение для осмысления последующей лингвистической традиции в России. В статье приведены также малоизвестные факты сотрудничества Д.Н. Кудрявского с «Энциклопедическим словарем» Брокгауза и Ефрона.

Ключевые слова: *общее языкознание; научная традиция; компаративистика; логика и форма в языке; психология; ассоциация; прикладная лингвистика.*

Дмитрий Николаевич Кудрявский принадлежал к замечательному поколению русских лингвистов, чьи традиции впитали не только глубокие знания языков и культур разных народов и понимание ценности исторического подхода к науке, но и предвидели становление нового философского языкознания XX в. с его вниманием к разработке грамматической теории новых языков, социологизму и живой, а не письменной и не кодифицированной речи. При том что Д.Н. Кудрявский находился несколько на периферии от научных центров (значительная часть его биографии связана с Дерптским, или Юрьевским, университетом, располагавшимся тогда на западной окраине Российской Империи), его работы стали широко известны, их автор имел авторитет и у столичного круга лингвистов.

Одним из доказательств этого явилось участие Д.Н. Кудрявского в работе над «Энциклопедическим словарем» Брокгауза

и Ефрона, где ученому отводились едва ли не самая ответственная роль: он готовил статьи и обзоры по грамматической терминологии. Среди них такие сложные заметки, как «Подлежащее», «Предлог», «Предложение», «Предложный падеж», «Родительный падеж», «Союз», «Страдательный залог», «Субъект», «Существительное имя», «Управление», «Части предложения и части речи», «Частицы». В этих емких, часто совсем небольших материалах, написанных Д.Н. Кудрявским в русле классической индоевропейистики, видна недюженная сила его лингвистического таланта и отличные знания древних языков. По сути дела, многие статьи Д.Н. Кудрявского для этого издания — мини-исследования традиции того или иного языковедческого явления, истории его бытования в разные эпохи и эволюции в процессе исторического развития.

Самым известным лингвистическим трудом ученого, не потерявшим своей научно-педагогической ценности, стал учебник «Введение в языкознание» (1912), изданный дважды и получивший широкую известность уже в его время. Эту книгу автор посвятил своей жене Александре Алексеевне Шалиной (Кудрявской).

Отечественная наука рубежа XIX–XX столетий находилась на перекрестке традиций, негласно «соребновавшихся» одна с другой: неограмматические тенденции

* Статья публикуется в рамках проекта «Патриотическое воспитание и формирование гражданской идентичности на уроках русского языка и словесности».

Никитин Олег Викторович, доктор филол. наук, профессор Московского государственного областного университета.

E-mail: olnikitin@yandex.ru

в языке с их интересом к структуре современного речеповедения уже наступали на пятки Фортунатовской школе с ее крепкими историческими корнями, индоевропеистикой, публикациями памятников письменности и т.д. Но и в Московской лингвистической школе этот переход чувствовали передовые умы науки, обратившиеся в 1910-х гг. к анализу интонации и грамматики (А.М. Пешковский), изучению системы синтаксических явлений и введению вузовского курса современного русского литературного языка (А.А. Шахматов). Правда, актуальным новым потребностям времени введения в такой курс практически не было, за исключением книги профессора В.К. Поржезинского «Введение в языковедение», выдержавшей с 1907 по 1916 г. четыре издания и написанной, хотя и оригинально, но под сильным влиянием «научных идеалов» учителя — академика Ф.Ф. Фортунатова. В ней обозначены ключевые разделы курса: предмет языкознания; сведения из истории данной науки (в 4-м издании с замечательными портретами лингвистов); отдельная глава посвящена генеалогической классификации языков с приложением карт и пособий; после нее шел раздел о неиндоевропейских языках; потом автор описывал физиологию звуков речи, сообщал об ударе и «психических ассоциациях»; он подошел к проблемам «отдельных слов языка», «формы в языке» и «формальных классов слов» и здесь же дал обзор морфологической классификации языков. Отдельную главу В.К. Поржезинский посвятил словосочетанию и предложению; сказал также об изменениях «фактов языка» — о значениях слов в бодуэновском ключе, об утратах слов и возникновении новых лексем, о «распадении языка на наречия». Наконец, завершил книгу актуальным в то время вопросом о происхождении языка и об искусственных языках [Поржезинский 1916].

Учебник Д.Н. Кудрявского менее традиционен. Его автор не являлся непосредственным воспитанником Ф.Ф. Фортунатова, как В.К. Поржезинский, и принадлежал к другой ветви отечественного языкознания, хотя, безусловно, возвращался в период расцвета компаративистики. Поэтому в «Предисловии» автор обозначил главную идею своего труда так:

Не гоняся за подробностями и ограничивая историю языкознания лишь самым необходимым, в своем изложении я старался представить по возможности цельный и связный облик современного (разрядка наша. — О.Н.) языкознания» [Кудрявский 1912: V].

Обратим внимание, что в заглавии книги и далее в тексте он употребил привычный нам термин *языкознание* в противоположность В.К. Поржезинскому, использовавшему понятие и термин фортунатовской школы *языковедение*. Свой курс он назвал «лингвистической пропедевтикой», т.е. подготовкой для освоения сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков. В то же время Д.Н. Кудрявский считал, что «самые общие вопросы языкознания имеют и общеобразовательное значение» [Там же: 1]. Педагогическая сторона проблема для автора очень важна:

Чем глубже преподаватель будет вдумываться в явления языка, тем яснее будет видеть и понимать систему (разрядка наша. — О.Н.) движущих язык сил, тем плодотворнее будет его педагогическая деятельность [Там же: 7].

Д.Н. Кудрявский обратил внимание и на еще одну сторону предмета — общую, философскую — «орудие мысли», обобщение опыта прошлого. Понятно, что основной «крен» в учебнике идет в сторону описательной, а не исторической стороны языка, и логики его процессов, которые можно объяснить с синхронической точки зрения.

Разнится с трактовкой В.К. Поржезинского и определение главного понятия данной дисциплины — *языка*. Если у последнего под ним понималась «совокупность таких знаков наших мыслей и чувств, которые доступны внешнему восприятию и которые мы можем обнаруживать, воспроизводить по нашей воле» [Поржезинский 1916: 7], то у Д.Н. Кудрявского это понятие объединяют несколько компонентов: язык отдельного человека, писателя; язык народа; человеческий язык вообще; язык жестов [Кудрявский 1912: 12–13]. Если у В.К. Поржезинского в начале работы опять идет традиционное для компаративистики размышление о границах «общей лингвистики» и филологии [Поржезинский 1916: 9], а основным методом является сравнительный [Там

же: 11], то Д.Н. Кудрявский утверждал иные приоритеты: преодолевал предрассудки старой школы, одним из которых было обяснение явлений языка логикой. Здесь интересны некоторые тезисы ученого. Приведем их:

Прежде всего нужно обратить внимание на то, что язык *звуками* выражает наши мысли, а логика рассматривает форму мысли независимо от ее звукового выражения. Правда, наши мысли всегда по необходимости облекаются в форму слова, но на эту форму логика смотрит как на неизбежное зло, и ею вовсе не занимается. Сказать ли «трава зеленеет»[,] или «трава имеет зеленый цвет», или «трава — зелена», — для логики в этих трех предложениях нет никакой разницы: все они одинаково соединяют представление «травы» с представлением «зеленого цвета». Но наука о языке к этому относится совершенно иначе. То, что для логики — безразлично, то для языкознания — крайне важно. Если логика в этих трех предложениях находит только одно суждение, то языкознание не может их отождествлять, именно потому, что словесная форма их различна [Кудрявский 1912: 22].

Иначе говоря, автор подчеркивал, что формальная сторона мысли, которой интересуется логика, есть и в языке, но логическая форма мысли не совпадает с языковой.

Здесь впервые так четко именно с методологической точки зрения разводятся термины *язык* и *речь*, *слово* и *понятие*, *предложение* и *суждение* [Там же: 22 и далее]:

Например, суждение «дождь бывает при западном ветре» может быть выражено и двумя предложениями «дождь бывает тогда, когда ветер дует с запада». Некоторые виды суждений даже трудно выразить одним предложением: таковы суждения гипотетические, или условные и разделительные. Гипотетические суждения обыкновенно выражаются условными периодами, следовательно, соединением двух предложений — главного и придаточного условного [Там же: 24].

Ситуация непонимания или отождествления частей предложения и элементов суждения сохранялась в высшей школе тех лет, в ее традициях велось и преподавание русского языка в гимназиях. Автор категорически выступает против этого подхода:

...даже грамматическое подлежащее и грамматическое сказуемое далеко не всегда соответствуют логическому субъекту и предикату. Так[,] например, в суждении «топором рубят» с логической точки зрения субъектом служит понятие «топор», несмотря на то, что грамматически

это — дополнение, выраженное творительным падежом. С грамматической же точки зрения в этом предложении вовсе нет подлежащего [Там же: 25].

Важный вывод ученого в данной части заключался в том, что «логика не может объяснить природу языка» [Там же: 25–26]:

Еще один тезис в начальной части «Введения в языкознание» обращает на себя внимание потому, что он как бы расшифровывает код языка, его движущие силы:

Язык не представляет из себя чего-либо неподвижного, данного, неизменного; он есть непрерывная *деятельность*, и с прекращением этой деятельности прекращается и существование языка [Там же: 27].

Между тем, по мнению лингвиста, существует и такая опасность:

Чтобы остановить свое внимание на каком-нибудь явлении языка, мы естественно вырываем его из живой речи и так или иначе его закрепляем. Мы не замечаем при этом, что такое закрепление живого факта равносильно его умерщвлению. Мы рассматриваем таким образом уже не живое явление, а мертвый препарат, принимая его за явление языка [Там же: 27–28].

Д.Н. Кудрявский в своей работе поднимал очень важную проблему культурогенеза языка как явления общественной жизни, что компаративистами XIX в. практически не принималось во внимание. Показательна его фраза в этой связи:

Только постоянное нарушение живой речью устанавливаемых правил напоминает нам о том, что язык живет, что он не может мириться с теми рамками, которые искусственно хотят ему навязать: изучение языка никогда не может поспеть за его движением[,] и только для мертвых языков могут быть установлены твердые грамматические правила [Там же: 28].

Говоря о социальности современного языка и речевого выражения в целом, Д.Н. Кудрявский выделял как одну из важнейших задач изучение коммуникативных возможностей языка.

Последующие разделы книги также во многом характеризуют Д.Н. Кудрявского как оригинального мыслителя и педагога-практика, для которого не могло быть отвлеченных схем в языке. Он всегда старался точно, емко и убедительно и притом доступно рассказывать о самых спорных вопросах лингвистической науки. Для

уяснения того, что такое человеческий язык, ученый отдельный параграф посвятил анализу «речи» и звуков животных. Он относил их не просто к «тварям говорящим», а к мыслящим существам, способным выражать свои специфические впечатления, видеть знаки, вспоминать те или иные ощущения. Д.Н. Кудрявский очень аккуратно говорил:

Этот процесс толкования воспринимаемых звуков с одной стороны требует уже некоторого ума, а с другой — сам содействует развитию этой способности животных [Кудрявский 1912: 30].

Показательны для того времени размышления лингвиста о междометии и слове и их отличиях. Одно из них заключалось, как он полагал, в том, что «слово имеет историю» [Там же: 35]. Другие свойства «разумной» единицы языка во многом связаны с природой собственно внутреннего, т.е. ассоциативного восприятия явлений системы языка как абстрактных единиц, включенных в отношения, классы или парадигмы и имеющих свое неподражаемое семантическое лицо. Можно согласиться с Д.Н. Кудрявским, когда он называл еще четыре отличия слова от междометия, которое разнится: «...1) условностью связи между звуком и значением; 2) значительную определенностью значения; 3) способностью к изменению как в звуковой форме, так и в значении и 4) преобладанием анализирующего ума над чувственным» [Там же: 35].

Какова же природа слова? Какие особенности характеризуют его как полноправного компонента системы языка? На эти вопросы ученый ответил в специальном параграфе. Прежде всего, по мнению Д.Н. Кудрявского, это *отвлеченность слова*, которая позволяет видеть нам «не единичный предмет, а целую категорию однородных предметов» [Там же: 36]. Более того, они повторяются, соотносятся с прежними восприятиями. Любопытная ремарка далее дается ученым:

...благодаря словам, обозначающим общие понятия, весь мир явлений у всякого человека, обладающего языком, является уже до некоторой степени анализированным, разбитым на более или менее крупные группы. Таким образом[,] уже из этих соображений видно, что в слове отражаются первые зачатки своего рода научной мысли [Там же: 36–37].

Другим «природным» свойством слова является процесс перенесения значения и появление нового представления:

...белую пену на гребнях волн мы называем *зайчиками*, и то же имя даем отражению света, играющему на стене; *корешки* мы находим не только в супе, но и у переплетов книг <...> слово вместе со своим значением является знаком, *символом* другого представления... <...> живым связующим звеном между звуковым составом слова и его значением. Иногда этот элемент слова называют *внутренней формой* слова [Там же: 37–39].

Другая ценная мысль Д.Н. Кудрявского в ключе рассматриваемой им проблематики природы слова представляется нам интересной в контексте лингвистической традиции того времени, уже переступившей порог традиционной компаративистики и поднимавшийся на хребет альпийских гор Соссюра. Эту общую тенденцию в стремительно менявшемся портрете лингвистики уловил и Д.Н. Кудрявский:

Никогда не следует забывать, что атмосфера, в которой живет и изменяется слово, есть атмосфера связной речи, и не принимая ее во внимание, мы не можем уяснить себе природу слова [Там же: 40].

И еще одна идея наблюдательного и прозорливого ученого заслуживает внимания, когда он обсуждал проблему внутренней формы. Его меткие фразы и сейчас выглядят весьма актуально и даже заразительно: без сложных «хитросплетений» терминологии и бесконечных ссылок он понятно и почти по-философски рассуждал:

Язык, конечно, не может достигнуть такого состояния (как математика. — *О.Н.*), но в нем мы замечаем ту же зависимость: язык становится тем точнее, чем бессодержательнее сами по себе становятся слова, утрачивая свою внутреннюю форму, чем ближе они приближаются к простому знаку, к символу [Там же: 43].

Сравнивая поэтический язык с научным, Д.Н. Кудрявский говорил, что первый «опиcывает явление *образами*, т.е. в нем господствует внутренняя форма слова, между тем как научный язык борется против этой внутренней формы и старается на ее место поставить точно определенное значение» [Там же]. И далее такой колоритный фрагмент:

Чем яснее для нас значение слова, тем туманнее внутренняя форма, и наоборот. Самыми точными словами являются те, в которых внутренняя форма совсем забыта [Там же: 44].

Если в древние времена, она подавляла человека своими образами, «вызывала в нем суеверный страх» и поклонение силе образа, то для современного культурного человека «слово есть его собственное создание». Он постепенно освобождался от этого «подавляющего влияния собственного слова» и утрачивал старую внутреннюю форму, которая являлась «главную носительницей образов».

Старая картинность языка, конечно, утрачивается[,] и язык становится трезвее. Но следует ли сожалеть о том, — заключал свои размышления ученый, — что человек освобождается от чар колдовства своего собственного слова? [Кудрявский 1912: 44].

Проблемы морфологической и генеалогической классификаций языков мира рассматривались Д.Н. Кудрявским традиционно, в русле компаративистики. Но вот к обсуждению теорий происхождения языка он добавил свой «поисильный ответ», где показал себя (в духе нового времени) сведущим в анатомии и физиологии человека, психологии речи, исторической антропологии. Например, он говорил о том, «что в развитии языка вертикальное положение человека играло значительную роль, видно уже из того, что между всеми животными к перениманию звуков человеческой речи самыми способными оказываются птицы: и у них крылья, соответствующие нашим рукам, дают большую свободу груди и органам, образующим звуки» [Там же: 60].

В классификации вспомогательных лингвистических дисциплин Д.Н. Кудрявский придерживался во многом бодуэновской традиции с его фонетическими экспериментами и новаторскими идеями [Там же: 61 и далее]. Отсюда у Д.Н. Кудрявского фигурировали термины *антропофоника*, т.е. учение о человеческих звуках, или по-другому *общая фонетика*, *физиология звука* (в книге он придерживался последней номинации), и *экспериментальная фонетика* — то свежее дыхание синхронической мысли, которое уже переворачивало известные представления лингвистов на способы образования и функционирования звуков речи, создавало предпосылки для их грамотной классификации, лабораторной работы с техническими средствами фиксации живой речи и т.д. Все это только входило в лингвистическую практику — в начале во Франции, а затем у нас под руководством В.А. Богородицкого, Л.В. Щербы и других лингвистов.

Описанные ранее элементы слова *символ* и *значение* Д.Н. Кудрявский относил к такой новой науке, как *семасиология*, или *семантика*, которая «занимается изучением движения значений слова».

Более интересна для осмысления методологии теории и истории языкознания начала XX в. оценка Д.Н. Кудрявским влияния психологического фактора в языке:

Главное затруднение заключается в том, что при обычных условиях мы не замечаем действия психических сил в нашей речи, так как они представляют привычную атмосферу, в которой протекают все явления языка. Мы обращаем внимание на эти явления только тогда, когда какие-либо причины нарушают привычное действие психических сил [Там же: 89].

В этой связи он обратил внимание на вроде бы привычные всем оговорки — произвольные ошибки в речи. Но они как раз и являются важными показателями психических процессов, когда происходит слияние по ассоциации слова и значения. Лингвист приводил такой пример:

...в русском языке существует два синонима: *надо* и *нужно*; нередко встречаются оговорки, где первая часть одного слова соединяется со второю частью другого: *на-жно*, *ну-до*. Эти оговорки, называемые контаминациями, показывают, что оба слова в нашем сознании соединены очень тесной ассоциацией, так как имеют одинаковое значение [Там же: 90].

Поразительно, что такие примеры прижились в языке, приобрели «права гражданства» и вошли «в ряды нормальных слов». Имеющиеся в практике речевого обихода подобные случаи многочисленны, они закрепились в художественной литературе и интересны не только с точки зрения языковедческой, но прежде всего — паралингвистической. Д.Н. Кудрявский приводил наиболее яркие нерукотворные создания человеческого природного духа языка:

Так[,] слова «огромный» (из «огромный» и «громный»), «сродственник» (из «сродник» и «родственник»), очень часто встречаются в просторечии. В печати я встречал, напр., следующие слова: «толковитость» (из «толковость» и «деловитость»), «междоусобица» (из «междоусобие» и «усобица»), «вероподобный» (из «вероятный» и «правдоподобный»). С уверенностью можно сказать, что многие слова в языке таким образом создались: привычная оговорка перестала обращать на себя внимание, и слово получило полные права гражданства в языке [Там же: 90–91].

Такие же ассоциации возникают, когда соотносятся слова, стоящие в предложении рядом. Здесь возникают снова эти оговорки — свидетельства «темного разума» человека и многочисленных психических связей, возникающих у него подсознательно. Автор этого поистине учебника лингвистической жизни слова приводил интересные, живые примеры:

Однажды, ложась спать, мой сын сообщил мне, что ему «блотать гольно». Другой раз мне сообщили, что «с краш кыпает, а дождь не идет». В одном заседании, где обсуждался вопрос о посылке делегата, было предложено «полосовать делегата», очевидно, слова «послать» и «голосовать» привели говорившего к такому жестокому предположению. Замечательно, что и эта оговорка почти никем не была замечена [Кудрявский 1912: 91].

Еще один тип ассоциаций, по Д.Н. Кудрявскому, возникает, когда слова сходны по строению или созвучию. Он тоже вызывает речевые ошибки — народную этимологию: у Толстого, например, в «Войне и мире» говорилось, что «народ назвал “мародеров” — “миродерами”» [Там же: 92].

В собственно лингвистическом отношении ассоциативность языка наиболее последовательно выразилась, по мнению Д.Н. Кудрявского, в типах склонений и спряжений, где сильно влияние закона аналогии, который в то же время помогает обычному носителю языка (не лингвисту) понять простую истину: нет таких законов в языке, которые бы превращали его в простую схему с одним решением. Во всей ткани словесных переплетений: будь то литературный язык, или народный, необработанный, — «живо чувствуется связь слов между собою в самых разнообразных проявлениях» [Там же: 93].

Похожее изобретательство в живой речи возникает и при использовании иностранных слов, когда в просторечии, по свидетельству Д.Н. Кудрявского, можно услышать *без пальта, в депе, за кофеом*.

Историческое богатство и внешняя простота словесных уподоблений, вызванных скрытыми душевными процессами, влияют практически на все механизмы и связи внутри системы конкретного языка: грамматику, лексику, словообразование, синтаксис. Например, аттракцию ученый также объясняет ассоциацией, при этом добавляя, что «в русском языке аттракция встречается как нормальное явление очень редко» [Там же: 94]. Примером этому служила

фраза: «пообедать, *чем* Бог послал», «где творительный падеж “чем” вызван сочетанием со словом “пообедать”, между тем как по строю придаточного предложения мы ожидали “что Бог послал”. Другой такой пример мы находим в таких выражениях, как “скажи, кому знаешь” вместо “скажи тому, кого знаешь”» [Там же: 95].

Д.Н. Кудрявский называет ассоциацию «творческой силой» языка, способной создавать не только новые формы, но и свежие, свободные от математической искусственности обороты речи. Показателем современных тому времени процессов стало появление категории причастия будущего времени совершенного вида типа *вымрущий, принесущий, пожелавший, вскроющийся*, а «слово “последующий”, превратившееся уже в прилагательное, завоевало себе право гражданства и ни в ком не вызывает недоумения» [Там же]. Такая же потребность, как полагал Д.Н. Кудрявский, существовала и в создании причастия прошедшего времени с частицей *бы*. В публицистике начала XX века, по наблюдениям ученого, эти случаи нередки: *пожелавшего бы, причинивший бы, привлекая бы, определивших бы, указавшим бы, принесший бы* [Там же: 96].

Все эти случаи указывают на образования по аналогии: если выражение «который принес» можно заменить причастием «принесший», то естественно слова «который принес бы» заменяются словами «принесший бы» [Там же].

По мнению автора учебника, такие выражения «еще режут ухо», но впоследствии могут стать общепризнанными; ему удалось найти один случай даже употребления деепричастия с частицей *бы*:

...следовало бы расширить, *введя бы* некоторые подробности... (в отзыве о сочинении. — *О.Н.*). Но в данном случае мы, вероятно, имеем дело с простым повторением частицы *бы*, стоящей в предшествующей части фразы [Там же: 97].

Книга завершается разделом о грамматическом строе индоевропейских языков, где дается характеристика школьного (логического) и научного подходов к трактовке предложения. В кратком историческом экскурсе автор коснулся взглядов крупнейших специалистов сравнительно-исторического языкознания Г. Пауля, В. Вундта, Б. Дельбрюка и А.А. Потебни на проблему идентификации и классификации синтаксических единиц. Д.Н. Кудрявскому близка

точка зрения Г. Пауля, который, в отличие от старых традиционных определений, выдвинул на первый план «психологическую основу предложения» [Кудрявский 1912: 98]. Но и этот подход был не точен:

В предложении формальная сторона является самой существенной: предложение есть организованная единица нашей речи, и определять его, не описывая его составных частей и взаимной их связи между собою, невозможно [Там же].

Особенно подробно Д.Н. Кудрявский разбирал грамматические идеи А.А. Потебни, который одним из первых показывал несостоятельность логического подхода к анализу предложения. Он ставил А.А. Потебню на вершину грамматической мысли, «гораздо выше Вундта» (цит. по изд.: [Лоя 1958: 199]). Не принимал ученый и главенства словосочетания Фортунатовской школы и часто говорил, что «нет речи без предложения», подчеркивая «отражающийся в фразе анализ мысли» (Там же: 213).

Книга «Введение в языкознание» стояла особняком в потоке научной литературы начала XX в., но с течением времени не устарела и во многом актуальна и сейчас. Живая интонация ее автора, в которой чувствуется неравнодушный к современным языковым процессам ученый, обилие новых оригинальных примеров и большое желание разобраться в системе языка и ее противоречиях выдвинули это пособие в один ряд с передовыми трудами современников и последователей Д.Н. Кудрявского — И.А. Бодуэна де Куртенэ, Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова, Л.В. Щербы и вписали его имя в мировую лингвистическую традицию, нащупывавшую на рубеже веков новую методологию языкознания и, выражаясь словами А. Мейе, «лингвистическую непрерывность», к которой стремился и Д.Н. Кудрявский.

Кстати, заметим попутно, что он взял на себя большой труд по переводу на русский язык капитального исследования знаменитого французского компаративиста А. Мейе «Введение в сравнительную грамматику индоевропейских языков» (1914), за что автор этого труда выразил благодарность дерптскому профессору.

Еще одна особенность ученой «методы» Д.Н. Кудрявского заключалась в том, что ему одинаково успешно давались теоретические труды: от образцовых статей по ключевым проблемам грамматики

в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона, санскритологии и вообще ориенталистике, которой он профессионально занимался в течение всей жизни, посвятив магистерскую диссертацию изучению древнеиндийских домашних обрядов, до работ по этнологии, славистике, психологии языка и многочисленных рецензий на фундаментальные труды и сочинения лингвистов, историков, антропологов и даже политологов О. Шрёдера, Д.Н. Овсяннико-Куликовского, Н. Харузина, А. Мейе, Ф.И. Кнауэра, Л. Крживицкого, В.К. Поржезинского, А.М. Пешковского, Ю. Белоха, И. Тейлора, А.Л. Погодина, Ф. Поллока, Э. Ренана, Б.Н. Чичерина и др. (см. перечень его научных публикаций и рукописей в статье [Лоя 1958: 215–228]). Он издал «Руководство к самостоятельному изучению латинского языка» (1896) и «Краткий учебник латинского языка в объеме программы фельдшерских школ» (1901), а также «Начальную санскритскую хрестоматию со словарем и кратким обзором фонетики и морфологии санскритского языка» (1903) и выпустил несколько книг по древнеиндийской обрядовой культуре.

Быть может, в силу всегда имевшей значение пресловутой «периферийности» (а Д.Н. Кудрявский, напомним, работал в Дерптском университете, в нынешнем эстонском городе Тарту) он не блистал в первых рядах академических лингвистов и не получил при жизни того почета и уважения, которого он по праву заслуживал. Но даже в том уютном местечке, где в разные годы работали И.А. Бодуэн де Куртенэ, М. Фасмер и другие ученые, Д.Н. Кудрявский создал свою научную школу, к которой принадлежали видные филологи Д.К. Зеленин, Я. Эндзелинс, В.Н. Евреинов и др.

В нашей филологической традиции Д.Н. Кудрявский был оригинальным мыслителем (мы употребляем именно это слово) — теоретиком языкознания, историком и культурологом, востоковедом, а по сути, просветителем-энциклопедистом, никогда не отрывавшим научные истины от практики. Он не прятался за ширмы чужих концепций и модных идей, был предельно строг и точен в своих выводах, владел знаниями многих древних и новых языков и даже не чурался популярных книг, которые мало кто из лингвистов писал. Такова его работа «Как жили люди в старину (Очерки первобытной культуры)» (1894),

выдержавшая до 1925 г. восемь (!) изданий. Это был его своеобразный опыт пропагандиста среди рабочих, куда унесла его увлеченность марксизмом в 1890-х гг. В последней ее части он рассказывал и о языке: как он возник, чем отличается человеческая речь от звуков животных; о детской речи, о том, как человек научился писать и т.д. И здесь он тоже приводил интересные наблюдения над характером словесного выражения и теми смыслами, которые они несут:

Иногда человек придавал слову особенное значение тем, что произносил его другим тоном или нараспев. Так у нас и до сих пор, чтобы показать, что какая-нибудь вещь находится очень далеко, просто повторяют слово «далеко» два раза и при том первое произносят нараспев, протягивая один слог: далё-ё-ко-далёко [Кудрявский 1894: 130].

В личности Дмитрия Николаевича странным образом пересекались разные культуры, события и общественные настроения. Его мать, Вера Петровна, была дочерью известного артиста-комика и драматурга П.А. Каратыгина (он рисовал с натуры Грибоедова и Гоголя!). Отец — Николай Андреевич Кудрявский — в 1880-е гг. был председателем Медынской уездной земской управы в Калужской губернии. Учась на историко-филологическом факультете Императорского Санкт-Петербургского университета, Дмитрий Кудрявский слушал лекции санскритолога И.П. Минаева, германиста Ф.А. Брауна и знаменитого слависта И.В. Ягича. Студентом увлекся толстовством, решил «ехать в деревню, чтобы там землю пахать и жить своими трудами», — записал он в дневнике 15 января 1888 г. (цит. по изд.: [Лоя 1958: 182]). Так и случилось позднее, в 1893 г., когда он находился вместе с друзьями-марксистами в Ясной Поляне и даже спорил с Л. Толстым, философские взгляды которого произвели на него «неприятное впечатление» [Там же: 188–189]. В 1890-х гг. Д.Н. Кудрявский принимал активное участие в деятельности марксистских кружков, перевел на русский язык книгу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» [Там же: 185–186]. Во время поездки за границу в 1894–1895 гг. он сблизился с В.И. Лениным, хорошо знал Л. Красина, критически относился

к царскому правительству и в университете всегда имел особое мнение. Из писателей он любил Лукреция, Гейне, Герцена, Гете, Л. Толстого, Чехова, Салтыкова-Щедрина, Г. Успенского. По воспоминаниям его ученика Я.В. Лои, «всегда у него на столе были: санскрит, латинские и греческие авторы, языкознание, “Капитал” Маркса, политическая экономия, первобытная культура, “Будущий век” Беллами (фантастический утопический роман социалистического толка. — О.Н.)» [Лоя 1958: 195].

Его жена А.А. Кудрявская говорила о Дмитрие Николаевиче как о цельной натуре, чуждой консерватизму, бескомпромиссной, открытой новым веяниям в науке и культуре, а его сестра отмечала: «Д.Н. был тихий, спокойный, вдумчивый, сосредоточенный в себе, невозмутимый (я ни разу не видала, чтобы он вышел из себя, рассердился), справедливый, гуманный и кристальной честности человек» (цит. по изд.: [Лоя 1958: 194]). Его очень любили студенты, в обращении с которыми он был «необычайно прост» и «обворожителен», «терпеть не мог всяких условностей».

Человек непростой судьбы, он в 1918 г. вместе с Юрьевским университетом эвакуировался в Воронеж, проработал там два с небольшим года в очень сложных условиях Гражданской войны и становления университета, сильно ослаб, заболел и скончался в 1920 г. Ему было 53 года.

Он всегда жил пониманием того, что лингвистика должна служить развитию духовных потребностей человека, и надеялся на то, что чувство прекрасного останется с теми, кто из мечтателей и чудаков вырастет в образованного, полноценного хранителя и проповедника уникального природного феномена — языка.

ЛИТЕРАТУРА

Кудрявский Д.Н. Введение в языкознание. — Юрьев (Дерпт), 1912.

Кудрявский Д.Н. Как жили люди в старину (Очерки первобытной культуры). — М., 1894.

Лоя Я.В. Жизнь и деятельность Д.Н. Кудрявского // Лиепайский государственный педагогический институт. — Ученые записки. — Лиепая, 1958. — Вып. 1. — С. 179–228.

Поржезинский В.К. Введение в языковедение. — М., 1916.

С.В. НАУМЕНКО

г. Канск
Красноярского края

Хроника орфографической работы послереформенного периода (1917–1936 гг.)

Статья посвящена основным событиям и темам орфографической дискуссии послереформенного периода, связанным с попытками различных издательств и ведомств разрешить спорные вопросы правописания, а также с деятельностью орфографических комиссий Государственного издательства СССР, АН СССР и Народного комиссариата просвещения РСФСР. Устанавливаются общие принципы нормализации правописания.

Ключевые слова: *орфографический разнобой послереформенного периода; вопрос о новой реформе на фонетической основе; стихийные попытки унификации; орфографические комиссии; орфографические словари и справочники; «Свод орфографических правил» (1936 г.); принципы нормализации.*

Разрешив крупнейшие вопросы по упрощению русского письма, реформа 1917 г. не затронула многих частных вопросов правописания, поэтому в послереформенной практике «очень скоро обнаружилось оставшиеся неурегулированными многочисленные противоречивые написания» [Шапиро 1956: 4]. По мере того как ширилась кампания по ликвидации безграмотности, росло школьное образование и увеличивалось количество книжных и периодических изданий, эта неупорядоченность с каждым годом стала ощущаться все острее и глубже:

...состояние нашего правописания таково, что нуждается в упорядочении целого ряда сомнительных и спорных случаев... Сюда относятся двойственность написаний в корнях и суффиксах многих слов, например, *колач* и *калач*, *возжи* и *вожжи*, *жолудь* и *желудь*, *мачеха* и *мачиха*, *Манечька* и *Маничька*, слитное и раздельное написание наречий вроде *порусски*, *по русски*, *по-русски*, удвоение или неудвоение согласных в иностранных словах и многое, многое другое [Отзыв Д.Н. Ушакова о новом орфографическом словаре Я.С. Хомутова: Л. 33].

* Статья публикуется в рамках проекта «Патриотическое воспитание и формирование гражданской идентичности на уроках русского языка и словесности».

Науменко Светлана Васильевна, кандидат филол. наук, доцент, зам. директора по научно-методической работе КГА ПОУ «Канский педагогический колледж».

E-mail: rgbsvnaum@mail.ru

Появление большого количества орфографических словарей, пособий и справочников только усугубляло ситуацию, внося «еще большую сумятицу в орфографическую практику», поскольку все они «отличались несогласованностью между собой и пестротой в разрешении спорных вопросов» [Филиппов 1931: 102; Шенников 1955: 465]. В условиях «правописного самотека» первых послереформенных лет оказывается «просто невозможно твердо сослаться на хотя бы до некоторой степени наиболее официальную точку зрения» в решении того или иного орфографического вопроса [Фесенко 1955: 152]. Современники отмечали, что «в Советском Союзе едва ли можно найти две газеты, два журнала, два учебника и даже два орфографических словаря, правописание которых было бы абсолютно во всем сходно» [Иоаннисянц 1935: 38].

Основная причина такого орфографического разнобоя заключалась в том, что в послереформенный период АН СССР «осталась в стороне от активного, руководящего участия в корректировании нашего письма и языка», поэтому «за это дело взялись издательства сами по себе, по своей силе и по разумению» [Обнорский 1934: 479–480]. Так, в 1924 г. Государственное издательство РСФСР, руководствуясь производственными и экономическими интересами, самостоятельно начинает процесс унификации правописания, организовав технико-орфографическую комиссию. Ее целью было «пересмотреть существующие правила орфографии», чтобы они «были обязательны для всех типографий и корректорских»

[Протокол заседания Комиссии о технико-орфографических правилах от 15.11.1927: Л. 19]. Итогом работы комиссии стали «Технико-орфографические правила» (М.; Л., 1927), аргументировавшие орфографические нововведения, как правило, с точки зрения сокращения расходов на подготовку издания. Например, отмечается, что слитное написание всех типов наречий могло бы не только обеспечить «стройность» этого орфографического правила, но и дать «большую материальную экономию»: *попрежнему, постарому, полетнему, помоему, пофранцузски, подружески, сплеча, сразмаха, вволю, впервых, в пору, наряд, подряд* [Технико-орфографические правила 1927: 11].

Утверждение данных правил привело к ситуации сосуществования «двух орфографий — одной для школ, другой — для Госиздата» [Хомутов 1929: 28]. В итоге случилась «невообразимая разногласица: корректура Госиздата правит рукописи по специальному руководству ГИЗ (технико-орфографическим правилам. — С.В.), которое значительно отличается от учебников Наркомпроса» [Кальмеер 1929 (ЛГ 2.12.1929, № 33)]. Кроме того, работа технико-орфографической комиссии оказалась причиной «дезорганических начинаний» других типографий и издательств в части нормирования орфографии, породив с ее «легкой руки» различные «стандарты», которые в своих рекомендациях нередко «идут гораздо дальше ГИЗа» [Кочкин 1929: 26]. Стихийные и несогласованные попытки унификации, как справедливо заметит С.П. Обнорский, не могут обеспечить «достижение положительных результатов, напротив — здесь угроза получения большего хаоса» [Обнорский 1934: 479 — 480].

Академия наук отрицательно оценила усилия технико-орфографической комиссии в части упорядочения правописания и потребовала (!) «составить новое руководство и провести его немедленно в жизнь, покончив раз и навсегда с орфографическим хаосом» [Больной вопрос (публикация, 1927 г.): Л. 26]. В ответ издательство укажет, что установление единства во всех случаях спорных написаний требует «авторитетной ученой проработки чисто орфографических вопросов», комиссия не может взять на себя обязательство создать «нового советского Грота — подробного руководства по всей русской орфографии... это дело

ученой академической комиссии» [Технико-орфографические правила 1927: 7].

В 1926 г. вопрос о нарастающем в печати разноречие и настоятельной необходимости издания словаря для урегулирования «всех спорных случаев, оставшихся от старого правописания», включен в повестку заседания Народного комиссариата просвещения РСФСР (далее — Наркомпрос) [Выписка № 3 (72) из протокола заседания Президиума Государственного ученого совета Народного комиссариата по просвещению: Л. 1]. Руководство подготовкой государственного орфографического словаря было поручено П.Н. Сакулину, М.Н. Сперанскому, Д.Н. Ушакову и А.М. Пешковскому. В свою очередь, в 1927 г. Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) также объявила о начале работы орфографической комиссии, в задачи которой входило изучение поступавших с мест предложений по усовершенствованию русского правописания [Проект Главнауки о новом правописании 1930: 6].

Обсуждение проблемы неупорядоченности правописания с новой силой разворачивается в 1929 г. По инициативе Ассоциации корректоров при московском Доме печати (сейчас — Центральный Дом журналиста) с целью ликвидации «растущего орфографического хаоса» в октябре 1929 г. создается еще одна орфографическая комиссия:

Наша техническая литература наводняется все новыми орфографическими справочниками, выпускаемыми, на свой страх и риск, каждый — по-разному, и Госиздатом, и отдельными издательствами, и даже отдельными типографиями [Орфографический хаос: Л. 10].

По итогам первого заседания комиссии М.Н. Петерсон, А.М. Пешковский, Д.Н. Ушаков, В.А. Флёров, И.Н. Шапошников обратились с открытым письмом к научным организациям и издательствам о необходимости координации разрозненно ведущейся в разных ведомствах орфографической работы и придания ей открытого характера [Приглашение к участию в работе комиссии: Л. 4].

С другой стороны, «Учительская газета» разворачивает масштабную кампанию в поддержку новой реформы орфографии. В числе первой в ее специальной рубрике «За решительную реформу правописания» опубликована статья И.В. Устинова

«Реформа русского правописания 1917 г. осталась незавершенной», где утверждалось, что правописание «продолжает выкачивать силы и энергию у многомиллионной массы учительства, учащихся и работников печати», оно оказалось «под силу только меньшинству, способному тратить на его преодоление 8–10 лет», став «тормозом культурного роста». Новая реформа, по мнению автора, позволит «удалить гнилые зубы» и «выбросить ненужный балласт из нашей школьной работы» [Устинов 1929].

В результате под давлением педагогической общественности в ноябре 1929 г. при Главном управлении науки Наркомпроса создается комиссия по реформе орфографии и пунктуации, перед которой была поставлена задача «реформировать... непременно в плане приближения к живой речи». Предполагалось, что новая реформа орфографии «сократит сроки ликвидации неграмотности» и даст «несомненный производственный эффект... в работе школ... и полиграфической промышленности» [Проект Главнауки о новом правописании 1930: 6].

В меморандуме комиссии особо подчеркивается ценность такого качества орфографической системы, как «единство и общезначимость... для всех составителей учебников, наборщиков, учителей, а также для всех грамотных граждан Советского Союза», поэтому после проведения реформы, будет «совершенно» необходимо «издание государственного орфографического свода правил и справочного словаря, в которых в особенности нуждается печать и школа» [Там же: 9].

Параллельно с комиссией Главнауки начинает свою работу над реформой и орфографическая комиссия Института языка и мышления Н. Марра. Проекты обеих комиссий будут представлены 26 июня 1931 г. на Всесоюзном совещании по вопросу реформы русской орфографии, пунктуации и транскрипции иностранных слов, участники которого одобряют радикальный проект Института языка и мышления Н. Марра, предусматривавший, например, написания *электричество*, *этаж*, *яблоко*, *юг*, *объект*, *калѣн*, *вѣуга*, *красны*, *синий*, а также отмену пункта Декретов о введении новой орфографии Наркомпроса и Совета народных комиссаров (далее — Совнарком) о правописании приставок *из-*, *воз-*, *низ-*, *раз-*, *без-* на фонетической основе (*разсудить*, *возстановить*, *низпадать*, *возпылать*,

взпылать) [Итоги Всесоюзного орфографического совещания 1931].

Резолюция с требованием немедленно утвердить решение конференции о реформировании правописания была направлена в Наркомпрос и Совнарком, однако там идею новой реформы охарактеризовали как «угрозу бесплодной и пустой траты сил и средств государства» и распорядились «воспретить всякую “реформу” и дискуссию о “реформе”» [Выписка из протокола № 47 от 05.07.1931: Л. 59 — 60]. Таким образом, орфографический вопрос «организационно вообще был снят с повестки наших дней» [Обнорский 1934: 457]. Увлечение «такими реформами нанесло... большой вред», так как насущная задача упорядочения «была отодвинута на несколько лет», а школа и печать, по образному выражению Д.Н. Ушакова, оказались тогда «перед разбитым корытом» [Стенограмма доклада Д.Н. Ушакова о состоянии орфографии на совещании словесников: Л. 129].

Следующий этап в обсуждении вопросов унификации правописания будет связан с выходом в 1933 г. справочников «Орфография, пунктуация и техника корректуры: справочник для работников печати» А.Б. Шапира и И.М. Уварова (М.: Гизлегпром) и «Технико-орфографический словарь-справочник» Н.Н. Филиппова (НИИ книговедения; Ленинград), несогласованные и противоречащие рекомендации которых послужили поводом для многочисленных обращений организаций и граждан в органы власти. Д.Н. Ушаков посчитал «необычайно наглядным случаем», когда одновременно появляются два «совершенно аналогичных по назначению, но противоречащих друг другу» справочника, поскольку «не может быть двух таких орфографических словарей, которые не противоречили бы друг другу хотя бы в чем-нибудь: таково состояние неупорядоченной нашей орфографии» [Записка Д.Н. Ушакова по поводу орфографических словарей: Л. 7]. До тех пор, пока не появится единый справочник, утвержденный «учено-учебной властью», стихийное издание орфографических словарей «будет приносить не мир, а меч» [Там же: Л. 6].

Одно из таких обращений — докладная записка сотрудников Московского государственного педагогического института о «самостоятельной» нормализации правописания в указанных справочниках — рассмотрена в октябре 1933 г. на Коллегии Наркомпроса,

где принимается решение возобновить прерванные в конце 30-х гг. работы по подготовке большого орфографического справочника, который необходимо дополнить основными правилами орфографии и пунктуации [Докладная записка Завнаркому просвещения: Л. 8]. До его утверждения типографиям настоятельно рекомендовалось отказаться от самостоятельного издания каких-либо орфографических словарей. Унификацию спорных написаний и разработку необходимых правил поручили специально созданной комиссии в составе Д.Н. Ушакова (руководитель), В.Н. Сидорова и А.Б. Шапиро, которую прикрепили к словарному отделу издательства «Советская энциклопедия» [Постановление Коллегии НКП: Л. 3 – 4 об.]

Однако вскоре после смены руководства отдела издательство в одностороннем порядке прекратило работу над словарем, поэтому после неоднократных обращений Д.Н. Ушакова комиссия была передана в подчинение Ученому комитету литературы и языка Наркомпроса. В ее состав будут включены дополнительно А.А. Реформатский (секретарь комиссии) и А.М. Сухотин. При этом председатель комитета М.В. Сергиевский поставит перед специалистами совершенно новую задачу: «Задание первой очереди – составление свода правил орфографии, которому.. будут следовать все орфографические словари. Задание второй очереди – составление свода правил пунктуации» [Заключение по вопросу об издании орфографического словаря: Л. 26; Перечень главнейших моментов в деле об орфографическом словаре: Л. 31].

Это коренным образом меняло сложившееся в Наркомпросе направление усилий по упорядочению правописания: если прежде главным инструментом унификации спорных написаний мыслился большой словарь, то теперь таковым становился свод правил, а словарь оказывался его необходимым дополнением, иллюстрирующим соответствующее правило правописания того или иного слова.

Предварительное обсуждение основных положений Свода комиссия Д.Н. Ушакова завершит в начале 1935 г., итоговый вариант «Свода орфографических правил» опубликуют в 1936 г. Его объемом составит 175 пунктов, орфографический материал будет структурирован в такие разделы, как «Правописание гласных», «Правописание согласных», «Буквы *ъ* и *ь*», «Раздельные, дефисные и слитные

написания», «Правописание иноязычных слов», «Прописные буквы», «Аббревиатуры и сложносокращенные слова», «Переносы» и «Знак ударения». Эта структура, за исключением разделов о правописании иноязычных слов и правилах постановки знака ударения, практически идентична орфографической части «Правил русской орфографии и пунктуации», утвержденных в 1956 г. Таким образом, высказанная еще комиссией Главнауки 1929 г. мысль о необходимости создания максимально полного свода правил как условия единообразия и общеобязательности правописания получит свое воплощение силами комиссии Д.Н. Ушакова.

В целях обеспечения относительно единства правописания в школе в 1934 г. по инициативе Д.Н. Ушакова также издается школьный «Орфографический словарь», утвержденный Наркомпросом. В первой части словаря Д.Н. Ушаков разместил 74 орфографических правила, объединенных в 12 разделов: «Правописание отдельных букв», «Правописание сложных слов», «Правописание существительных», «Правописание прилагательных», «Правописание числительных», «Правописание местоимений», «Правописание глаголов», «Правописание наречий и частиц», «Правописание причастий», «Правила переноса». Словник словаря включал сведения о правописании более 9500 единиц. К 1939 г. выйдет пять стереотипных изданий суммарным тиражом более 3,5 млн (!) экземпляров. Следует указать, что с этого момента издание каких-либо иных, «сепаратных» (Д.Н. Ушаков), орфографических справочников для школы полностью прекратится [Записка Д.Н. Ушакова Наркому просвещения А.С. Бубнову от 25.02.1936: Л. 10; Словари, изданные в СССР. Библиографический указатель 1966: 20 – 23].

Любопытно, что в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова насчитывается 600 орфографических вариантов, иллюстрирующих основные группы разноречия послереформенного периода, тогда как в его школьном словаре не будет ни одного: «В отличие от других справочников подобного типа, я избегаю давать двоякие написания слов (*идти* и *итти*), а избираю из числа существующих, конечно, грамотных, написаний одно то, которое представляется наиболее распространенным в настоящее время» [Ушаков (словарь) 1935: 3]. Так, в ТСРЯ *эвкалипт* и *евкалипт*;

ватрушка (или *вотрушка*), *калач* (или *колач*); *снегирь* (или *снигирь*), *риторика* (или *реторика*); *сгорать* (или *сгарать*); *жолоб* (или *жёлоб*), *жолудь* (или *жёлудь*), *жорнов* (или *жёрнов*); *аг(э)регат*, *ап(н)арат*, *бар(р)икада*; в орфографическом словаре *эвкалипт*, *ватрушка*, *калач*, *снегирь*, *риторика*, *сгорать*, *жолоб*, *жолудь*, *жорнов*; *агрегат*, *аппарат*, *баррикада* и т.д.

Вопрос об упорядочении орфографии в конце 1933 г. будет поставлен и на сессии Отделения общественных наук АН (Ленинград), где тоже принимается решение организовать при кабинете славянских языков Института языка и мышления Академии наук СССР орфографическую комиссию для разработки правил унификации печатной практики, в состав которой вошли академики А.С. Орлов (председатель) и Б.М. Ляпунов, члены-корреспонденты С.П. Обнорский, Л.В. Щерба, В.И. Чернышев и профессора Е.С. Истрина, С.Г. Бархударов, Н.Н. Филиппов (автор упоминаемого выше «Технико-орфографического словаря-справочника», 1933), Л.С. Ляпунов [Объяснительная записка 1937: 10]. Поводом для обсуждения орфографического вопроса стали заявления сотрудников о произвольной и непоследовательной правке рукописей академических изданий корректорскими службами издательств.

Комиссия АН СССР свою задачу видела в том, чтобы составить «сборник статей по всем спорным вопросам нашей орфографии с историческим их освещением» и небольшой орфографический словарь [Докладная записка для СНК о состоянии хода работы по составлению орфографического свода, справочника и словаря русского языка (подготовлена И.И. Мещаниновым): Л.9]. Можно сказать, что такой подход к унификации в определенной мере продолжил традицию академических «Спорных вопросов русского правописания от Петра Великого доныне» (1873) академика Я.К. Грота. Более того, член академической комиссии Л.В. Щерба полагал, что по отношению к спорным написаниям непременно «требуется определенное освещение вопроса — вопреки Гроту или во изменение Грота по таким-то мотивам... исторически это так-то, а мы вот по таким-то причинам хотим сделать так-то» [Стенограммы заседаний орфографической комиссии: Л. 215]. «Орфографический справочник» комиссии (без словаря) опубликован, как

и «Свод орфографических правил» комиссии Д.Н. Ушакова, в 1936 г. Любопытна оценка академической комиссией Свода как издания, которое имеет «ликбезовский характер, т.е. очень кратко и в максимально популярном виде для людей, не требующих никаких резонов, дает эти правила», в которых «уж очень все свирепо: сразу “не пишется”» [Там же: Л. 214; 56].

Для обсуждения и согласования результатов работы академической комиссии и комиссии Наркомпроса в декабре 1935 г. создается Правительственная комиссия по упорядочению русского правописания под председательством наркома просвещения РСФСР А.С. Бубнова, объединившая членов прежних комиссий [Объяснительная записка к сводам: Л. 25]. В июне 1936 г. на расширенном заседании впервые состоялось обсуждение «Свода орфографических правил» и «Орфографического справочника» с представителями педагогической и научной общественности. Его участники решили, что необходимо обсуждать именно Свод, потому что из него «вытекают какие-то правила для школы», и если предстоит «выработать правила», то «удобнее идти именно по этому пути, то есть читать московский Свод» параграф за параграфом [Стенограммы заседаний объединенной орфографической комиссии: Л. 22]. В справочнике же академической комиссии «мнение сделано в виде рассуждения», в нем «написано... не все ясно... это не совсем для учеников» и «наблюдается какая-то нежность как будто бы он стоит в стороне и скрывает свою волю», тогда как в части рекомендаций справочник, учитывая острую потребность в унификации правописания, «должен резче подходить» [Там же: Л. 22 об. — 23]. В Своде рекомендации даны «в виде предложения», поэтому «в самом обосновании» он показался участникам обсуждения «более педагогичным» [Обсуждение доклада А.С. Орлова: Л. 21 об].

Представляют интерес для современных кодификаторов и общие принципы, которыми, по мнению участников комиссии, необходимо руководствоваться, проводя орфографическую нормализацию:

1) понимать, что невозможно предложить правила, что называется, «на перспективу», в будущем могут появиться случаи, не регламентированные ими, поэтому время от времени правила будут нуждаться в коррективке:

Мы не можем устанавливать норм правописания на основании тех слов, которые когда-либо возникнуть, а мы оперируем только с теми словами, которые существуют в нашем языке. (С.П. Обнорский) [Стенограммы заседаний объединенной орфографической комиссии: Л. 41 об.];

2) обеспечить возможность применения правил без необходимости постоянного обращения в обычной практике к орфографическому словарю:

...дать разумное правило... так, чтобы каждый человек, имеющий дело с исправлением текста в орфографическом отношении, мог знать, что нужно делать. Словарный порядок ничего не может дать. (А.А. Реформатский) [Там же: Л. 44 об.];

...заставлять смотреть словарь – это просто мука мученическая... по каждому поводу заглядывать в словарь. (Л.В. Щерба) [Там же: Л. 167];

3) соизмерять формулировки правила с сугубо практической функцией правила как инструмента упорядочения, отсюда должно быть стремление к ее максимальной понятности и отражению в ней только необходимого для определения правильного написания:

...что касается формулировки..., то она меня несколько пугает даже не сама формулировка, а ее появление в таком Своде для широкого употребления. (Д.Н. Ушаков) [Там же: Л. 40–41 об.];

Когда бывает трудный случай, то чем меньше мы оставим поле для размышления тем лучше. (Реплика с места) [Там же: Л. 158];

4) учитывать сложившуюся практику и орфографические привычки пишущих, пусть это и противоречат представлению специалистов о том, какой должна быть регламентация в том или ином случае, чтобы, по словам Л.В. Щербы, «не смущать чересчур грамотных людей», а «принять компромиссный путь» [Там же: Л. 43];

...нельзя изменить, потому что давно принято. (С.П. Обнорский) [Там же: Л. 42 об.];

...мы просто не рискуем. В наше время, после того как школа целые десятки лет утверждала *подписчик*, *извозчик*, трудно писать другое. (Д.Н. Ушаков);

...все стали очень бережно относиться к тому, что существует в настоящее время на письме и в языке. Нужно добиться того, чтобы ничего не изуродовать и не изнашивать. (А.А. Реформатский) [Там же: Л. 166];

5) не реставрировать в ходе орфографической нормализации семантические

и словообразовательные связи, ставшие неактуальными и неосознаваемыми большинством пишущих:

В частности, относительно слова *сбруя*. Все, что сказал С.П. Обнорский, совершенно верно (он настаивал на правописании *збруя*. – С.В.). Это слово польского происхождения, и это правописание, несмотря на происхождение, колебалось, потому что ложная этимология влекла к букве *-с-*. Так колебалось в XIX веке, а в XX пожалуй, колебаний нет и *-с-* утвердилось. Мне кажется, что *-с-* мы все сейчас пишем. (Д.Н. Ушаков) [Там же: Л. 124];

6) избегать исключений из правил:

всякое правило, которое допускает очень много исключений, всегда правило плохое... (А.М. Сухотин) [Там же: Л. 180 об.];

Таким образом, главными итогами орфографической работы этого периода станут: во-первых, отказ от идеи нового радикального реформирования правописания на фонетической основе; во-вторых, понимание первостепенной важности решения задачи упорядочения спорных написаний; в-третьих, выработка основных подходов к нормализации правописания в целом и осознание, что только «полное, систематическое изложение правил нашей орфографии и пунктуации» в рамках Свода способно обеспечить «действительное единство в системе нашего письма» [Свод 1939 (1): 3].

ЛИТЕРАТУРА

Большой вопрос (публикация, 1927 г.) // АРАН. – Ф. 502. – Оп. 3. – Д. № 103.

Выписка № 3 (72) из протокола заседания Президиума Государственного ученого совета Народного комиссариата по просвещению // АРАН. – Ф. 502. – Оп. 3. – Д. 80.

Выписка из протокола № 47 от 05.07.1931 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) «О «реформе» русского алфавита» (02.07.1931) // АП РФ. – Ф. 3. – Оп. 33. – Д. 15.

Докладная записка для СНК о состоянии хода работы по составлению орфографического свода, справочника и словаря русского языка (подготовлена И.И. Мешаниновым) // АРАН. – Ф. 456. – Оп. 1. – Д. № 44.

Докладная записка Замнаркому просвещения // АРАН. – Ф. 502. – Оп. 3. – Д. 103.

Заключение по вопросу об издании орфографического словаря // АРАН. – Ф. 502. – Оп. 3. – Д. 103.

Записка Д.Н. Ушакова Наркому просвещения А.С. Бубнову от 25.02. 1936 // АРАН. — Ф. 502. — Оп. 3. — Д. 104.

Записка Д.Н. Ушакова по поводу орфографических словарей // АРАН. — Ф. 502. — Оп. 3. — Д. 103.

Иоаннисянц С.А. Пора установить единообразие в правописании // Большевицкая печать. — 1935. — № 19 — 20.

Итоги Всесоюзного орфографического совещания // Вечерняя Москва. — 1931. — 29 июня.

Кальмеер К. По поводу одной заметки // Литературная газета. — 1929. — № 33.

Кочкин М. Новые технико-орфографические правила // Полиграфическое производство. — 1929. — № 2.

Обнорский С.П. Русское правописание и язык в практике издательств // Изв. АН СССР. — Сер.7. — 1934. — № 6.

Обсуждение доклада А.С. Орлова // Ф. 394. — Оп. 1 (1936). — Д. 52.

Объяснительная записка к сводам // АРАН. — Ф. 503. — Оп.1. — Д. 76.

Объяснительная записка к сводам орфографических правил.— М., 1937.

Орфографический хаос. Публикация // АРАН. — Ф. 502. — Оп. 1. — Д. 68.

Отзыв Д.Н. Ушакова о новом орфографическом словаре Я.С. Хомутова // АРАН.— Ф. 502. — Оп. 3. — Д. 92.

Перечень главнейших моментов в деле об орфографическом словаре // АРАН. — Ф. 502. — Оп. 3. — Д. 103.

Постановление Коллегии НКП // АРАН. — Ф. 502. — Оп. 3. — Д. 103.

Приглашение к участию в работе комиссии // АРАН. — Ф. 502. — Оп. 3. — Д. 124.

Проект Главнауки о новом правописании. — М., 1930.

Протокол заседания Комиссии о технико-орфографических правилах от 15.11.1927 // АРАН. — Ф. 502. — Оп. 3. — Д. 103.

Своды орфографических и пунктуационных правил Проект. — 1-я ред. — М., 1939

Словари, изданные в СССР: Библиографический указатель. — М., 1966.

Стенограмма доклада Д.Н. Ушакова о состоянии орфографии на совещании словесников 20.04.1939 // АРАН. — Ф. 502. — Оп. 3. — Д. 106.

Стенограммы заседаний объединенной орфографической комиссии // АРАН. — Ф. 394. — Оп. 1 (1936). — Д. 52.

Технико-орфографические правила. — М., 1927.

Устинов И.В. Реформа русского правописания 1917 г. осталась незавершенной // Учительская газета. — 1929. — 19 октября.

Ушаков Д.Н. Орфографический словарь для начальной, неполной средней и средней школы. — М., 1935.

Фесенко А. Русский язык при Советах. — Нью-Йорк, 1955.

Филиппов Н.Н. Книжная корректура. — М.; Л., 1931

Хомутов Я.С. «Кустарная революция» в нашей орфографии // Полиграфическое производство. — 1929. — № 2.

Шапиро А.Б. Упорядоченное русское правописание: К выходу «Правил русской орфографии и пунктуации». — М., 1956.

Щенников Е.П. Значение трудов Я.К. Грота в истории русского правописания: Дис. ... канд. филол. наук. — Куйбышев, 1955.

Вниманию подписчиков!

Напоминаем наши индексы в подписных каталогах

«Роспечать»:

для индивидуальных подписчиков — 73334,

для организаций — 81234;

«КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ»:

для индивидуальных подписчиков — 24296,

для организаций — 24297;

«Почта России»:

для индивидуальных подписчиков и организаций — П3896.

КОНСУЛЬТАЦИЯ

А.Д. ДЕЙКИНА,
О.Н. ЛЕВУШКИНА
Москва

Ориентировочное планирование работы в VIII классе по УМК Л.А. Тростенцовой, Т.А. Ладыженской, А.Д. Дейкиной, О.М. Александровой (науч. ред. Н.М. Шанский) «Русский язык» на 2017/2018 учебный год

II четверть

Второстепенные члены предложения

Урок 28. Второстепенные члены и их роль в предложении. Дополнение (§ 23, упр. 121; § 24, упр. 122–132).

Дидактические цели: вспомнить виды второстепенных членов предложения, повторить их значение и синтаксическую роль, дать сведения о прямых и косвенных дополнениях, их функциях и морфологической выраженности.

Ход урока:

1. Актуализируем ранее изученное о членах предложения по вопросам учебника (с.71–72); составляем кластер на тему «Члены предложения» и уточняем роль второстепенных членов в предложении (примеры и задания на с. 72).

2. Записываем тему «Второстепенные члены предложения и их роль»:

– изучаем теоретический материал и готовим монологическое высказывание по теме, опираясь на составленный кластер (с. 72–73);

– делаем выводы в соответствии с вопросами: Какие члены предложения называются второстепенными? Какие члены предложения поясняют второстепенные члены? Как они соединяются с другими членами предложения? Какой характер значения у второстепенных членов предложения?;

– анализируем текст упр. 121, подтверждая понятия о второстепенных членах предложения.

3. Изучаем тему «Дополнения» (§ 24):

– ученики самостоятельно изучают теоретические сведения (с. 73–74), формулируют вопросы по прочитанному тексту (письменно в виде вопросного плана);

– устно отвечают на поставленные вопросы (фронтальный опрос);

– работают с терминами прямые и косвенные дополнения.

4. Создаем ориентировочную основу действий (упр. 124 – внимание к дополнениям, выраженным неопределенной формой глагола; упр. 125 – конструирование предложений с прямыми дополнениями; упр. 126, 127 – употребление прямого дополнения в форме Р. падежа при сказуемом с отрицанием *не*; упр. 129 – различие подлежащего и прямого дополнения при обратном порядке слов).

5. **РР:** чтение и самостоятельная работа по тексту упр. 128.

6. Подведение итогов урока. Вопрос на понимание темы: В каких случаях предложения становятся более информативными?

На дом: § 23, 24; для всех – упр. 122, 123, для сильных учащихся – упр. 131, 132.

Дополнительный материал

1. Выпишите словосочетания. Укажите главные и зависимые слова. Какую синтаксическую роль выполняют зависимые слова в стихах И. Бунина?

Ветер осенний в лесах подымается,
Шумно по чашам идет.
Мертвые листья срывает и весело
В бешеной пляске несет.

2. Прочитайте стихи М. Исаковского. Какая картина природы передана в них?

Проанализируйте богатство языковых средств в стихотворных строках. Найдите в тексте прямые дополнения.

Задрожали золотые пряди
В волосах притихнувших лесов...
Я стою и вслух слагаю строчки —
Как чеканит осень пятачки,
Как брусника спелая на кочке
Открывает нежные зрачки.

3. Прочитайте, соблюдая рифму и ритм. Найдите дополнения, укажите, какие из них прямые, а какие косвенные.

- 1) Люблю я солнца первый восход,
Люблю я погоду, если тиха,
Гнездо жаворонка в желтых полях,
Костер,
 костер пастуха.
- 2) В море ночи закат уносит
Облаков последних обломки...
- 3) Утра полусонная прохлада,
Чуть порхая,
 пересиливала зной;
Знала, что грозой считать не надо
Роптанье сада, —
 запах свежести ночной.

(Н. Матвеева).

Урок 29. Определения (§ 25, упр. 133–134).

Дидактические цели: актуализировать знания об определении, выявить его роль в предложении и морфологическую выраженность, познакомиться с видами определений, уметь использовать синонимичные определения различных видов в речи.

Ход урока:

1. Проверка д/з: устный опрос о дополнении, рассказы учащихся об известных людях (на материале упражнений, выполненных дома), контроль за употреблением дополнений.

2. Записываем тему, разграничиваем значение определений в соответствии с вопросами какой? чей? которых?:

— ученики самостоятельно анализируют определения в тексте (с. 80);

— изучают теоретические сведения об определении (с. 80–81);

— записывают примеры предложений с определениями, отвечающими на разные вопросы;

— формулируют выводы по вопросам: Для чего служат определения? Как они различаются? На какие признаки предметов могут указывать определения?

3. Формируем ориентировочную основу действий (упр. 133 — два варианта для работы). Вопрос: Какая тема объединяет два отрывка из художественных произведений разных писателей?

4. Разграничиваем согласованные и несогласованные определения (с. 82), изучаем таблицу в упр. 134.

5. Выполняем упражнения:

— коллективная работа над упр. 135: комментированное письмо в соответствии с заданием в упражнении;

— конструирование предложений с несогласованными определениями (упр. 137), выявление их синтаксической роли (теоретические сведения на с. 84).

6. Диктант с предварительной подготовкой (упр. 136).

7. Подведение итогов урока. Вопрос на понимание темы: Каковы виды подчинительной связи между определением и определяемым словом?

На дом: § 25 (подготовить схему и устное сообщение по ней на тему «Определение»), упр. 138, 139.

Урок 30. Приложение. Знаки препинания при нем (§ 26, упр. 140–142).

Дидактические цели: познакомиться с приложениями как особой группой определений, правилами постановки дефиса при приложении в соответствии с морфологическими и синтаксическими условиями, уметь использовать приложения в речи.

Ход урока:

1. Проверка д/з: устные сообщения учащихся об определениях, краткие пересказы текста из упр. 138 в виде сжатого изложения и оценивание учащимися их точности.

2. Работа по теме:

— изучаем теоретические сведения (с. 85–86);

— выполняем упр. 140, 141.

3. Подведение итогов урока. Вопрос на понимание: Каковы условия постановки дефиса при приложении?

На дом: § 26, составить схему условий постановки дефиса при приложении, упр. 142.

Дополнительный материал

Запишите отрывки. Подчеркните определения. В каком тексте есть приложение? Какую роль играют определения в создании картин природы? Проанализируйте синтаксический строй отрывков: Какие предложения преобладают в текстах? Охарактеризуйте эти предложения.

Было холодное весеннее утро. По берегам затопленного болота лежали толстые пласты желтого льда. Дул сырой северный ветер. Еще не всходило солнце. Я шел по краю болота, ежась от холода.

А на земле ликовала весна. Солнце вспыхивало в лужах. По голубому небу плыли легкие белые облака, вестники хорошей погоды.

(А. Перегудов).

Урок 31. Обстоятельство (§ 27, упр. 143–159).

Дидактические цели: познакомиться с различными по значению обстоятельствами, уметь различать обстоятельства по вопросам к ним, использовать их в речи.

Ход урока:

1. Проверка д/з: устные сообщения о приложении по составленной схеме, чтение текста и контроль за формой падежа приложений в упр. 142.

2. Работа по теме:

– знакомимся с теоретическими сведениями (с. 87, 92);

– читаем сведения в рамках о вопросах к обстоятельствам;

– заслушиваем сообщения о каждом из видов обстоятельств по плану:

1) вид обстоятельства по лексическому значению;

2) вопросы к нему;

3) способ связи с главным словом в словосочетании;

4) способ выражения.

3. Создаем ориентировочную основу действий, используя примеры из упр. 144, 148, 152, 155).

4. **РР:** составляем свои предложения с использованием обстоятельств (упр. 145, 146, 151, 156).

5. Подводим итоги урока. Вопрос на понимание: Для чего в речи нужны обстоятельства?

На дом: § 27 (составить сводную таблицу и уметь рассказывать о разных по значению обстоятельствах), на выбор – упр. 157–159.

Дополнительный материал

Прочитайте отрывок из повести В. Богомолова «Иван». О чем повествует этот эпизод Великой Отечественной войны?

Перед тем как надеть ватник, я пристегиваю к ремню финку с наборной рукоятью. <...>

Этот нож – подарок и память о моем лучшем друге Котьке Холодове. С третьего класса мы сидели с Котькой на одной парте, вместе ушли в армию, вместе были в училище и воевали в одной дивизии, а позже в одном полку.

На рассвете того сентябрьского дня я находился в окопе на берегу Десны. Я видел, как Котька со своей ротой – первым в нашей дивизии – начал переправляться на правый берег. Связанные из бревен, жердей и бочек плотники миновали уже середину реки, когда немцы обрушились на переправу огнем артиллерии и минометов. И тут же белый фонтан воды взлетел над Котькиным плотиком... Что было там дальше, я не видел – трубка в руке телефониста прохрипела: «Гальцев, вперед!..» И я, а за мной вся рота – сто с лишним человек, – прыгнув через бруствер, бросились к воде, к точно таким же плотикам... Через полчаса мы уже вели рукопашный бой на правом берегу...

Я еще не решил, что сделаю с финкой: оставлю ее себе или же, вернувшись после войны в Москву, приду в тихий переулочек на Арбате и отдам нож Котькиным старикам, как последнюю память о сыне...

Перечитайте эпизод, обращая внимание на время, место, направление происходящего события, способ действия. Как помогают увидеть события обстоятельства? На какие вопросы они отвечают?

Дополните сказуемые обстоятельствами из текста: *находился ..., начал переправляться ..., обрушились ..., взлетел ..., бросились ..., вели бой ...*. Сделайте вывод о роли обстоятельств в данном тексте.

Урок 32. Синтаксический разбор двусоставного предложения (§ 28, упр. 160, 161).

Дидактические цели: познакомиться с порядком синтаксического разбора двусоставного предложения, уметь разбирать простое предложение по данному плану.

Ход урока:

1. Проверка д/з: устные сообщения учащихся с опорой на таблицу, проверка выполненных упражнений.

2. Работа по учебнику (§ 28): выявление особенностей устного и письменного порядка синтаксического разбора двусоставного предложения (с. 93–94).

3. Упр. 160 – делаем разбор по плану.

На дом: запомнить порядок разбора двусоставного предложения, подобрать три простых предложения из художественных произведений и разобрать их, отметить различия в синтаксическом строе.

Дополнительный материал

1. Прочитайте отрывок из «Дорожных стихов» К. Симонова. Как вы думаете, о каких памятных описаниях гор вспоминает поэт? Назовите грамматические основы предложений. Чем различаются по

синтаксическому строю первое и второе предложения? Выполните синтаксический разбор второго предложения.

Память

Я наконец приехал на Кавказ,
И моему неопытному взору
В далекой дымке в первый раз
Видны сто раз описанные горы.
Но где я раньше видел эти две
Под самым небом сросшихся вершины,
Седины льдов на самой голове,
И тень лесов, и ледников плещины?
Я твердо помню — та же крутизна,
И те же льды, и так же свет не тает.
И разве только черного пятна
Посередине где-то не хватает.

2. Запишите текст И. Бунина. Охарактеризуйте предложения в нем. Укажите, какие второстепенные члены делают описание ранней осени более конкретным и точным? Подчеркните прямые дополнения.

Помню раннее, свежее, тихое утро... Помню большой, весь золотой сад, помню зеленые аллеи, тонкий аромат опавшей листвы и запах антоновских яблок, запах меда и осенней свежести.

3. Сделайте синтаксический разбор предложения:

Необычно теплый для октября был день, с безоблачным, по-летнему голубым небом.

(А. Перегудов).

Урок 33. РР. Характеристика человека (§ 29, упр. 162–166).

Дидактические цели: выяснить особенности текста, характеризующего человека; уметь рассказывать о человеке на основе его характеристики (портретной, деятельности, личностных качеств, особенностей поведения и др.).

Ход урока:

1. Проверка д/з: Какие предложения и из каких произведений вы выбрали? Чем различаются эти предложения?

2. Мотивация: Зачем нужно уметь создавать характеристику человека?

3. Работа со словарем: что такое характеристика? Что значит охарактеризовать?

4. Коллективное обсуждение вопроса: Из каких фрагментов может состоять текст — характеристика человека? (По ответам учащихся составляем кластер.)

5. Работа над текстом очерка об А.М. Пешковском (упр. 162): Какие черты личности,

события жизни и особенности научной деятельности характеризуют ученого-лингвиста?

6. Обсуждение вопроса: Может ли быть дана характеристика не одного человека, а группы?

7. Работа по картине (упр. 166): создаем групповой портрет. Как обстоятельства меры и степени помогают выявить общее и индивидуальное участников группового портрета?

8. Самостоятельная работа с последующей взаимопроверкой (упр. 164).

9. Рефлексия: Почему важно уметь создавать характеристику человека?

На дом: упр. 163 или 165 (по выбору учащихся).

Дополнительный материал

Прочитайте текст. Как «собирает» характеристику героя писатель? Каким вы видите процесс сбора материала для характеристики человека?

У каждого писателя есть своя копилка, куда бережно складывает он ценности, найденные в повседневной жизни и обогащающие его творчество. Такими копилками являются записные книжки, где собираются зародыши будущих произведений, наброски характеров и образов героев, еще не произнесенные ими слова и фразы. По коротким записям, занесенным писателем в свою записную книжку, можно судить о зоркости глаза, о чуткости и внимательности слуха его, об умении подметить детали и краски, необходимые ему для создания характера, пейзажа, психологического состояния героя.

В архиве Новикова-Прибоя сохранились блокноты и тетрадки, записи в которых говорят о том, как умел он подметить характерные особенности того или иного человека, пейзажа, языка моряков, крестьян, охотников.

(А. Перегудов).

Урок 34. Повторение (упр. 167–170).

Дидактические цели: закрепить изученный материал о двусоставных предложениях, уметь соблюдать грамматическую норму в построении разных видов двусоставных предложений.

Ход урока:

1. Проверка д/з: чтение текстов-характеристик, выявление лучшего текста.

2. Повторяем изученное:

— фронтальный опрос по вопросам и заданиям в учебнике;

— работа с текстом (упр. 167);

— **РР:** беседа по теме и содержанию текста (упр. 167), рассуждения учащихся по вопросам реформы орфографии, составление

письменного текста-рассуждения по материалам беседы.

3. Работаем над грамматической нормой словосочетаний: устраним ошибки (упр. 169).

4. Подведение итогов. Рефлексия: Что мы узнали о синтаксических возможностях словосочетаний и двусоставных предложений, об их роли как единиц русского языка?

На дом: упр.170.

Дополнительный материал

Прочитайте, соблюдая рифму. Запишите стихотворные строки и подчеркните разные второстепенные члены.

- 1) Ночью
дождь накрапывал тихонько, —
На шум ненастья
не был шум его похож.
- 2) Кружатся листья,
кружатся в лад снежинкам:
Осень пришла, — темно и светло в лесах.
- 3) Полетел сереброкрылый «Ту»,
Розовую зиму облаков
В летнем небе встретил на лету,
Пролетел сквозь них — и был таков.
- 4) Падают листья
липы, дубов и клена...
Звездочки снега сыплются с высоты...
Если бы знать: насколько зимой стесненно
Или свободно лягут под снегом листья?
- 5) В прибрежных лугах и полях,
В синеющих сумерках летних
Лежит деревушка — в последних
Слипающихся огнях.

(Н. Матвеева).

Урок 35. Контрольный диктант.

1. Вступительное слово учителя.

В качестве текста для диктанта взят отрывок из повести писателя Б. Полевого «Анюта». Широко известно другое произведение этого писателя — «Повесть о настоящем человеке» — о летчике Алексее

Мересьеве (Маресьеве). Повесть «Анюта» написана позже, но она тоже рассказывает о народном героизме в годы Великой Отечественной войны.

Герой повести капитан Владимир Мечетный уже после войны едет в Москву.

2. Текст диктанта.

Москва, новая — знакомая и в то же время незнакомая Москва, открывалась перед ним. Она поражала шириной улиц, бетонными квадратами и параллелепипедами новых, неведомых ему домов, возникших за последнее десятилетие. Да и старые отремонтированные, точно бы помолодевшие, теснились возле этих кубов и параллелепипедов, как веселые, молодежавшие пенсионеры среди молодых рослых акселератов.

Даже древний Кремль как бы посвежел, приободрился. Пройдя мост, Мечетный сошел вниз в Александровский сад, к могиле Неизвестного солдата, которую он видел только в кино. У какой-то старушки купил букетик ландышей. Положил их у Вечного огня и долго стоял, смотря на его неторопливо трепещущее пламя, вспоминая своего замполита, старшего сержанта Митрича и многих других солдат и офицеров своей роты, не вернувшихся с войны... <...>

Капитан шел по саду, дышавшему в его лицо зацветающей сиренью. Задумавшись, он как-то не обратил внимания на погромохивание в небе и заметил надвинувшуюся грозу, лишь когда тяжелая, хмурая, лохматая туча наплыла на Кремль со стороны Москвы-реки и уже роняла на дорожки редкие, увесистые, теплые капли. Потом полыхнула молния и раздался такой раскат, будто рядом рванула сброшенная с самолета торпеда. Мечетный взглянул на небо. Туча была уже над ним. Солнце подсвечивало ее по краям, эти края золотились, и на фоне свинцовой хмари, сверкая крыльями, кружилась стая голубей. <...>

Когда гроза прошла, уронив последние крупные, как бы заключительные капли, в промытом воздухе стало так тихо, что Мечетный вдруг слышал журчание вновь рожденных ручейков.

(По Б. Полевому).

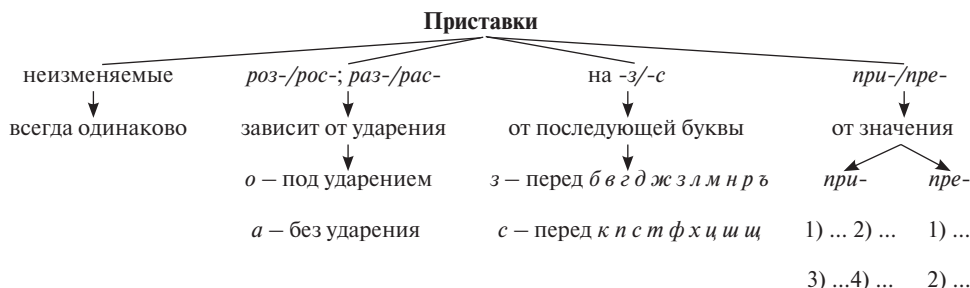
(Окончание см. в следующем номере.)

II четверть

Урок 31. Правописание приставок (гл. 2, § 10).

На доске записываем словосочетания из упр. 77. Просим учеников объяснить, как они отличают приставки от предлогов. Ученики устно объясняют выбор

написания, а помощник учителя обозначает орфограммы в записанных сочетаниях. Затем вспоминаем, какие группы орфограмм в приставках выделяются в русском языке. С этой целью воспроизводим на доске схему:

В классах с базовым уровнем подготовки схему воспроизводим полностью; в классах с высоким уровнем подготовки – с пропусками, которые ученики заполняют самостоятельно. Опираясь на схему, вспоминаем правила правописания приставок, приводим примеры.

Упр. 80 выполняем совместно. Предложенные сочетания слов распределяем по двум колонкам: с гласной *о* в приставке; с гласной *а* в приставке. Ученики обозначают орфограмму, объясняя выбор гласной. Разбираем выделенное слово (*разыграть*) по составу, объясняем, почему в корне пишется буква *ы*. Ученики подбирают два-три примера с такой же орфограммой.

Для выполнения упр. 83 делим класс на шесть групп. Предлагаем внимательно прочитать задание к упражнению, обращая внимание на значения приставок *пре-* и *при-*. Каждая группа учеников выбирает из предложенного списка слова с определенным значением приставки. Проверку проводим совместно. Все ли значения приставок

удалось объяснить? Какие слова вызвали затруднение? Со словами, в которых значение *при-* и *пре-* неясно, составляем односоставные предложения. Подчеркиваем главные члены предложения, в скобках указываем тип односоставного предложения.

Тренируемся в разграничении сходных по произношению, но различных по значению и написанию слов, в состав которых входят *пре-* или *при-* (упр. 85).

Упр. 89 выполняем с использованием аудиоприложения. Ученики слушают слова и записывают в два столбика: 1) на стыке приставки и корня есть двойные согласные; 2) нет двойных согласных. Проверку проводим совместно. Объясняя наличие или отсутствие двойных согласных в слове, ученики называют приставки и корни, выделяют их графически.

В качестве самостоятельной работы выполняем упр. 86. Ученики списывают предложения, раскрывая скобки и вставляя пропущенные буквы, обозначают орфограммы в приставках. **Дополнительное задание:** указать тип односоставных предложений, подчеркнуть в них грамматические основы.

На дом: упр. 81 или 87 (на выбор); выучить слова рубрики «Пишите правильно» (с. 140, 145, 147, 152).

Дополнительные материалы:

Флоренская Э.А. Русский язык. Правописание. Культура речи: 8 класс: рабочая тетрадь № 1 для учащихся общеобразоват. организаций. – М., 2017 (РТ № 1).

Дополнительный материал

1. Объясните правописание данных слов. Определите, в состав каких морфем входят двойные согласные. Выполните морфемный разбор глаголов, причастий и деепричастий.

Бессчетный, восставший, изыбший, иссиня-черный, введение, воссоединяясь, мировоззрение, оттолкнуть, подделка, врассыпную, обессмертить, оттиск, растянуть, ссыпать, бессребреник, бессюжетный, ссутулившись, рассчитывать, оттянутый.

2. Запишите слова с приставкой *пре-*, соответствующие данным лексическим значениям. Подберите однокоренные слова с приставкой *при-*, укажите их лексические значения. Затем подберите, где возможно, однокоренные слова с приставкой *пере-*. Выполните морфемный разбор записанных слов. В случае затруднения воспользуйтесь словами в подсказке.

- 1) Склонить, опустить вниз, нагнуть.
- 2) Находиться где-либо.
- 3) Воплотить во что-нибудь реальное, осуществить какой-либо план, какое-нибудь начинание на деле, в действительности.
- 4) Лицо, вступившее на смену кому-нибудь на какое-нибудь место, должность, по отношению к своему предшественнику.
- 5) Изменить, нарушить верность кому-либо, чему-либо.
- 6) Относиться к чему-либо без уважения, считать что-либо низким, мелким, ничтожным.
- 7) Пространственная или временная граница чего-нибудь; последняя, крайняя грань, степень чего-нибудь.
- 8) Перейти через что-нибудь своим поведением, какими-нибудь действиями нарушить что-либо, не посчитаться с чем-нибудь.
- 9) Представить что-либо в меньших размерах, чем в действительности; не придать должного значения чему-либо.
- 10) Временный, недолговечный, такой, который скоро проходит.

Подсказка: *преуменьшать, пребывать, премник, презирать, предать, преходящий, преклонить, преступить, претворить, предел.*

Урок 32. Правописание *н* и *nn* в разных частях речи (обобщение) (§ 11).

Начинаем урок с теоретических вопросов. Внимательно изучаем схему на с. 148 (упр. 91, задание 1). Написание каких частей речи будем рассматривать на уроке? Какие прилагательные называются отыменными? Отглагольными? Опираясь

на схему, расскажите о правописании *н* и *nn* в прилагательных и причастиях. Подберите примеры. Просмотрите сочетания слов в задании 2 упр. 91. По какому принципу сочетания разделены на две группы? Записывая сочетания слов, ученики по цепочке объясняют выбор *н* или *nn* и обозначают орфограмму.

Перед выполнением упр. 92 изучаем примеры (задание 1), рассказываем, как различить краткие прилагательные и краткие причастия, как обосновать выбор *н* и *nn* в кратких причастиях и кратких прилагательных. Затем по цепочке ученики объясняют правописание слов в задании 2, записывают их, графически объясняя написание *н* и *nn*. Обращаем внимание на вторую группу сочетаний слов. Объясняем правописание гласной перед *н* или *nn*.

Упр. 93 выполняем в парах. Слово-сочетания с полными прилагательными и причастиями преобразовываем в сочетания с краткими формами, обозначаем орфограмму; в паре ученики совместно обсуждают выбор *н* или *nn*, в случае затруднения обращаются к консультантам.

Завершаем урок выполнением упр. 96. Ученики просматривают лингвистический текст. Определяют его тему, стилистическую принадлежность. Какова основная мысль текста? Как сформулирована основная идея? Чем является сформулированная идея в структуре текста? Подводим учащихся к мысли, что идея текста представляет собой тезис — положение, которое необходимо раскрыть, доказать. Каков тип данного текста? Какие аргументы в доказательство тезиса приведены автором? Какие еще аргументы можно привести? Выслушиваем ответы учеников. В классе с базовым уровнем подготовки ответы-аргументы можно зафиксировать на доске. Подводим итог, делаем вывод к рассуждению. В классах с базовым уровнем подготовки вывод формулируем совместно; в классах с высоким уровнем подготовки ученики делают вывод самостоятельно. После этого записываем текст, чтобы получилось полное рассуждение: тезис — аргументы — вывод; объясняем правописание слов с орфограммой «*Н* и *nn* в словах разных частей речи».

На дом: упр. 94.

Дополнительный материал

1. РТ № 1: Упр. 8 (с. 31).
2. Просмотрите текст и выполните задания.

Сколько(бы) (ни, не)смотреть на море — оно (н..)когда (н..)надоест. Оно всегда разное, новое, (...). Оно меняется на глазах каждый час. То оно тихое, (светло)голубое, в (н..)скольких местах покрытое почти белыми дорожками штиля. То оно (ярко)синее, (...), сверкающее. То оно играет барашками. То под свежим ветром становится вдруг (темно)индиговым, (...), точно его гладят против ворса. То налетает буря, и оно грозно пр..ображается. Штормовой ветер гонит крупную зыбь. По грифельному небу летают с криками чайки. (...) волны волокут и швыряют (в) доль берега глянцевитое тело дохлого дельфина. Резкая зелень горизонта стоит зубчатой стеной над бурными облаками шторма. Малахитовые доски пр..боя, ра..машисто (...) беглыми зигзагами пены, с пушечным громом ра..биваются о берег. Эхо звенит бронзой в (...) воздухе. Тонкий туман брызг висит кисеей во всю громадную высоту (...) обрывов.

Но главное очарование моря заключалось в какой(то) тайне, которую оно всегда хранило в своих пространствах.

Разве (н..)тайной было его фосфорическое свечение, когда в (...) июльскую ночь рука, (...) в черную теплую воду, вдруг оз..рялась, вся (...) голубыми искрами? Или движущиеся огни (н..) видимых судов и бледные медлительные вспышки (н..)ведомого маяка? Или число песчинок, (н..)доступное человеческому уму?

(В. Катаев).

Задания

1. В данном тексте пропущены прилагательные и причастия с *н* и *ни*. Восстановите текст (можно обратиться к подсказке).

Подсказка: *исписа(н, ни)ые, пламе(н, ни)ое, опуще(н, ни)ая, невида(н, ни)ое, взбаламуче(н, ни)ые, оглуше(н, ни)ом, безлу(н, ни)ую, потрясе(н, ни)ых, шерстя(н, ни)ым, осыпа(н, ни)ая.*

2. Объясните правописание *н* и *ни* в прилагательных и причастиях. Обозначьте орфограмму.

3. Выполните синтаксический разбор простого предложения с причастным оборотом.

4. Выпишите из текста по две грамматические основы с простыми глагольными и составными именными сказуемыми. Укажите способ выражения сказуемого.

5. Выпишите из текста три словосочетания с разными видами подчинительной связи. Вид связи укажите.

6. Выпишите из текста по одному слову, образованному разными способами: приставочным, суффиксальным, способом сложения.

7. Выпишите из текста слова со скобками и пропущенными буквами. Объясните их правописание. Обозначьте орфограммы.

Урок 33. Слитное, раздельное и дефисное написание слов разных частей речи (обобщение) (§ 12).

Делим класс на три или шесть групп. Каждая группа получает маршрутный лист с описанием задания и самостоятельно готовит сообщение, обобщая правила написания указанных частей речи. Основание для деления класса на группы — уровень подготовки учащихся. Материал о правописании имен существительных готовят сильные ученики, о правописании числительных — более слабые.

Маршрутный лист № 1

(группы 1 и 4)

1. Изучите таблицу «Правописание существительных слитно, раздельно, через дефис» (с. 153).

2. Сформулируйте с опорой на примеры таблицы правила написания существительных слитно, раздельно, через дефис.

3. Воспользуйтесь Приложением (с. 49–50), чтобы проверить себя и уточнить правила слитного, раздельного и дефисного написания существительных.

4. Устно проанализируйте материал упр. 101. Определите условия слитного, раздельного, дефисного написания существительных.

Маршрутный лист № 2

(группы 2 и 5)

1. Рассмотрите таблицу «Правописание прилагательных слитно, через дефис» (с. 154).

2. Сформулируйте с опорой на примеры таблицы правила написания прилагательных слитно, через дефис.

3. Воспользуйтесь Приложением (с. 51), чтобы проверить себя и уточнить правила слитного и дефисного написания прилагательных.

4. Устно проанализируйте материал упр. 103. Определите условия слитного или дефисного написания прилагательных.

Маршрутный лист № 3

(группы 3 и 6)

1. Рассмотрите таблицу «Правописание числительных слитно, раздельно» (с. 155).

2. Сформулируйте с опорой на примеры таблицы правила написания числительных слитно, раздельно.

3. Воспользуйтесь Приложением (с. 52), чтобы проверить себя и уточнить правила слитного и раздельного написания числительных.

4. Подготовьте карточку с математической задачей так, чтобы в ней были использованы различные имена числительные (простые, сложные, составные). Имена числительные запишите цифрами (задача должна иметь решение). (5–7 мин.)

Представители группы 1 и 4, опираясь на материал таблицы, представляют правила написания существительных. Остальные ученики следят по таблице, задают вопросы, если что-то непонятно. После этого все выполняют упр. 101. Участники групп 1 и 4 выступают в роли консультантов. По аналогии проводим работу групп по Маршрутным листам № 2 и № 3.

Правила написания наречий и наречных выражений вспоминаем совместно. Есть ли общее правило? При каких условиях наречия пишутся через дефис? Напоминаем: часто правописание наречий не подчиняется точным правилам и необходимо обращаться к орфографическому словарю. Затем на интерактивной доске последовательно воспроизводим предложения, в составе которых есть наречия и наречные выражения:

1) (В)перед, конечно, (в)перед, но каждый из нас что(нибудь) терял, и приходилось за ним возвращаться (на)зад. 2) Надо иметь (в)виду характеристики лесных грибов. 3) Какие разные времена, какие разные леса, какие разные деревья в лесах и как (по)разному люди их понимают! 4) Собрались (мало)(по)(малу) и другие соседи. 5) И всему у нас поверили: неслыханный сбор клюквы был (на)лицо. 6) До сих пор, если (с)верху посмотреть на северные леса, то кажется лес сплошным от самой Москвы и до северных морей. 7) Как подумаешь сейчас, (на)верху своей жизни, о суетливой беготне молодежи за материалами для литературы... 8) Не гонитесь, — говорил он, — как звери, (по)одиночке за счастьем, гонитесь дружно за правдой.

Из данных предложений выписываем словосочетания «гл. + нареч.», объясняем правописание, орфограмму обозначаем. Затем выписываем словосочетания «гл. + сущ. с предлогом», объясняем, как разграничить наречия и существительные с предлогами.

На дом: упр. 107.

Дополнительный материал

1. РТ № 1: упр. 12 (с. 35).

2. Объясните правописание следующих слов. Составьте простые односоставные предложения разных типов с пятью словами по своему выбору. В записанных

предложениях подчеркните главные члены, укажите тип предложений.

Тысяче(летие), (авиа)почта, (мать)и(мачеха), (сердце)биение, (трех)ярусный, (научно)исследовательский, (дерево)обрабатывающий, (счетно)вычислительный, (пол)день, (иссиня)черный.

3. Запишите отрывки из произведений А. Твардовского. Раскройте скобки, объясните условия выбора слитного или раздельного написания.

- 1) Гори (во)веки (не)гасимо
Тот добрый жар у нас в груди —
И все нам (в)пору, все (по)силам,
Все (по)плечу, что (в)перед.
- 2) На все, что (в)нове и (не)(в)нове,
(На)век прочны мои права.
И все смелее, (на)готове
Из сердца верного слова.
- 3) И пусть виски мои седые
При встрече видит этот край,
Куда добрался я (в)первые,
Но вы глядите, молодые,
(Не)прогадайте (не)(в)значай.

4. Запишите сочетания слов, раскрывая скобки. Укажите условия слитного или раздельного написания.

Подняться (на)верх — взойти (на)верх горы; (на)лицо грубые ошибки — прядь волос упала (на)лицо; (в)дали виден густой лес — (в)дали морской показался теплоход; (в)век не забыть этого события — (в)век информационных технологий; (во)время сдать работу — (во)время состязаний; (к)верху подняли головы — (к)верху мачты прикрепили флажок.

Урок 34. Диктант с грамматическим заданием.

Вариант I (базовый уровень)

Возле поваленной бурей сосны виднеются совсем свежие, не прикрытые порошей следы. Вот ямка в снегу. Кто-то старательно ворошил прошлогодние листья. Выньте из кармана пару орехов и постучите друг о друга. Через минуту увидите: сыплется снег с елок. Это не птица. С ветки на ветку на стук орехов идет пушистый зверек. Вот он над головой — пушистый хвост, уши с кисточками, два внимательных глаза. Протяните руку с орехами. Не раздумывая, белка прыгает на снег, смешными скачками бежит под ноги. Наклоните руку.. Угощение схвачено. Зверек сидит на сосне, с деловитым хрустом грызет гостинец. Хорош каленый орех! Белка уже не стесняется. Прыгнув в снег, проворно по

краю шубы забирается прямо в карман. Потом усаживается на плече. Возле самого уха трещат орехи. А поверху, среди веток серебряным шлейфом стелется новый след – на пир спешит еще одна белка... Сказка? Нет!.. (134 сл.)

(По В. Пескову).

Грамматические задания

1. Объясните постановку знаков препинания в предложении: *Прыгнув в снег, проворно по краю шубы забирается прямо в карман.* (I вариант); *Возле поваленной бурей сосны виднеются совсем свежие, не прикрытые порошей следы.* (II вариант). Составьте схему предложения.

2. Выпишите из текста односоставное предложение. Подчеркните грамматическую основу, укажите его тип.

3. Объясните правописание следующих слов: *наклоните, не раздумывая, поваленной, кто-то, серебряным* (I вариант); *стелется, каленый, не прикрытые, поверху, схвачено* (II вариант). Обозначьте орфограммы.

Вариант II
(повышенный уровень)

Ровная до сих пор дорога начинает опускаться. Яхонтов замечает это по тому, что его ноги теряют устойчивость, скользят вперед, и поневоле приходится выворачивать ступню боком. Потянуло острой и холодной сыростью, и тотчас же под ногами заходил и задрожал деревянный мост. Где-то внизу отразился на мгновение длинным волнистым хвостом свет фонаря.

Яхонтов опускается в седло, трогает лошадь каблучками, и она начинает осторожно перебирать ногами, вытаскивая их из вязкой глины.

Вдалеке вдруг показывается маленький огонек, который все разрастается по мере того, как рота продвигается вперед. Наконец можно разобрать большой двухэтажный дом. Весь низ его освещен изнутри очень ясно, по-праздничному, а в верхнем этаже светятся два крайних левых окна. Яхонтов глядит на эти

веселые пятна и думает о тепле, свете и довольстве. Воображается ему большая и дружная семья, веселая жизнь, танцы, смех. И его собственная жизнь кажется ему такой же тяжелой, скучной и однообразной, как эта дождливая ночь, как эта бесконечная незнакомая дорога. (150 сл.)

(По А. Куприну).

Грамматические задания

1. Выпишите из текста односоставное предложение (простое или часть сложного). Подчеркните грамматическую основу, укажите его тип (на выбор).

2. Объясните правописание следующих слов: *деревянный, где-то, разрастается, вперед, тотчас же, однообразной* (I вариант); *незнакомая (дорога), по-праздничному, двухэтажный, вдалеке, длинный, приходится* (II вариант). Обозначьте орфограммы.

3. Выпишите из текста по одному слову, образованному разными способами: приставочным, суффиксальным, приставочно-суффиксальным, сложно-суффиксальным.

Урок 35. Односоставные предложения в текстах разных функциональных разновидностей языка (§ 13).

Урок начинаем с анализа таблицы на с. 160. Вспоминаем, какие функциональные стили выделяются в русском языке. У какой функциональной разновидности языка основная форма речи – устная? Называем основные жанры каждой функциональной разновидности языка. Какие из них часто используются нами на практике?

Затем ученики читают лингвистический материал параграфа (с. 160–162) и составляют таблицу о роли односоставных предложений в текстах разных функциональных разновидностей языка. В классах с базовым уровнем подготовки таблицу составляем совместно; в классах с высоким уровнем подготовки – самостоятельно.

Тип односоставного предложения	Функциональный стиль	Цель использования
Назывные		
Обобщенно-личные		
Определенно-личные		
Неопределенно-личные		
Безличные		

Какие типы односоставных предложений следует отмечать, давая стилистическую характеристику текста, а какие типы односоставных предложений не имеют

особой стилистической окраски?

Выполняем упр. 112 и 113. Ученики читают текст упр. 112, определяют тему текста, кратко, в одном предложении,

формулируют основную мысль. Указываем принадлежность текста к функциональному стилю, отмечаем его черты. Определяем тип односоставных предложений, сказуемые которых подчеркнуты. Какова роль данных предложений в тексте? Отмечаем, что в данном тексте всего два предложения, но они достаточно объемные. Упрощаем текст, чтобы он легко воспринимался при пересказе.

Затем ученики читают текст с сайта библиотеки в упр. 113. Определяем жанр текста. Заинтересовал ли вас этот сайт? Появилось ли желание познакомиться с его материалами? Определяем стиль данного текста. Какие выразительные средства использованы? Ученики отмечают лексические, словообразовательные средства выразительности, особенности использования синтаксических конструкций, знаков препинания.

Завершаем урок творческой работой. Ученики пишут рекламное объявление для детской библиотеки, чтобы привлечь новых читателей из числа сверстников. Работу выполняем в парах или группах по 4–5 человек. Затем заслушиваем несколько рекламных объявлений, выделяем наиболее интересные, оригинальные.

На дом: подберите два небольших текста, относящихся к разным функциональным стилям (условие: в текстах должны быть использованы односоставные предложения как средство выразительности).

Дополнительный материал

1. РТ № 1: упр. 33 (с. 51), упр. 39 (с. 55).
2. Прочитайте тексты, определите их стилистическую принадлежность. Подчеркните односоставные предложения, укажите их тип. С какой целью использованы в текстах односоставные предложения?

- 1) Чудная картина,
Как ты мне родна:
Белая равнина,
Полная луна,
Свет небес высоких,
И блестящий снег,
И саней далеких
Одинокий бег.

(А. Фет).

- 2) Усадьбу Архангельское часто называют «подмосковным Версалем». Одна из богатейших усадеб России почти полностью сохранила до наших дней не только планировку, но и основные постройки.

(Из путеводителя «Подмосковье»).

3) А в чем самая большая цель жизни? Я думаю: увеличивать добро в окружающем нас. А добро — это прежде всего счастье всех людей. Оно складывается из многого, и каждый раз жизнь ставит перед человеком задачу, которую важно уметь решать. Можно и в мелочи сделать добро человеку, можно и о крупном думать, но мелочь и крупное нельзя разделять. Многое, как я уже говорил, начинается с мелочей, зарождается в детстве и в близком. (Д. Лихачев).

Урок 36. Обучающее сочинение-описание.

Предлагаем ученикам прочитать тексты упр. 111. Определяем тему каждого текста, стилистическую принадлежность, тип речи. Что является предметом описания в каждом тексте? Какие предложения преобладают в каждом из них? Докажите, что односоставные предложения являются средством художественной выразительности. Чего достигает автор, используя односоставные предложения? Какова связь между типом односоставных предложений и тем, что является темой изображения в тексте-описании? Обращаемся к первому тексту. Что является предметом изображения? Кто изображен на описываемом портрете? В какой последовательности автор дает описание? Отмечаем, что автор лишь намечает общий облик женщины: платье, волосы. И детально описывает только глаза: их цвет и выражение.

Авторы учебника предлагают написать сочинение-описание по портрету работы Н.В. Неврева (с. 163). Рассмотрим «Портрет молодой женщины в черном бархатном платье». Целесообразно дать изображение крупным планом (воспроизводим на интерактивной доске). Проецируем на доску также репродукции портретов И.С. Глазунова «Вера» (1980), А.М. Шилова «Моя бабушка» (1977). Так ученики смогут самостоятельно выбрать тему сочинения. Сообщаем, что каждая из представленных работ является одним из лучших произведений в творчестве художника. Последовательно рассматриваем репродукции. Остановимся на каждом портрете.

И.С. Глазунов, «Вера». Перед нами портрет дочери художника. Внимательно взглянем в черты ее лица. На что сразу обращаем внимание? Какие у девочки глаза, губы? Какие чувства вызывает взгляд девочки? Что можно сказать о ее характере? Можно ли назвать особенные качества натуры?

Н.В. Неврев, «Портрет молодой женщины в черном бархатном платье». Что выделяет художник? Выразительное молодое лицо женщины. Что привлекает в ее лице? Какие чувства она может испытывать? Каков ее характер?

А.М. Шилов, «Моя бабушка». Перед нами портрет старого человека. Нравится ли вам это лицо? Напоминает ли вам вашу бабушку, какую-либо знакомую, родственницу? Что для художника является главным в портрете? Что отражают глаза героини? О чем говорит взгляд бабушки, ее поза, руки? Что можно сказать о ее характере? Ее жизни?

После проведения предварительной беседы ученики пишут сочинение-описание по одному из портретов с использованием односоставных назывных предложений.

На дом: завершить работу над сочинением (если не успели на уроке); подготовиться к словарному диктанту (рубрика «Пишите правильно» на с. 140, 145, 147, 152).

Уроки 37, 38. Интервью (§ 14).

В начале первого урока проводим словарный диктант на основе слов рубрики «Пишите правильно»:

Примитивная коммуникация; привилегия, принадлежащая деспотичному императору; карьера политика; пренебрегать претензиями претендентов; лицензия на тираж комплекта презентаций; синтезировать контакты; авторитетный персонаж; ликвидировать расчет; сакральная реликвия.

Вспоминаем признаки публицистического стиля, основные жанры. Предлагаем ученикам рассмотреть иллюстрации на с. 165. Что их объединяет? В какой ситуации общения берут интервью? Обращаемся к словарю и находим толкование слова. Записываем в тетради по модели: *Интервью — это ...*

Кто является участниками интервью? Отмечаем, что стороны называются *интервьюер* и *интервьюируемый*. Что подразумевает проведение интервью? Что является самым сложным в его проведении? Нравится ли вам этот жанр? Вы предпочитаете читать или слушать интервью? Затем ученики самостоятельно знакомятся с теоретическим материалом (с. 165–166) и составляют таблицу:

Вид интервью	Тема интервью	Цель интервью
Информационное		
Аналитическое		
Портретное		

Опираясь на материалы таблицы, учащиеся сжато пересказывают теоретический материал.

Затем знакомимся с текстом — фрагментом интервью Д.С. Лихачева, опубликованного в газете «Комсомольская правда» в марте 1996 г.

Журналист. Сколько слов было о защите культуры — водопад! Инфляция слова, забалтывание высоких понятий — это же не менее пагубно для души и русского языка, чем партийная цензура. И результат тот же — немота. Тогда сказать было нельзя, а сейчас — нечего. Мне кажется даже, что люди в автобусе не общаются, а мычат друг на друга.

Д.С. Лихачев. Мы страна без обращения к другому. Вот что я слышал от одного эмигранта, приехавшего в Россию: «Вы знаете, что у вас заменило обращение к другому человеку? Слово “ну”. Всегда к нам обращается экскурсовод и говорит: “Ну, пойдём...”, “Ну, сейчас будем обедать...”». Привычка обращаться с понуканием вошла в язык. Помню, как в 37-м году, когда начались массовые аресты, вдруг я услышал, что вместо «товарищ» стали везде

говорить «гражданин». А случилось то, что каждый человек стал подозреваем.

Журналист. Это был официальный запрет?

Д.С. Лихачев. Я не знаю, какой это был запрет, я его не читал. Страна без уважения к другой личности. Какие отношения вообще возникают с детства, со школы, если девочки начинают матюкаться? У меня очень много писем по поводу мата, как осторожнее говорили до революции, «трехэтажных выражений».

Журналист. А Вам приходилось прибегать к ненормативной лексике в каких-то крайних ситуациях?

Д.С. Лихачев. Нет, не приходилось.

Журналист. Даже в лагере?

Д.С. Лихачев. Даже там. Я просто не мог материться. На Соловках я встретил коллекционера Николая Николаевича Виноградова. Вскоре он стал своим человеком у начальства. И все потому, что он ругался матом. За это многое прощалось. Расстреливали чаще всего тех, кто не ругался. Они были «чужие».

Журналист. Еще сто лет назад в словаре русского языка было 287 слов, начинающихся с «блага». Почти все эти слова исчезли из нашей

речи, а те, что остались, обрели более приземленный смысл. К примеру, слово «благоденжный» означало «исполненный надежды», «ободрившийся»...

Д.С. Лихачев. Слова исчезли вместе с явлениями. Вот «порядочность». Николай Калинин Гудзий меня всегда поражал — о ком бы я ни заговорил, он спрашивал: «А он порядочный человек?» Это означало, что человек не доносчик, не украдет из статьи своего товарища, не выступит с его разоблачением, не нарушит слова. А «любезность»? «Вы оказали мне любезность». Это добрая услуга, не оскорбляющая своим покровительством лицо, которому оказывается. Целый ряд слов исчезли с понятиями. Скажем, «воспитанный человек». Это прежде всего раньше говорилось о человеке, которого хотели похвалить.

Журналист. После первых документальных фильмов с Вашим участием и телевизионных встреч в «Останкино» Ваша речь стала эталоном речи культурного человека. А кого бы Вы могли поставить в пример, чья речь Вам нравится?

Д.С. Лихачев. В свое время эталоном русской речи был язык актеров Малого театра. Там традиция была со щепкинских времен. И сейчас надо слушать хороших актеров.

Журналист. Слова за годы нашей жизни обрастают только нам ведомыми оттенками, воспоминаниями — так обрастает корабль ракушками. Может, поэтому мне кажутся такими интересными словари писателей. Их, увы, немного. Словарь языка Пушкина, который давно стал редкостью, недавно вышел словарь к пьесам Островского...

Д.С. Лихачев. Я бы поставил на первое место необходимость создания словаря Бунина. Его язык богат не только связью с деревней и дворянской средой, но еще и тем, что в нем литературная традиция. Самое печальное, когда люди читают и незнакомые слова их не интересуют, они пропускают их, следят только за движением интриги, но не читают вглубь. Надо учиться не скоростному, а медленному чтению. Пропагандистом медленного чтения был академик Шерба. У Шербы я научился ценить наслаждение от медленного чтения.

Определяем тип данного интервью, указываем основные признаки. Какова тема интервью? Почему именно эта тема легла в его основу? Выделяем основные тезисы интервью, записываем в тетради.

Затем читаем фрагмент интервью, данного в упр. 115. Кто участвует в интервью? Что вам известно о В.В. Шахиджаняне? Можно принести на урок книги автора или воспроизвести обложки на интерактивной доске. Какова тема интервью? Слушаем пропущенный фрагмент из интервью с В.В. Шахиджаняном и определяем,

к какому из заданных вопросов он относится. Находим место в тексте, после которого следует этот фрагмент. Затем слушаем аудиозапись, воспроизводящую продолжение интервью. Конкретизируем вопросы, на которые отвечает собеседник журналиста. Что объединяет оба интервью (с Д.С. Лихачевым и с В.В. Шахиджаняном)? Определяем ключевые положения, фиксируем их на доске и в тетрадях. Обращаем внимание, что временная дистанция между этими интервью составляет почти 20 лет. Утратила ли эта тема актуальность?

На дом: провести блиц-интервью.

Комментарий к д/з. Класс делим на пять групп. Каждая группа интервьюирует людей определенного возраста, социального статуса: I группа — учителей школы; II группа — сотрудников школы (не учителей); III группа — учеников X—XI классов; IV группа — учеников VIII—IX классов; V группа — родителей или старших членов семьи.

Определяем перечень связанных одной темой вопросов (5–6). Количество опрашиваемых должно быть одинаковым для каждой группы (15–20 чел.).

Приблизительные вопросы:

1. Как вы полагаете, работники электронных средств массовой информации хорошо владеют русским языком?

2. Чья речь грамотнее: работников электронных СМИ или печатных?

3. Ваше отношение к речи современных подростков.

4. Используете ли вы в своей речи современную жаргонную лексику?

5. Используете ли вы в своей речи ненормативную лексику?

На втором уроке ученики обрабатывают данные, полученные в результате опроса. Каждая группа представляет результаты в виде диаграммы. Результаты опроса сводим в общую диаграмму и анализируем полученные данные. Вывод ученики сначала формулируют в группах. Затем заслушиваем их мнения и записываем наиболее четкий вывод.

На дом: провести интервью по данным вопросам у одного из членов семьи; интервью записать.

Урок 39. Синонимия односоставных и двусоставных предложений (§ 15).

Начинаем урок с анализа предложений из упр. 118 (задание 1). Указываем грамматические основы, определяем тип односоставных предложений. Сравниваем предложения в примерах 1 и 5. Являются ли

синонимичными односоставные и двусоставные предложения? Можно ли подобрать синонимичные двусоставные предложения к остальным примерам? Читаем текст из задания 2 упр. 118. В качестве примеров подбираем предложения задания 1. Затем устно выполняем упр. 119. Определяем тип каждого предложения. В какой ситуации они могут быть использованы? В каких предложениях возможно включение подлежащего-местоимения, в каких — нет, а в каких оба варианта уместны?

Редактируем текст (упр. 122): ученики в парах знакомятся с текстом, называют выразительные средства лексики и указывают, с какой целью необходимо провести редактирование. Выслушиваем несколько вариантов ответов и обсуждаем, какой из них наиболее интересен.

Анализируем предложения в упр. 124. Определяем структуру предложения, подчеркиваем грамматические основы. Указываем, к какому типу односоставного предложения относится первая часть сложного предложения. Выделенную односоставную часть заменяем двусоставной, подставляя подлежащие из рамки. Можно ли говорить об абсолютной синонимии? Какие различия в значении можно установить?

Затем ученики в парах письменно выполняют упр. 127: перестраивают предложения, придавая им обобщенный характер. Проверяют, обмениваясь тетрадями.

Далее совместно выполняем упр. 130 (заменяем двусоставные предложения односоставными безличными). Записываем безличное предложение, отмечаем различия

в значении и стилистической окраске. В безличном предложении подчеркиваем сказуемое, указываем, какой частью речи оно выражено.

На дом: упр. 126 или 128 (на выбор).

Дополнительный материал

1. РТ № 1: упр. 25 (с. 46).

2. Прочитайте стихотворные отрывки. Подчеркните главные члены, укажите тип односоставных предложений (в том числе тех, которые представляют собой части сложных предложений). К односоставным предложениям подберите синонимичные двусоставные, запишите их. Как меняется при этом смысл предложений?

Сквозь пыльные, желтые клубы
Бегу, распутивши свой зонт.

(А. Белый).

Посмотришь в окно —
Часы из фарфора с китайцем.

(Он же).

Шумите, вешние дубравы!
Расти, трава! Цвети, сирень!
Виновных нет: все люди правы
В такой благословенный день!

(И. Северянин).

Знаешь, с охоты его принесли,
Тело у старого дуба нашли.

(А. Ахматова).

По аллее проводят лошадок,
Длинные волны расчесанных грив.

(Она же).

Страшно мне от звонких воплей
Голоса беды.

(Она же).

(Окончание см. в следующем номере.)

SUMMARY

METHODICS AND EXPERIENCE

Shatalova O.V. About the Formation of Harmonic Reality Perception among Schoolchildren (By the Example of Classic and Regional Literatur).

The article proves the ability to appreciate the regional culture as the strand of Russian culture; offers the procedures system that allows in Russian language teaching to make actual the conceptual significance of language events and written word composing the specifics of a certain region culture and harmonically involving in the general Russian culture.

Key words: *patriotism; regional culture; literature; Harmonic Reality perception.*

Shutan M.I. The Systematization of the Punctuative Material in 10–11th Forms.

The model of punctuative material systematization in higher forms that takes into account the syntax nature of different rules of punctuation is offered in the article.

Key words: *punctuation principles; punctuation marks functions; syntactic link; syntactic constructions; author punctuation.*

Philology lessons

Yasakova E.A. "Ispepyayushie Gody! Bezum'ye l v vas, Nadezdy l Vest?" (By A. Block's Poem "Dvenadtsat").

The presented material sums up the known methods of school interpretation of literary works, points of view to the poem's problem and author's position (poet's attitude to the revolution and processes connected with it) and offers the original methodics of the composition of the lesson for 100th anniversary of October Revolution.

Key words: *revolution; squall; moral compass; tradition and innovation; polyphony; dramatic reading; adaptation for the stage; work in groups.*

Didactic material

Pachnova T.M. "Yazyk Otkryvaet Svoi Chertogi i Kladovyie Tolko Ludyam s Raskrytoi Dushoi, Tem u Kogo Serdtse ne Zacherstvelo..." ("The Language Opens its Palaces and Storerooms only to People Who Have Unlocked Heart and Whose Heart hadn't Got Stale...") (Texts by V.I. Belov and about Belov at Russian Language Lessons).

The didactic material is prepared for 85th anniversary of V.I. Belov and oriented to the complex work with text.

Key words: *language; speech culture; literacy; interest to reading; native land; nature; music; conscience; soul; national languages; aesthetic sense.*

METHODOLOGICAL MAIL

Bondarenko M.A. Words Born by the October.

The article offers the material for the lessons dedicated to language processes connected with the Revolution of 1917 which 100th anniversary is noted this year. The special attention is paid to the lexical level of the language. The word-building and semantic reinterpretation of old words are considered as the basic resources for creating of the modern age dictionary.

Key words: *the October revolution; speech culture; revolution language; lexis; stenolalism; name-creating.*

Such different lessons...

Levushkina O.N., Shelyapina I.I. "... Poidem ze vdol Sten i Kolonn, s Lexicheskoy Yarkoy Otkraskoy ot Sobstvennykh Etich Imen" ("... Let's Go along the Walls and Columns with the Lexical Bright Colour of These Proper Nouns") (The Lesson of Composing of the Excursion across St. Petersburg).

The lesson is the class of speech development in 8th form. It's dedicated to composing of St. Petersburg monuments of architecture description. The descriptions are turned into the text of on-line tour across the city. Speech and linguoculturological text characteristics are used at preparatory stage of work.

Key words: *lesson of monuments of architecture description; speech and linguoculturological text characteristics; monuments of architecture; publicistic and literary texts; work in groups; on-line tour; search and investigative activity.*

LITERARY TEXT ANALYSES

Fedorov A.V. "Humanity, Commune, Progress...": the Sphere of Concepts of Russian Nihilism in A.K. Tolstoy's Ironical Interpretation.

The ballade of A.K. Tolstoy "Potok-Bogatyry" is considered in the article. Language self revelation of characters (usage of passwords) is used as the procedure for ending of satiric purposes by the author.

Key words: *sphere of concepts; nihilism; progress; feminism; satiric; ballade.*

Munder M.K. The Role of Outdated Lexis in Implicit Senses Building (By the Material of M.Y. Lermontov's Works).

The article considers the correlation of notions "archaism" and "trope"; shows how archaic levels serve as the means for representation of three implicit ideas in M.Y. Lermontov's work: author, invariant and perceptive; points the role of archaic lexis in opening of the poet's inner world; marks the frequent nomination method for implicit senses building.

Key words: *outdated lexis; archaism; historicism; implicitness; trope.*

Pavlov D.I. The Function of Metatext in A. Bely's Novel "Petersburg".

The article is dedicated to metatext functions. The author analyses parenthesis of different structure and volume paying the special attention to brackets as the mark of metatext functions.

Key words: *metatext; function; author's comment; brackets; parenthesis.*

LINGUISTIC NOTES

Fedoseev V.A. About Relations between Components of Simple Sentences.

The analyzing relations between components of simple uncomplicated sentences are qualified by the author as logical-grammatical. The author briefly expounds the principle of their formation and methods of grammar filling out. It allows to describe the semantics and the structure of simple sentences more exactly and in a well-argued manner.

Key words: *binary construction; logical-grammatical relations; subject of predicative demonstration; predicate; free word type; causator; predicative relations; subordinating relations; relations of free spreading; deterministic resultative relations; syntactic link; conjugacy; subordinating link; sense coordination.*

IN THE WORLD OF WORDS

Zelenin A.V., Rudnev D.V. *Competition: from the Past to the Present.*

The article considers four stages of language life of cognate words *rveniyе, revnost, revnovat, sorevnovat, sorevnovaniye, sorevnovatsya* in Russian language during thousand-year history: calquing word meanings into Old-Russian from Greek prototypes; changing of word meanings and appearance of new co-occurrence in 18th century that reflects language links with European languages for new ideas and notions expressing; the transformation of word meanings in Soviet period and loss of some etymologic links; use of the word *sorevnovaniye* in the modern youth slang.

Key words: *semantics; calquing; co-occurrence; lexis politization; youth slang; word-building; English and American influence.*

RUSSIAN LANGUAGE IN INSTITUTIONS OF HIGHER EDUCATION

Chepkova T.P., Pozdnyakova A.A. The Module “Country Studies through Language” in the System of Foreign Philologist Students Training on Russian Language (Ending).

LINGUISTIC HERITAGE

Nikitin O.V. The linguistic heritage of D.N. Kudryavsky (For 150th Anniversary of the Birth).

The article considers the problems of theory and history of linguistics at the turn of 19–20th century that got development in works of the notable linguist D.N. Kudryavsky (1867–1920). The author pays special attention to the review of scientific ideas, expounded in the forward-looking lectures course “Introduction to Linguistics”, their links with the new tendencies in Russian and world science of 20th century beginning and marks their value for understanding of the follow linguistic tradition in Russia. The little known facts of D.N. Kudryavsky’s collaboration with “Encyclopaedical Dictionary” of Brokgauz-Efron are pointed in the article.

Key words: *general linguistics; scientific tradition; comparativistics; logic and form in language; psychology; association; applied linguistics.*

For 100th anniversary of the Russian orthography reorganization

Naumenko S.V. The Chronicle of Orthography Work of Postreform Period (1917–1936).

The article is dedicated to the general events and themes of orthographic discussion of postreform period that connected with attempts of different publishing houses and departments to solve outstanding issues of orthography and also with activities of orthographic commissions of State publishing House of USSR, ASUSSR and People’s commissariat of education of the Russian SFSR. The general principles of orthography normalization are set.

Key words: *orthographic disparity of postreform period; issue of the new reform on phonetic basis; spontaneous attempts of unification; orthographic commissions; orthographic dictionaries and reference books; “The Act of Orthographical Rules” (1936); normalization principles.*

CONSULTATION

EDITORIAL BOARD

Editor in chief: N.A. Nikolina

L.G. Antonova, B.G. Bobylev, N.S. Bolotnova, G.N. Vladimirskaia, J.N. Gosteva, A.D. Deikina, O.E. Drozdova, E.L. Erokhina, A.V. Zelenin (*Republic of Finland*), L.P. Krysin, V.V. Lopatin, O.V. Nikitin, B.J. Norman (*Republic of Belarus*), S.S. Oganessian, T.M. Pakhnova, V.M. Pakhomov, M.N. Priemysheva, B. Toshovich (*Republic of Austria*), S.N. Tseitlin, M.R. Shumarina.

Научно-популярный и научно-методический журнал

РУССКИЙ ЯЗЫК

в школе и дома

Октябрь

Издатель – ООО «Наш язык» Выходит 12 раз в год ISSN 2541–8793

12 +

СОДЕРЖАНИЕ

	2	Учебник+
Слова текут — вода живая	7	
	12	У нас на уроке
Рабочая тетрадь	15	
	18	Кроссворд
Ответы	19	
	20	Увы! Так говорят и пишут...

Как правильно работать со словарем

Словарь помогает незнанию, памяти
и соображению, помогает тем более, чем
лучше составлен.
И.И. Срезневский

Нахождение достоверной информации о слове непосредственно связано с умением правильно работать со словарем, который может быть как *энциклопедическим*, так и *лингвистическим*.

Если мы хотим получить сведения о предмете, событии, явлении (т.е. о реалии), следует обратиться к *энциклопедическим словарям*, в задачу которых, естественно, не входит описание самих слов. К энциклопедическим словарям относятся справочники, энциклопедии по различным отраслям знания. При этом энциклопедии делятся на *общие* и *специальные* (отраслевые). Примером общих энциклопедий могут служить «Большая советская энциклопедия», «Большой энциклопедический словарь», «Большая российская энциклопедия» и др. В изданиях данного типа раскрывается сущность самих реалий. Так, в «Большом энциклопедическом словаре» (М., 1991. – Т. 2. – С. 531) сущность реалии УРОК объясняется следующим образом:

осн. форма орг-ции уч. занятий при классно-урочной системе обучения в общеобразоват. школах, профтехучилищах и ср. спец. уч. заведениях. Характеризуется строго установленным объемом уч. работы и порядком ее выполнения в рамках определ. времени (обычно 45 мин).

К специальным энциклопедиям относятся, например, энциклопедия «Русский язык» (М., 1979; 2-е изд. – М., 1997), «Энциклопедический словарь юного филолога» (М., 1984), «Стилистический энциклопедический словарь русского языка» (М., 2003), «Школьный энциклопедический словарь "Русский язык"» (СПб., 2013. Доступен в виде iOS-приложения).

Назначение *лингвистических словарей* – дать словам толкования, указать их основные значения, прямые и переносные, а также охарактеризовать слова грамматически и стилистически. Теория и практика составления словарей входят в компетенцию специальной науки – лексикографии, которую также справедливо считают искусством. Выбор формулы толкования – самая сложная часть в работе лексикографа. По этому поводу Рене Декарт справедливо заметил: «Определяйте значения

слов, и вы избавите мир от половины его заблуждений». Приведем с некоторыми сокращениями пример толкования слова *урок* в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (4-е изд. – М., 2014. – С. 778):

УРО́К, -а, м. **1.** Учебный час (в средних учебных заведениях), посвященный отдельно-му предмету. *Учитель дает у.* **2.** Обычно мн. Учебная работа, заданная школьнику на дом. *Задать уроки.* **3.** Нечто поучительное, то, из чего можно сделать вывод для будущего. *Уроки истории.* **4.** Преподавание школьных учебных предметов частным образом отдельным лицам. *Давать, брать уроки.* **5.** Работа, заданная для выполнения в определенный срок (устар.). *Выполнить дневной у.* | *прил. урочный*, -ая, -ое (к 1 и 5 знач.).

Пока остается неясным, какая информация о слове содержится под соответствующими цифрами, что скрыто под использованными сокращениями и условными знаками. Поэтому, прежде чем начать работу со словарем, следует внимательно прочитать предисловие к нему. В предисловии, а также в разделе «Как пользоваться словарем» указывается, нормативный это словарь или нет, причем принцип нормативности охватывает весь подбор слов, их толкования, постановку ударения, морфолого-синтаксические и стилистические характеристики слов, иллюстративно-доказательный материал. Например, нормативным является «Словарь русского языка» в четырех томах (Малый академический), а ненормативным – словарь «Прописная или строчная?» Д.Э. Розенталя, имеющий подзаголовок «Опыт словаря-справочника».

В разделе «Как пользоваться словарем» (или в аналогичном по содержанию разделе, названном по-другому) приводятся сведения, касающиеся состава (т.е. словника) и структуры словаря, структуры словарной статьи, определения значений слова. Наряду с этим охарактеризованы фразеология, примеры-иллюстрации, грамматические и стилистические пометы, произношение и ударение, правописание, этимологические справки к иноязычным словам и др.

Слово и весь комплекс его значений, грамматических и стилистических помет, а также иллюстративно-доказательные примеры формируют *словарную статью* (в вышеприведенном примере – к слову *урок*). Структура словарной статьи зависит от типа словаря. Как правило, на первом месте в словарной статье помещено заголовочной слово (заголовок), набранное прописными буквами и полужирным шрифтом, затем приводятся акцентологическая (ударение) и грамматическая характеристики (например, у существительного указано окончание в род. пад. и род). Далее расположены толкование слова, доказательно-иллюстративные примеры и в отдельных случаях – справки историко-этимологического и библиографического характера.

Порядок расположения слов в словаре в большинстве случаев алфавитный (Словарь С.И. Ожегова, Большой и Малый академические словари и др.), иногда гнездовой, т.е. в одной словарной статье собраны все однокоренные слова одного словообразовательного гнезда (Словарь В.И. Даля).

При работе со словарем следует учитывать, что многозначному слову посвящена одна словарная статья с цифровыми обозначениями каждого значения внутри статьи, а словам-омонимам – разные словарные статьи с выносом цифры над строкой. Пример подачи многозначного слова в Малом академическом словаре:

ВЫ́СТОЯТЬ¹. (несов. выстаивать). Простоять где-л. в течение какого-л., обычно длительного, времени. *Выстоять два часа в очереди за билетами.* **2**. Удержаться в определенном положении, сохранив свои свойства, качества. *Эта постройка выстоит еще много лет.* **3**. Выдержать тяжелые испытания, не отступив перед ними, не сдаться в тяжелой борьбе. *Я верю – вынесу войну, сто ран приму, но выстою.*

Умение находить нужное значение многозначного слова в контексте отражено в 3-м задании 1-й части ЕГЭ.

Пример подачи слов-омонимов в том же словаре:

БОКС¹, -а, м. Вид спорта, кулачный бой по особым правилам.

БОКС², -а, м. Мужская стрижка, при которой волосы на висках и затылке выстригаются или сбиваются.

БОКС³, -а, м. Отгороженная часть помещения в лечебных учреждениях для изолированного содержания больного.

В разделе «Как пользоваться словарем» представлена система помет, указывающих на стилистическую и грамматическую характеристику слова. Например, помета *книжн.* (книжное) означает, что слово принадлежит к речи книжной; помета *разг.* (разговорное) ставится при словах, свойственных речи разговорной, обиходной; помета *прост.* (просторечное) характеризует слова, принадлежащие к нелитературной (ненормированной) речи; помета *устар.* (устарелое) сопровождает слова-архаизмы, вышедшие из активного употребления в современном языке. Система грамматических помет указывает на принадлежность слова к определенной части речи (*мест.*, *числит.*, *нареч.* и т.п.), грамматическому роду (*м.*, *ж.*, *ср.*), при глаголах указывается вид (*сов.*, *несов.*) и т.д.

В этом же разделе словаря обычно содержится перечень условных знаков, употребляющихся внутри словарной статьи. Однако следует учитывать, что содержание этих знаков может иметь разное значение в разных словарях. Так, знак одна вертикальная черта | может указывать на особенности употребления слова, характерные для того или иного его значения; знак две вертикальные черты || может обозначать оттенки значения слова; знак ♦ или ◇ может указывать на то, что за ним приводятся фразеологические выражения.

Создание словарей – сложный многоаспектный труд, требующий от составителей широкого лингвистического кругозора и умения чувствовать слово во всех его проявлениях. Вполне естественно, что в словарях могут встречаться неизбежные неточности и ошибки. Например, современный читатель с удивлением обнаружит, что во всех изданиях Словаря С.И. Ожегова (и Словаря С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой) слова *винегрет* и *салат* до сих пор имеют одинаковое (!) толкование:

Холодное кушанье из мелко нарезанных овощей, мяса или рыбы, яиц с соусом, маслом.

Между тем даже рядовому носителю русского языка совершенно ясно, что *винегрет* – это не *салат*. Данное обстоятельство адекватно отражено во втором (незаконченном) издании Большого академического словаря, в котором слову *винегрет* дано верное толкование:

Холодное кушанье в виде смеси мелко нарезанных овощей (куда обязательно входит свекла, иногда рыба или мясо), приправленное растительным маслом, уксусом и т.п.

При выборе словаря необходимо учитывать его «возраст». Ведь лексика языка – самая подвижная часть его структуры. Слова имеют свойство переходить в разряд историзмов и архаизмов. В языке появляются неологизмы, непрерывно происходит обновление смыслового объема многозначного слова, изменяется стилистическая и другие характеристики слова. Так, знаменитый четырехтомный «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова отражает лексику первой половины XX в. и стал теперь в известной степени «историческим», поскольку нормы литературного языка к настоящему времени изменились.

Впрочем, этот словарь еще при жизни Д.Н. Ушакова стал авторитетным источником для широких кругов читателей и до сих пор вызывает интерес исследователей. В народном сознании сохранился следующий забавный случай:

Как-то Дмитрий Николаевич шел по Сивцеву Вражку (это улица в Москве в районе Арбата). Его увидели два школьника. Один из них сказал другому:

– Смотри, Ушаков идет!

А тот ответил:

– Ты что! Ушаков – это словарь, как же он идти-то может? (Отечественные лексикографы XX в. Хрестоматия. – М., 1999. – С. 60).

Спрос на словари в современном обществе продолжает оставаться достаточно высоким. Однако при этом весьма желательно пользоваться словарями, изданными в последние годы, причем такими, которые созданы сотрудниками академических лингвистических институтов РАН, известными учеными, а не случайными авторами-неспециалистами. Примером авторитетных словарей, получивших общественной признание, могут служить «Русский орфографический словарь» (2-е изд. – М., 2007), «Большой орфоэпический словарь русского языка» (М., 2012) и продолжающий издаваться «Большой академический словарь русского языка». Определение *новый* в названии некоторых словарей не должно вводить читателя в заблуждение: в большинстве случаев это тривиальная рекламная уловка.

Искать нужную информацию о слове можно не только в толковых словарях, являющихся комплексными, но и в словарях аспектных, отражающих конкретный аспект лексикографического описания. Это словари синонимов, антонимов, омонимов, паронимов, орфографические, словообразовательные и т.п. Особую популярность за последние годы приобрели словари трудностей, например, стилистический словарь вариантов «Грамматическая правильность русской речи» Л.К. Граудиной,

В.А. Ицковича, Л.П. Катлинской (3-е изд. – М., 2004), «Трудности русского языка: Словарь-справочник» (4-е изд. – М., 2011), «Словарь трудностей русского языка» Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой (11-е изд. – М., 2016).

К настоящему времени издано много школьных словарей и справочников, среди которых, на наш взгляд, весьма полезны для подготовки к ОГЭ и ЕГЭ следующие книги:

Баранов М.Т. Школьный орфографический словарь русского языка. 5–11 классы. – М., 2016.

Баранова М.М. Новый школьный универсальный словарь русского языка. – М., 2009.

Гридина Т.А. Школьный орфоэпический словарь русского языка. – М., 2011.

Коновалова Л.Ф. Русский язык: Большой справочник для подготовки к ЕГЭ. – М., 2008.

Мудрова И.А. Школьный словарь. Слитно-раздельно. – М., 2014.

Мудрова И.А. Школьный словарь трудностей русского языка. – М., 2013.

Николина Н.А. Школьный морфемный словарь русского языка. – М., 2013.

Скорлуповская Е. В., Снетова Г.П. Школьный толковый словарь русского языка. – М., 2016.

Русские писатели, поэты, деятели искусства и науки всегда с уважением относились к словарю. Его проникновенный образ создан в замечательном стихотворении С.Я. Маршака «Словарь» (1946):

Усердней с каждым днем гляжу в словарь.
В его столбцах мерцают искры чувства.
В подвалы слов не раз сойдет искусство,
Держа в руке свой потайной фонарь.
На всех словах – события печать.
Они дались не даром человеку.
Читаю: «Век. От века. Вековать.
Век доживать. Бог сыну не дал веку.
Век заедать, век заживать чужой...»
В словах звучит укор, и гнев, и совесть.
Нет, не словарь лежит передо мной,
А древняя рассыпанная повесть.

Важная роль словарей в жизни общества отражена в мудром высказывании И.И. Срезневского: «Словарь отечественного языка есть одна из самых необходимых настольных книг для всякого образованного человека... Равнодушие, ленивое или невежественное, одно не нуждается в словаре; напротив того, образованность не постыдится никогда брать в руки словарь и останавливаться на объяснении слов, неизвестных или не совсем понятных». Огромное наследие, накопленное отечественной лексикографией, вполне заслуживает того, чтобы мы научились уметь им пользоваться.

А.В. БАРАНДЕЕВ
Москва

Слова текут — Вода живая

Из истории терминов вулканологии: *извержение, выброс и другие*

Слово **вулкан** появилось в русском языке в Петровскую эпоху. Это грозное явление природы неизменно привлекало внимание всех естествоиспытателей XVIII в. Именно тогда начала формироваться и вулканологическая терминология.

Глагол **извергать** отмечается в русских памятниках с XIV в. (см.: СлРЯ XI–XVII вв. – Вып. 6. – С. 109). Никакого отношения к вулканам он не имел и значил ‘выбрасывать, выкидывать’ и ‘изгонять, исключать из’. Глагол *извергать* в «вулканическом» значении появляется в начале XVIII в. Он представляет собой семантическую кальку немецкого глагола *auswerfen*, который наряду со значением ‘выбрасывать’ имел также значение ‘извергать (огонь, лаву)’. В таком значении он зафиксирован в переводе с латинского языка «Географии генеральной» Б. Варения (М., 1718. – С. 92):

Вулкан или жупелная гора, которая некогда разседшися (расколовшись, треснувши. – Н. А.) превеликое камение извергла.

Там же находим другой вариант калькирования:

На гребне перувианском глаголем кордиллеры... горы вулканские, ово дымящаяся, ово же горящие, и огонь изметающие глаголются быти. (С. 92).

Соответственно и существительное **извержение**, ранее имевшее значение ‘выбрасывание; изъятие; изгнание; исключение из’, приобрело «вулканическое» значение, соответствующее нем. *Auswurf*. Новое значение находим у С.П. Крашенинникова в «Описании земли Камчатки» (СПб., 1755. – Т. I. – С. 171):

Самое страшное возгорение (Авачинской сопки. – Н.А.) было в 1737 году <...>, а окончалось извержением великой тучи пеплу, которым около лежащие места на вершок покрыты были.

Любопытно отметить, что в том же источнике встречается слово *извержение* в его исходном значении:

Другого спасения не было, как обলেখить его (корабль. – Н. А.) извержением клади. (Т. II. – С. 291).

«Словарь Академии Российской» (СПб., 1789. – Т. I. – С. 971) дает такое толкование:

ИЗВЕРЖЕНИЕ. 1. Выкидывание, выбрасывание. *Извержение младенца* (выкидыш. – Н.А.). *Извержение огнедышащей горы*. 2. Лишение сана по суду духовному.

Вплоть до конца XVIII в. слова *извергать*, *извергаться*, *извержение* еще не стали единственными для обозначения активизации вулканической деятельности. Как синонимы к термину *извержение* выступают слова **изрыгание**, **выкидывание**, **изметание**. Ср.:

...при изрыганиях Везувия... (Академические известия, содержащие в себе историю наук и новейшие открытия оных. – СПб., 1779. – Т. II. – С. 384); ...пепельные дожди... от изрыгания огнедышащих гор. (Н о л л е т Ж.А. Уроки экспериментальной физики / Пер. И. Вельяшева-Волынцева. – СПб., 1781. – Т. III. – С. 362).

В 1707 г. на о. Санторин в Эгейском море произошло извержение, сопровождавшееся страшным грохотом:

В исходе августа были сии громовые изметания редки... Когда они восставали, то показывался большой пламень, за коим следовал черный и мрачный дым, перемешанный с пеплом... (Книга Сибиллы о переменах земли, дополнение к Цигеновым известиям о предстоящей великой перемене на земном круге. – СПб., 1786. – С. 36–37).

«Полной французской и российской лексикон» (СПб., 1786) сообщает:

Éruption... от выкидывания пламени из Везувия утихло землетрясение. (Т. I. – С. 434).

В «Полном немецко-русском словаре, из большого грамматикально-критического словаря г. Аделунга составленном» читаем:

Auswerfen... Der Berg wirft Feuer aus гора извергает, изрыгает огонь... Auswurf изрыгание огнедышащей горы. (СПб., 1798. – Ч. I. – С. 183–184).

Вулкан извергает лаву, камни, пепел, ядовитые газы. Понадобилось слово для обозначения всего извергнутого в совокупности. Вот фрагмент описания извержения исландского вулкана Геклы:

...черные вулканические изверженцы (так!)... Из наплывин лавы и каменных изверженцев сгрудились около ее местами скалистые бугры... (Труды Минералогического общества. – СПб., 1830. – С. 132, 139–140).

Существительное *изверженец* существовало и ранее. В значении 'изгнанник' оно встречается в балладе Г.Р. Державина «Новгородский волхв Злогор», в которой этот оборотень определяется как «изверженец из ада». «Словарь Академии Российской» (СПб., 1809. – Т. II. – С. 971) так определяет значение этого слова:

ИЗВЕРЖЕНЕЦ. Изверженник. Кто лишен сана, достоинства, или изгнан отсюда.

Но ни в общем, ни в специальном «вулканическом» значении слово *изверженец* не сохранилось. А для обозначения того, что извергнуто вулканом, мы пользуемся словом *выброс*. «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля (М., 1863. – Т. I. – С. 246) дает этому слову следующее толкование:

ВЫБРОС то же, что ВЫБРАСЫВАНЬЕ по всем знач[ениям]. ВЫБРАСЫВАТЬ выкидывать, выметывать; извергать.

Никаких упоминаний о вулканах при слове *выброс* нет. Нет их и в более поздних изданиях Словаря Даля, но в специальной геологической литературе это слово используется с 80-х гг. XIX в. Ср.:

...так называемые туфы – уплотнившиеся, сцементовавшиеся измельченные вулканические выбросы. (Известия Геологического комитета. – СПб., 1885. – Т. IV. – 2-я паг. – С. 324); Выбросы новейшего грязевого вулкана. (Там же. – 1904. – Т. XXIII. – С. 309).

В настоящее время слово *извержение* – это процесс активизации вулканической деятельности. Продукты такой деятельности называются *выбросом*. Но в форме множественного числа существительное *извержения* тоже может употребляться как синоним слова *выброс*:

Извержения вулканического происхождения. (Словарь современного русского литературного языка. – М.; Л., 1956. – Т. V. – С. 107–109).

При описании вулканов пользуются терминами *кратер, кальдера, лава*.

Слово **лава** известно в русском языке с середины XVIII в.:

[Геркуланум] со всеми жителями потопило подобною горячею материею, называемую *лава*. (Крафт Г.В. Руководство к математической и физической географии, с употреблением земного глобуса и ландкарт. – 2-е изд. – СПб., 1764. – С. 213).

Источником заимствования М. Фасмер (Этимологический словарь русского языка. – М., 1967. – Т. II. – С. 44) считает немецкий или итальянский язык. П.Я. Черных (Историко-этимологический словарь современного русского языка. – М., 1993. – Т. I. – С. 461) пишет: «вероятнее всего, из французского». В «Этимологическом словаре русского языка» МГУ (М., 1999. – Вып. 9. – С. 8) немецкий и французский языки рассматриваются как одинаково возможные доноры. *Лава* – один из бесспорных интернационализмов, широкому распространению которого весьма способствовали раскопки античных Помпей и Геркуланума в XVIII в., широко освещавшиеся в мировой прессе и вызвавшие к себе живой интерес читателей. Источником является диалектное итал. *lava*, неясное происхождение которого подчеркивается всеми этимологическими словарями.

Термин **кратер** в форме *кратура* известен с 1779 г. (Академические известия, содержащие в себе историю наук и новейшие открытия оных. – СПб., 1779. – Т. II. – С. 382), в современной форме *кратер* – несколько позже, см.: Гергард К.А. Опыт повести о царстве ископаемых / Пер. с нем. – СПб., 1790. – Ч. I. – С. 138. Слово заимствовано из немецкого или французского языка, куда, в свою очередь, пришло из латыни (а в латынь – из греч. кратήρ ‘чаша’) (см.: ЭСРЯ МГУ. – М., 1982. – Вып. 8. – С. 376).

В XVIII в. отмечаются попытки семантического калькирования:

Лужина ее [горы] или так называемая чаша... походит точно на курительную трубку. (Академические известия. – СПб., 1779. – Т. II. – С. 389).

В некоторых случаях кратеры достигают гигантской глубины, и тогда их называют **кальдерами**. *Кальдера* по-испански значит «котел». Так был назван огромный провал, возникший после извержения мощного вулкана на острове Тенерифе. Первоначально *Кальдера* было именем собственным:

На верьху, или лучше на теме, горы Пики увидели провал или пропасть, называемую испанцами Кальдера. (Лагарп Ж.Ф. История о странствиях вообще по всем краям земного круга, сочинения господина Прево, сокращенная новейшим расположением чрез господина Ла Гарпа... На российский язык переведена 1782 года... – М., 1782. – Ч. I. – С. 257).

Но с открытием других вулканов с подобным строением кратеров слово *кальдера* стало нарицательным. Ср.:

На самой большой высоте находится обыкновенно котлообразная впадина, называемая (на Канарских островах) *кальдэрою*. (Хотинский М.С. Физическое земледование, или Физика земного шара. – СПб., 1853. – Т. II. – С. 222).

А вот уже не Канары, а Закавказье:

Кальдера Алагеза состоит из трех обширных террас... (Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1870. – Т. CXIX. – Отд. II. – С. 134).

Для обозначения трещины на склоне вулкана или в его кратере, из которой вырываются горячие газы, использовали термин **фумарола**. Это слово заимствовано из итальянского языка, где оно является суффиксальным производным от *fuma* ‘дым’. Поэтому в «Указателе открытий по физике, химии, естественной истории и технологии», в 1824–1832 гг. издаваемом Н.П. Щегловым (СПб., 1824. – Т. I. – Ч. 3. – С. 314), такие трещины называются *вулканические дымовища*, а в «Кратком рассмотрении огненных явлений, из внутренности земли исходящих, или О вулканах...» того же

Н.П. Щеглова (СПб., 1823. – С. 56) – *дымницы*. Но ни тот ни другой вариант для названия фумарол по-русски не закрепился. Русские геофизики приняли на вооружение итальянский термин *fumarola*. В «Живописном обозрении достопамятных предметов из наук, искусств, художеств, промышленности и общежития... Изд. Августом Семеном» (М., 1840. – Т. II. – С. 127) читаем:

...от жара, ...фумаролей, или горячего пара...

Современную форму *фумарола* находим в «Геогнозии» Э.И. Эйхвальда (СПб., 1846. – Т. II. – С. 324), а лексикографическую фиксацию этого термина – в «Полном словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка» (СПб., 1861. – Прибавление. – С. 33):

Фумарола, ит. появление дыму из кратера вулкана.

Вулканы изучает специальная наука под названием **вулканология**. Этот термин появился в конце XIX в. По данным незавершенного 2-го издания «Словаря современного русского литературного языка» (М., 1991 – Т. I), он впервые отмечается в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона 1892 г., но прилагательное **вулканологический** можно найти раньше, в «Записках Киевского Общества естествоиспытателей» (Киев, 1880. – Т. VI. – Вып. 1. – С. 140).

Школьники младших классов с интересом прочли бы книгу Д. Арманда «Грозные силы. Рассказы о грозных явлениях природы» (М.; Л., 1940), а старшеклассники – книги вулканолога Гаруна Тазиева «Встречи с дьяволом» и «На вулканах».

Из этого вытекает, что...

Глагол *вытекать* многозначен. Нас интересует, как и когда у этого глагола появилось значение 'являться следствием чего-то, о чем ранее шла речь; следовать; обнаруживаться'. Как правило, он носит книжный характер и замыкает цепочку каких-то рассуждений. В научных трудах его можно встретить достаточно часто. Но не только в них.

Николенька и Катенька (Л.Н. Толстой «Детство», 1854 г.) рассуждают о богатстве и бедности:

Что ж такое, что мы богатые, а они бедны? – думал я, – и каким образом из этого вытекает необходимость разлуки?

Обратимся к словарям. Глагол *вытекать* возник в праславянской древности со значением 'течь откуда-то'. Но значение, интересующее нас, отсутствует в словарях вплоть до самого конца XIX в. Его нет не только в первых академических словарях конца XVIII и начала XIX в., но и в «Общем церковно-славяно-русском словаре, или Собрании речений как отечественных, так и иностранных...» П. Соколова (СПб., 1834), и в «Словаре церковнославянского и русского языка, составленном Вторым отделением Академии наук» (СПб., 1847). Нет его ни в первом издании «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля (М., 1863–1866), ни во втором (М.,

1880–1882). Оно включено только в третье, «Бодуэновское», т.е. под ред. И. Бодуэна де Куртенэ (СПб., 1903–1909), и по правилам этого издания заключено в квадратные скобки, дабы обратить внимание пользователей на эту лексическую новинку:

ВЫТЕКАТЬ... [Обнаруживаться, являться как следствие или логический результат. *Эта мысль естественно вытекает из предыдущей*].

При этом дана ссылка на Гротовский «Словарь русского языка» (СПб., 1892. – Т. I. – Вып. 2), что, по-видимому, и следует считать первой лексикографической фиксацией интересующего нас значения. А между тем САН 1892 г. и «Детство» Л.Н. Толстого разделяют почти 40 лет.

Однако можно найти свидетельства того, что глагол *вытекать* в значении 'являться следствием' был в ходу и ранее. Ср.:

Но те же самые неразрешимые вопросы, каковы... вытекали из учения гностиков... (Ученые записки Казанского университета. – Казань, 1838. – Т. II. – С. 30); В художественном произведении нет ничего произвольного и случайного, но всё необходимо и логически вытекает из его идеи. (Белинский В.Г. Горе от ума, 1840 // Белинский В.Г. ПСС. – М., 1953. – С. 455).

У глагола *вытекать* есть синоним-предшественник. Это глагол *проистекать*. В первой половине XVIII в. он фиксируется только в прямом значении:

От оныя же горы проистекает река Дакс... с полуденно-восточной страны. (Татищев В.Н. История Российская, 1739–1750 // Татищев В.Н. Собр. соч. – М., 1994. – Т. I. – С. 176).

Во второй половине XVIII в. глагол *проистекать* приобретает переносное значение:

Сие есть начальное положение, проистекающее из сего заключения... (Юсти И.Г.Г. Существенное изображение естества народных обществ и всякого рода законов / пер. с нем. Врм. Влкв. – М., 1770. – Ч. II. – С. 28).

В XIX в. мы находим его у В.Г. Белинского:

Все эти обстоятельства чрезвычайно важны, тесно соединены между собою и условливают друг друга, и все проистекают из одного общего источника – причины всех причин – климата и местности. (Белинский В.Г. Литературные мечтания, 1834// Белинский В.Г. ПСС. – М., 1953. – Т. I. – С. 35).

Есть основания предполагать, что глаголы *проистекать* и *вытекать* в интересующем нас переносном значении являются семантическими кальками французского *découler* 1. 'вытекать, сочиться'; 2. 'являться следствием чего-то, о чем ранее шла речь; следовать; обнаруживаться'. В Полном французско-русском словаре И. Татищева (М., 1816. – Т. I.) читаем:

Découler капать, течи медлительно, сочиться. – проистекать. (С. 560).

В издании 1839 г. дефиниция повторяется слово в слово, но, чтобы отметить переносное значение, издатель снабдил его астериском-звездочкой (Т. I. – С. 371).

Н.С. АРАПОВА
Москва

У нас на уроке

Беседа о стихотворении А.С. Пушкина «Няне»

С каких слов начинается речь ребенка?

Вы наверняка знаете от своих родных, какие были ваши первые слова. *Ма, па...* – одни из тех звуков, которые легче всего даются малышу, когда он только учится говорить. *Мама* – слово уникальное, звучащее похоже на многих языках. Даже в китайском языке в него входят те же знакомые звуки: [māma].

Важнейшее место в этом детском ряду занимает слог *ня-*. В XIX в. няня была практически в каждой дворянской семье. Обычно ею становилась крестьянка. До определенного возраста (а иногда и на всю жизнь) няня оставалась ближе ребенку, чем собственная мама. Няня всегда рядом: споет колыбельную, расскажет сказку, выслушает, приголубит, обогреет. Именно такой была няня Александра Пушкина – Арина Родионовна Яковлева.

Как вы знаете, отношения поэта с матерью были сложные, полные обид и непонимания. Огромная материнская любовь няни восполнила поэту нехватку родительской любви и внимания.

Арина Родионовна – один из самых теплых, уютных образов русской культуры. Памятники ей установлены по всей России: в Пскове, Болдине, в Калужской области, в селе Воскресенское (Гатчинский район Ленинградской области). А в ее доме в селе Кобрино создан музей «Домик няни А.С. Пушкина». Каким образом простая неграмотная крестьянка могла занять такое почетное место в истории русской культуры?

Конечно, благодаря гению Пушкина и его друзьям: Ивану Пущину, князю Вяземскому, Николаю Языкову... Трогательные отношения поэта с няней вдохновляли его друзей на создание собственных произведений, в которых они вслед за Пушкиным воспели его мудрую и заботливую Арину Родионовну.

Давайте прочитаем посвященное няне пушкинское стихотворение. В нем вам встретится слово *час* в непривычном значении: срок дежурства, стояния на карауле. Выражение *стоять на часах* означает быть *часовым*, то есть военным, которому поручено нести караул. Слово *спицы* – тоже многозначное. Здесь оно означает длинные тупые иглы для вязания.

А еще в этом стихотворении много *эпифор*, т.е. образных определений, с помощью которых Пушкин создает поэтические картины. Чтобы они стали для вас яркими и живыми, нужно воссоздать их в своем воображении. Поэтому при чтении обязательно включите «волшебный фонарь» воссоздающего воображения.

Няне

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.

Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые ворота
На черный отдаленный путь:
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь.
То чудится тебе...

1826

Няня для Пушкина – верный друг, близкий ему по духу и по сердцу. Это чувствовали и отмечали не только друзья поэта, но и многие поколения благодарных читателей, которые дорожат ею как собственной любимой няней, даже если у них ее не было. Удивительно точно это отношение описала Марина Цветаева, мечтавшая о такой няне:

«Подруга дней моих суровых – Голубка дряхлая моя!» – <...> как это походило на мою няню, которая бы у меня была и которой у меня не было. (Цветаева М.И. Мой Пушкин // Цветаева М.И. Сочинения: В 2 т. – М., 1980. – Т. 2. – С. 354).

Ученица VII класса Ира С. пишет: «Читая это стихотворение, я представляю свою бабулю. Для Пушкина няня – самый родной человек. Когда весь мир от него отворачивался, то няня всегда Пушкина поддерживала».

Где находится тот, кого няня ждет? Далеко ли он?

Няня ждет его *давно, давно* – значит, он далеко, она скучает по нему и волнуется. А написано стихотворение так, будто он рядом, незримо присутствует в ее *светлице*.

Что означает слово *светлица*?

Вот как в детстве поняла это слово Марина Цветаева:

«Ты под окном своей светлицы...» – у нее очень светлое окно, она его все время протирает (как мы в зале, когда ждем дедушкиного экипажа) – чтобы видеть, не едет ли Пушкин. А он все не едет. Не приедет никогда. (Там же. – С. 355).

Хотя слово *светлица* было для маленькой девочки незнакомым, она сразу же уловила его внутреннюю форму: *свет, светлый*. Раньше *светлицей* называли светлую парадную комнату в доме.

Что няня делает?

Вяжет. Почему же у нее в руках *медлят поминутно спицы*?

Сравните свой ответ с ответами учащихся VI классов:

Аня М.: «Потому что няня ждет Пушкина как сына, переживает за него, постоянно отвлекается и смотрит, не приехал ли он».

Гоша Ф.: «Они медлят у нее в руках, потому что она глубоко задумывается над тем, что может произойти с Пушкиным во время его отъезда, и забывает двигать спицами. А еще ведь она уже пожилая и быстро устает, ей часто нужно отдыхать».

Няня *горюет* и смотрит в окно, в *забытые ворота*. Как вы думаете, что поэт имеет в виду, когда называет ворота *забытыми*?

Давно уже никто в эти ворота не въезжал, вот они и стоят – неиспользуемые, молодым барином позабытые.

Перечитайте стихотворение и выпишите из него все слова, связанные по своему лексическому значению со временем.

Давно, на часах, медлят, поминутно, всечасно.

Отчего так много этих слов?

Всегда тяжелее тому, кто ждет, чем тому, кого ждут. Время словно бы растягивается, течет вяло и лениво, как бы его ни подгонял беспокойный ждущий.

Это сейчас у нас есть телефон, Интернет, легко можно позвонить, спросить, все ли в порядке, разузнать, что задержало, когда приедешь. А в XIX в. никаких телефонов не было. Ждать письмо с весточкой приходилось долго-долго. К тому же Арина Родионовна не умела ни читать, ни писать. Изредка она диктовала заезжавшим друзьям и знакомым Пушкина несколько обращенных к нему строк, которые они вписывали в свое письмо.

Как вы думаете, почему поэт сравнивает няню с часовым?

Потому что она, как стоящий на посту часовой, постоянно находится в состоянии напряженного ожидания. И это были не напрасные волнения, ведь Пушкин находился в очередной ссылке.

Что же означает многоточие в конце стихотворения?

Ученица VII класса Настя И. пишет: «В конце стихотворения стоит многоточие, потому что поэт не закончил мысль ("То чудится тебе..."). Няня волнуется, и ей может "чудиться" только что-то плохое. Пушкин не хотел продолжать рассказывать, как было печально Арине Родионовне ждать ее любимого и родного для нее Сашу».

Пушкин обладал одним из самых важных человеческих качеств: умением встать на место другого человека, почувствовать его состояние изнутри. И может показаться, что в этом стихотворении поэт приковывает все наше внимание только к няне. Но не стоит забывать: все мысли, чувства, действия няни направлены к нему, лирическому герою. Няня оказывается неразрывно с ним связанной, и вся ее жизнь дана сквозь призму его жизни, его *дней суровых*, его долгого отсутствия, – скорее всего, не по своей воле. Поэтому неслучайно детское сердце Марины Цветаевой обратилось к стоящему одновременно за кадром и в самом центре кадра поэту:

Кого я жалела? Не няню. Пушкина. Его тоска по няне превращалась в тоску по нему, тоскующему. И потом, все-таки няня сидит, вяжет, мы ее видим, а он – что? А он – где? «Одна в глуши лесов сосновых – Давно, давно ты ждешь меня». Она – *одна*, а его совсем нет! (Цветаева М.И. Мой Пушкин // Цветаева М.И. Сочинения: В 2 т. – М., 1980. – Т. 2. – С. 354).

И все-таки он есть, он рядом с няней: мысленно и сердцем наверняка уже не в первый раз проделал дальний путь в сосновые михайловские леса. Он понимает думы и переживания своей родной *голубки*, знает ее жизнь изнутри как участник и один из главных действующих лиц. И конечно, он тоже по ней скучает.

К.В. МИРОНОВА
Москва

Рабочая тетрадь

Правописание приставок

(Продолжение)

Правописание приставок *пре-, при-*

1. Прочитайте вслух выделенные слова и определите, соответствует ли правописание гласных в приставках их произношению. Письменно аргументируйте свое мнение

Прекрасны руки человека! Они все время работают. Они создают чудесные картины, красивые статуи. Они *приказали* дикой яблоньке *приносить* людям вкусные плоды. Всё могут руки человека! Надо с детства *приучать* их к интересному делу.

(Л. Кассиль).

2. Заполните таблицу, используя данные слова.

Пригвоздить, прибегать, прибывать, приамурский, прибрежный, приволжский, привстать, прибить, приглушить, привезти, приехать, приземлиться, призадуматься, приподнять, прийти, прискакать, пришвартоваться, прицепить, приунуть, приколоть, припать, прицепить, приклеить, приутихнуть, присниться, пририсовать, приручить.

Значения приставки <i>при-</i>			
присоединение	приближение	близость	неполнота действия

3. Заполните таблицу, используя для примеров данные слова. Устно подготовьте ответ-рассуждение на тему: «Правописание приставки *пре-*».

Превозносить, превращать, преградить, превратить, преувеличивать, превосходить, преуспевать, прекрасный, превосходный, прекратить, преступить, премило, премилый, прехорошенький, превысокий, прегрустный, превкусный, прежирный, презабавный.

Значения приставки <i>пре-</i>		
высшая степень		значение, сходное со значением приставки <i>пере-</i>
качества	действия	

4. Из толкового словаря выпишите в столбик 5–7 слов, от которых можно образовать однокоренные слова с приставками *пре-* или *при-*. Запишите с ними словосочетания.

Образец: *тушить* – *слегка притушить*.

5. От данных существительных образуйте прилагательные с приставкой *при-*. Запишите слова парами. Устно объясните значение приставки. С одним из слов с приставкой *при-* составьте предложение с отрицанием.

Образец: *корень* – *прикорневой*.

Море, вокзал, усадьба, дорога, город, школа.

6. Для какого стиля речи характерен глагол *прибыть*? Запишите 2–3 предложения с этим глаголом, поставив его в форму прошедшего времени.

7. Выпишите из предложений в столбик только те слова, в которых *пре* и *при* слились с корнем и перестали быть приставками. Подберите и запишите к ним однокоренные слова. Приведите 2–3 примера эпитетов, которые вы встретите в данных предложениях, и запишите их.

- 1) Есть в светлости осенних вечеров умильная, таинственная прелесть... (Тютчев).
2) Как призрак дня, ты, бледное светило, восходишь над землей. (Фет) 3) Но и всё же душа не остыла, так приятны мне снег и мороз, потому что над всем, что было, колокольчик хохочет до слез. (Есенин). 4) Мело, мело по всей земле во все пределы. (Пастернак).
5) Новые песни придумала жизнь... (Светлов).
-
-
-

8. Напишите сочинение «Как я понимаю русскую пословицу “Смех без причины – признак дурачины”». Используйте в своем сочинении слова с приставками *пре-* и *при-*, а также слова, в которых *пре* и *при* являются частью корня.

9. Предложите своим одноклассникам принять участие в беседе на тему «Значение приставок *пре-* и *при-*». Составьте и запишите вопросы для беседы.

10. Прочитайте пословицы и поговорки. Выделенные слова разберите по составу. Какие еще пословицы, поговорки, народные приметы или загадки вы знаете, где встречаются слова с приставками *пре-*, *при-*? Запишите 2–3 из них.

1) Тот побеждает, кто смерть *презирает*. 2) Осень *прикажет*, весна свое скажет. 3) В чужом дому будь *приветливой*, а не *приметливой*.

11. Подготовьтесь к словарному диктанту. Устно объясните правописание приставок *пре-*, *при-*. Проговорите слова с данными приставками по слогам. Пять-семь слов с приставками *пре-*, *при-* – запишите поморфемно.

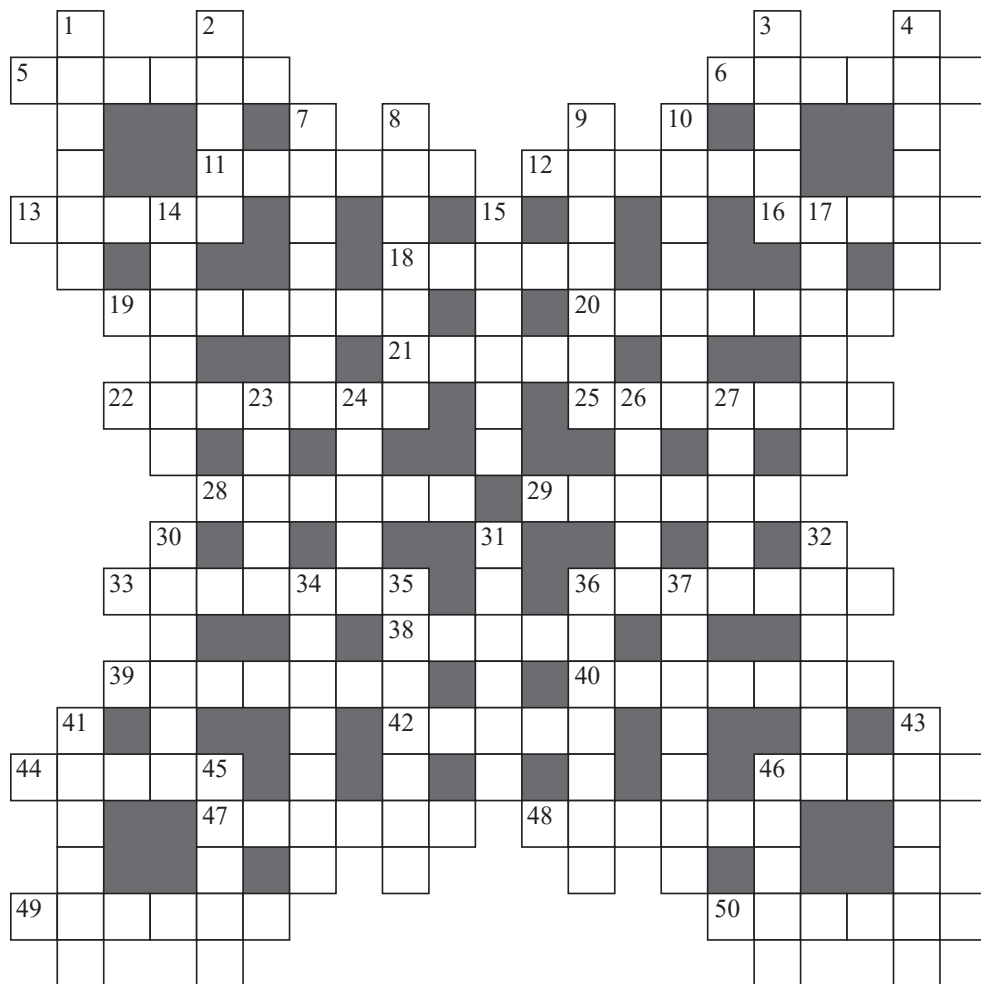
1) Препградить дорогу, придумать интересное развлечение, преодолеть препятствие, присесть на ступеньку, превосходный вид, преследовать врага, чудесное приморье, чувствовать себя преотлично, прескучный сад, преодолеть препятствие, передать привет.

2) Премилый ребенок, причудливый рисунок, приподнять камень, прилечь отдохнуть, приделать ручку, прервать отпуск, приблизиться к цели, причалить к пристани, преклоняться перед талантом, преинтересная книга, президент страны, примитивное рассуждение.

3) Пришить пуговицы, предобрые глаза, презабавный клоун, придерживаться за стену, придорожная трава, удачное приобретение, прекрасная акварель, превысить план, приоткрыть окно, президиум собрания, приятный собеседник.

Л.Г. ЛАРИОНОВА
Ростов-на-Дону

Кроссворд

По горизонтали. 5. Вид лирического стихотворения. 6. Поэма И. Козлова. 11. Смелый лихой наездник. 12. Река в Великобритании. 13. Село в Талдомском районе Московской области – станция Савеловской железной дороги. 16. Роман И.А. Гончарова. 18. Мохнатое насекомое – пушкинский персонаж. 19. Насекомое семейства саранчовых. 20. Остров Филиппинского архипелага. 21. Старинное приспособление для освещения. 22. Государство в Северной Америке. 25. Отборные воинские части. 28. Имя участницы молодоговардейского подполья во время фашистской оккупации Донбасса – героини романа А. Фадеева «Молодая гвардия». 29. Плащ-накидка без рукавов – предмет одежды чеховских героинь. 33. Армянский композитор-классик. 36. Фамилия, которую носят несколько русских артистов. 38. Крупа из проса. 39. Разновидность плетеного изделия. 40. Система государственных органов, охраняющих общественный порядок. 42. Средство передвижения по воде. 44. Город во Владимирской области. 46. Город в Черновицкой области Украины. 47. Драматическое произведение И.А. Южина-Сумбатова. 48. Смола хвойных деревьев. 49. Город на востоке Польши. 49. Город в Иркутской области.

По вертикали. 1. Имя пушкинского героя – жениха мертвой царевны. 2. Нимфы дождя в древнегреческой мифологии. 3. Город в Витебской области Белоруссии. 4. Старинное холодное оружие. 7. Самые высокие горы. 8. Столица Демократической Республики Конго. 9. Устаревшее название торговой точки. 10. Единица измерения времени. 14. Морское божество в древнегреческой мифологии. 15. Травянистое растение, из толстых стеблей которого варят варенье. 17. Столица Германии. 23. Имя тетушки Тома Сойера. 24. Заморённая лошадь. 26. Баллада А.К. Толстого. 27. Кубинский танец. 30. Поэма В. Маяковского. 31. Роман Э. Казакевича и его экранизации. 32. Подмосковное городское поселение, в котором находится Музей Военно-Воздушных Сил. 34. Вид древнеримского военного судна. 35. Комната, предназначенная для сна. 36. Покупатель чеховского вишневого сада. 37. Советский драматург. 41. Мешок из шкуры животного. 43. Турецкий поэт и драматург. 45. Съедобный моллюск. 46. Излюбленная одежда Обломова.

ОТВЕТЫ Кроссворд (№ 9)

По горизонтали. 3. Зерно. 5. Гирей. 8. Колумб. 10. Трагик. 12. Азот. 13. Устье. 15. Фуга. 16. Пистоль. 17. Монолит. 18. Блюдо. 19. Строка. 22. Сказка. 25. «Старик». 26. Войнич. 28. Компас. 31. Балхаш. 34. Ленау. 35. Жиронда. 36. Равелин. 37. Бриг. 39. Корфу. 40. Лист. 42. Синица. 43. Свинья. 44. «Кюхля». 45. Жокей.

По вертикали. 1. Серна. 2. Щепка. 4. Осот. 5. Гриф. 7. Шаранта. 8. Комикс. 9. Бульба. 10. Термос. 11. Курица. 14. Тетюши. 20. Тосно. 21. Корма. 23. Кайма. 24. Кочка. 27. Монтёр. 28. Кризис. 29. Панагия. 30. Славка. 31. Бурнус. 32. Лавиния. 33. Штирия. 37. «Бирюк». 38. Гиря. 40. Лёж. 41. Тезей.

ОТВЕТЫ Дополнительные задания к кроссворду (№ 9)

1. **По горизонтали.** 3. Рациональное зерно; Навозну кучу разрывая, Петух нашел жемчужное зерно. (Крылов). 8. Колумбы русские, презрев угрюмый рок, Лишь льдами новый путь открывают на восток. (Помоносов). 19. Всякое лыко в строку; Ни дня без строчки! (Олеша); Мне и рубля не накопили строчки. (Маяковский). 22. Сказка ложь, да в ней намек – добрым молодцам урок; Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается; Ни в сказке сказать, ни пером описать; Мы рождены, чтоб сказку сделать былью. (П. Гюгено); сказка про белого бычка. 40. Похвальный лист; исполнительный лист; чистый лист (о ребенке), а также: пристать как банный лист; дрожать как осиновый лист; фиговый листок. 42. Наделала синица славы, А море не зажгла. (Крылов). 43. Не мечите бисера перед свиньями; Гусь свинье не товарищ; подложить свинью (кому-нибудь). **По вертикали.** 2. Лес рубят – щепки летят. 11. Денег куры не клюют; Попал как кур во щи; курам на смех; мокрая курица; писать как курица лапой; Избушка на курьих ножках. Другого происхождения строить куры.

2. **По горизонтали.** 13. Устье – это еще и выходное отверстие чего-л. (устье трубы, устье шахты). Кстати, к той же праславянской основе восходит и слово уста «рот, губы», относящееся сейчас к традиционно-поэтической лексике. 16. Пистоль – это название старинных итальянских, испанских, французских монет. 17. Монолит – это не только нечто из единой каменной глыбы (от греч. *mónos* «один» и *líthos* «камень», ср. *литосфера, литография*), но и то, что представляет собой нечто устойчивое, единое, целое. 18. Блюдом называется не только вид посуды, но и то, что подают для еды, и кушанье вообще. 18. Мужчина, достигший старости. 35. Департамент на юго-западе Франции. 40. Загаданное слово *лист* является омографом слову *лист* 'орган воздушного питания растений'. В современном русском языке они отличаются формами множественного числа: *листы* и *листья*. Написанный с прописной буквы, этот звуко-графический комплекс будет фамилией венгерского композитора, причем тогда он станет и омографом, и омофоном, так как при склонении этого антропонима ударение останется на первом слоге. **По вертикали.** 5. Омонимами загаданного слова *гриф* будут название крупной хищной птицы-падальщика и связанное с ним общим происхождением наименование фантастического крылатого существа с туловищем льва и крыльями орла

(чаще *грифон*), а также 1) штемпель с изображением подписи и 2) специальная пометка на документах и книгах (*совершенно секретно, для служебного пользования*), а также само издание, получившее гриф, т.е. официально допущенное официальным органом («грифодавателем») для использования (учебник с грифом).

3. По горизонтали. Слово **12 азот**, в XVIII в. заимствованное из французской химической терминологии, составлено ученым Лавуазье из греч. α «не» и $\zeta\omega\acute{o}\varsigma$ «живой», $\zeta\omega\tau\acute{\iota}k\acute{o}\varsigma$ «дающий жизнь» для обозначения составной части атмосферного воздуха, неспособной к горению и дыханию, но тем не менее являющейся одним из основных элементов, входящих в состав белков – важнейших веществ живых клеток.

4. По горизонтали. Слово **28 компас** в профессиональной речи моряков имеет ударение на втором слоге, в отличие от русской литературной нормы.

5. По вертикали. У существительного **11 курица** в современном русском литературном языковом стандарте во множественном числе употребляются формы без суффикса *-иц(а)*: *куры, кур, курам* и т.д.

6. По вертикали. Свое прозвище **Бирюк (37)** лесник Фома получил от крестьян за строгий нрав, манеру поведения, особенности речи, образ жизни. Тургенев пояснял в сноске: «Бирюком называется в Орловской губернии человек одинокий и угрюмый». В этом значении слово образовалось на базе тюркского заимствования *бирюк* «волк» по распространенной модели «животных» наименований человека.

На свечке задумчиво сидела одна тинейджерка...

Народ освобожден от крепостнического права.

Взрослые разбирали ребятишек и сажали их на плечи.

Между этими видами большие отличия.

Я скажу несколько банальный совет...

Он имел превосходную компетенцию в области рекламы.

Она имеет важное место в понимании и истолковании исторических процессов.

Реклама воздействует на аудиторию; она должна быть яркой.

Машину поставила на ремонт моя знакомая: у нее отказали тормоза.

Женщина посмотрела на собаку: она оскалилась, зарычала, шерсть встала дыбом, глаза хищно засверкали.

В нашем городе построили небоскреб, он старый, основан еще при царе.

Доска лежала поперек лужи. По ней пытались пройти жители.

Дочь не пойдет к подруге: она уезжает!

Девушка стоит на берегу реки, и луна освещает ее поверхность.

Стоя на платформе, быстро подошел поезд.

...Признание вступившим в законную силу приговора суда факта совершения преступления.

Русский язык в школе и дома. 2017. № 10. 1–20

Редакция:

Т.А. Боброва, А.Е. Куманьева (главный редактор)

Компьютерная верстка – К.В. Морозов

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № 77–7793 от 16 апреля 2001 г.

Редакция журнала «Русский язык в школе и дома»

Адрес редакции: 101000, Москва, почтамт, Покровский бульвар, д. 4/17, стр. 5

Телефон/факс: 8(495) 624–76–66. E-mail: admin@riash.ru

<http://www.riash.ru/>

© Журнал «Русский язык в школе и дома». 2017